

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик

российской академии наук, заведующий сектором теории познания учреждения российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки". Севастопольский государственный

истории, истории философии и социальных наук, Саратовский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэлевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантуры и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАН, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспертного совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г. Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetjeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75 khabiba_chagbanova@list.ru

И.С. khayba_stavbatova@nsu.ru

EDITORIAL COLLEGIUM

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroeve Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of the Theory of Translation of the Institute of

Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafaelevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodiasova@yandex.ru

Gabyшева Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna — Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublei str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bessalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yukhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Минова М.В., Копылова Е.В., Кузнецова Ю.А., Николаева Е.А., Желамская В.А. Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках	1
Тульцева А.Э., Попова Л.Г. Атрибутивная валентность немецкого глагола GEHEN и русского глагола ИДТИ (когнитивный аспект)	18
Магомедова П.А., Аливалиева Д.А. Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)	29
Павлова Т.А., Потовская К.С. Функциональные особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе	43
Сы Х. Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова	53
Исаева Л.Ф. Вербальная представленность центральных концептуальных признаков мужской верности в немецких и русских художественных текстах	62
Пищерская Е.Н. Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы	73
Англоязычные метаданные	84

Contents

Minova M.V., Kopylova E.V., Kuznetsova Y.A., Nikolaeva E.A., Zhelamskaya V.A. The Phenomenon of Reduplication as a Method of Word Formation in Modern French, Spanish, English and Russian Languages	1
Tultseva A.E., Popova L.G. Attributive Valence of the German verb GEHEN and the Russian Verb ИДТИ (Cognitive Aspect)	18
Magomedova P.A., Alivalieva D.A. Russian and Avar languages Spiritual values/Anti-values in Religious and Paremiological Paintings (using the concept of "Faith/Unbelief" as an example)	29
Pavlova T.A., Potovskaya K.S. Functional features of euphemisms in English-language political discourse	43
Si H. The specificity of the representation of speech in family communication of the characters in A.P. Chekhov's novels	53
Isaeva L.F. Verbal representation of the central conceptual signs of male fidelity in German and Russian literary texts	62
Pishcherskaia E.N. Verbal Means of Implementing Communication Strategies in English-Language Outdoor Advertising	73
Metadata in english	84

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Минова М.В., Копылова Е.В., Кузнецова Ю.А., Николаева Е.А., Желамская В.А. — Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках // Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40020 EDN: NTDGOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40020

Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках

Минова Мария Владимировна

ORCID: 0000-0003-3554-1272

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков №3, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ mariaminova543@gmail.com

Копылова Елена Викторовна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков № 3, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, Москва область, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ kopylova_ev@mail.ru

Кузнецова Юлия Андреевна

кандидат экономических наук

доцент, кафедра иностранных языков № 3, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, Москва область, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ yulya_success@mail.ru

Николаева Елена Анатольевна

кандидат социологических наук

доцент, кафедра иностранных языков № 3, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, Москва, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ yoltash82@mail.ru

Желамская Вера Анатольевна

кандидат филологических наук

преподаватель, кафедра иностранных языков № 3, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, Москва, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ zhelamskaya.va@rea.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40020

EDN:

NTDGOY

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2023

Дата публикации:

06-04-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики реализации такого способа словообразования как редупликация. Проведенный анализ языкового материала говорит о достаточно широком распространении данного явления в современных французском, испанском, английском и русском языках. Авторами изучаются особенности реализации различных видов редупликации в исследуемых языках, а также подробно рассматриваются особенности их функционирования. Материалом для исследования послужили примеры редупликативных единиц из прессы и из открытых источников в сети Интернет. В ходе проводимого исследования использовались такие методы, как анализ теоретической литературы, метод сопоставительного анализа, метод сплошной выборки, а также наблюдение и обобщение. Новизна исследования заключается в выявлении динамики функционального развития редупликаций во французской, испанской, английской и русской лексике в современный период. Проведенное исследование показало, что, хотя принципы образования различных видов редупликативных единиц сопоставимы в современных французском, испанском, английском и русском языках, однако прослеживаются ярко выраженные различия в предпочтительности сфер употребления видов редупликации в разных исследуемых языках. Особый интерес представляют тот факт, что для французского языка характерна широкая употребительность редупликации при образовании прозвищ известных людей из мира политики и шоу-бизнеса, тогда как в испанском, английском и русском языках это достаточно редкое явление.

Ключевые слова:

редупликация, редупликативные слова, редупликативные лексические единицы, словообразование, словотворчество, неологизмы, французский язык, испанский язык, английский язык, русский язык

Данная статья посвящена исследованию того, какое место занимает редупликация в словообразовательном процессе современных французского, испанского, английского и русского языков.

По образному выражению Е. С. Кубряковой, «словообразование бесспорно лежит на перекрестке многих лингвистических дорог» [\[1, с. 52\]](#). Как справедливо отмечает О. Ю. Крючкова, «важная роль словообразования в моделировании языковой картины мира

подчеркивается неравномерной и неслучайной активностью словообразовательных процессов в разных подсистемах языка, на разных его семантических участках» [2, с. 15]. При этом «зачастую продукты словотворчества как креативного лингвистического процесса находят свое отражение в словарном составе языка, входя в него составной частью и тем самым меняя его» [3, с. 41].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» редупликация (позднелат. *reduplicatio* – удвоение) определяется как «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении какого-либо слога, основы (полностью или частично) или всего слова» [4, с. 408]. И, как указывает Э. Сепир, «нет ничего более естественного, чем факт распространения удвоения, иными словами, повторения всего или части корневого элемента. Этот процесс обычно используется с самоочевидным символизмом для обозначения таких понятий, как распределение, множественность, повторность, обычность действия, увеличение в объеме, повышенная интенсивность, длительность» [5, с. 59].

Различные аспекты явления редупликации в последние годы активно исследовались как в отечественной [6; 7; 8; 9; 10], так и в зарубежной лингвистике [11; 12; 13; 14; 15; 16].

Материалом для настоящего исследования послужили примеры, полученные методом сплошной выборки из прессы и из открытых Интернет-источников.

В первую очередь, редупликация во всех исследуемых языках проявляется в ономотопеях (например, рус. **тук-тук** ; фр. **tchin - tchin** – звукоимитация звона бокалов при чоканье, тост «За Вас!» ; англ. **choo-choo** – гудение паравоза ; исп. **miau miau** – мяуканье кошки) и при передаче «детского лепета» (например, рус. **ням-ням** ; фр. **dodo** – спатки, бай-баюшки, кровать ; англ. **splash-splash** – плюх, плюх ; исп. **nana** – няня).

Интересен тот факт, что редупликация **ку-ку** – звукоподражание, передающее звук кукования кукушки, в русском языке имеет два омонима: 1) в значении «сойти с ума, быть не в себе, быть сумасшедшим», например: *Ты что, совсем ку-ку?*; дизайнерский шоколад DELICERT "Ты **ку-ку!** За это и люблю :)" (<https://delicert.com/dizayn-2-ty-ku-ku-za-eto-i-lyublyu>); 2) междометие для привлечения внимания в значении «привет, вот он(а) я!», например: название канала о еде на Яндекс Дзене «**Ку-ку**, тут вкуснятина!» (https://dzen.ru/tut_vkusnyatina). Второе значение редупликативной единицы **ку-ку** произошло от детской игры, предназначенной для совсем маленьких детей, когда родители закрывают лицо ладонями, «прячась», а потом раздвигают ладони и кричат «Ку-ку!» . Аналогично русскому обозначению данная игра называется также Франции «**Coucou**, *me/le voilà!* », придавая ономотопее **coucou** вышеупомянутое дополнительное значение (**Coucou**, *M arc ! Ça va ?*). Что касается англоязычных и испаноязычных стран, то, хотя там тоже существует подобная игра для малышей, однако ее название редупликации, имитирующей звук кукования кукушки, уже не содержит (например, в английском языке данная игра называется *Peekaboo!*).

Также следует отметить, что с помощью редупликации в исследуемых языках часто образуются неологизмы.

Так, например, редупликативная единица **няш мяш** – словосочетание, произнесенное на тот момент прокурором Крыма, а впоследствии депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва Натальей Поклонской. Внешняя привлекательность и схожесть с героями аниме породили сначала среди японской молодежи, а вскоре и среди российской изображение прокурора в образе «няшки». На что Наталья Поклонская отреагировала так: «Здесь я прокурор, и поэтому никаких **няш-**

мяш и тому подобное я не допущу». Сейчас «няшмяшный» – значит «забавный», «милый» (<https://myslang.ru/words/tag/>).

Мимими — слово из сетевого жаргона, междометие или прилагательное, означающее нечто восхитительное, умильное. В значении сказуемого выражает крайнюю степень умиления. Многие уверены, что редупликативная лексическая единица **МИМИМИ** является англоязычным заимствованием, ассимилированным в русском языке путем транскрипции. Однако у нее нет англоязычного аналога, это чисто русскоязычная редупликация. С этой проблемой в свое время столкнулся продюсер Макс Фадеев, когда, пытаясь выйти на западный рынок с группой «SEREBRO», начал переводить их русскоязычные песенные хиты (и их песню «Ми-ми-ми» в том числе) на английский. По одной из версий редупликация **МИМИМИ** образовалась в русскоязычном сегменте Интернета от звука *ми-ми*, издаваемого умильным на вид большеглазым детенышем-лемуром – второстепенным персонажем американского полнометражного мультфильма «Мадагаскар» (2005).

Лингвистами выделяются разные виды редупликаций, исходя чаще всего из способа их образования.

Согласно Н.М. Штейнберг, редупликативные лексические единицы во французском языке можно классифицировать следующим образом [\[17, с. 6\]](#):

1. «Чистая» или «абсолютная» редупликация: слова, состоящие только из дважды повторенного элемента. Этот элемент может быть слогом, реже – подобием слова, не имеющим в отдельности никакого значения (силлабические редупликации), или он может быть значимым словом (лексическая редупликация). Приведем несколько примеров:

- «*Je me suis fait un petit **bobo***»: *Amel Bent annonce une mauvaise nouvelle à ses fans* (Voici, 15/03/2023)

- *Bientôt à l'écran dans Batman, The Dark Knight Rises, Tom Hardy s'apprête à jouer Al Capone dans une trilogie intitulée Cicero. Un rôle qui devrait permettre au nouveau **chouchou** d'Hollywood de franchir une étape importante dans sa carrière*. (Gala, 11/01/2012)

- *En l'entendant dire «**Oh là là**», ça a été le déclic: «Je l'ai regardée et je lui ai demandée: "Tu te moques de moi ?"»*. (Voici, 30/08/2013)

Силлабические редупликации также характерны для английского, испанского и русского языков. Например:

- *I was only feeling **so-so** and decided not to go to a movie tonight*. (<http://www.correctenglish.ru/reference/idioms/so-so/>)

- *Donna wanted to keep it **hush-hush** until after the lock-in, and I agreed because I don't want any drama*. (<https://context.reverso.net/hush-hush>)

- *Fue la primera vocalista de **Olé Olé**, hace casi cuarenta años, y se despedirá después del verano* (iHola!, 01/04/2022)

- *Estas entrevistas son puro **blablablá***. [\[18, https://dle.rae.es/blablabl%C3%A1?m=form\]](https://dle.rae.es/blablabl%C3%A1?m=form)

- *Ишь, какая **цаца** выискалась!* (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/263186>)

Что касается лексической редупликации (повтора всего слова), то, как показал анализ

фактического материала, она широко распространена в испанском и русском языках и менее характерна для французского и английского языков, хотя тоже в них встречается. При этом, как подчеркивает на материале испанского языка Е. Стала, «лексической редупликации подвержены все значимые категории слов: существительные, прилагательные, наречия и глаголы» [14, p. 93]. Например:

- *To' lo que me digas, sí, **así-así-así*** (Farina & Maluma, Letras de la canción "Así Así", <https://genius.com/Farina-and-maluma-asi-asi-lyrics>)

- *No le hagas caso, está **frenado frenado**.*

- *¿Quieres tomar un café con leche? -¿El café instantáneo? -Sí. -No, gracias, prefiero tomar **un café café**. -Y a mí no me gusta nada el café de grano .*

- *Он промок, замерз и **едва-едва** передвигал ноги.* (Udm-info.ru, 13/09/2022)

- *"**Девочка-девочка**" это состояние души или же воспитание?* (stranamam.ru>post/11989132/)

- *Metro Exodus: de l'intérêt de sortir du **train-train** quotidien .* (<https://jesuisungameur.com/2019/03/11/test-metro-exodus-ps4/>)

- *For breakfast I like to eat sandwiches and tea with milk, not with soya milk, but with **milk milk**.*

- *It's tuna salad? -Not, I've made the **salad salad**.*

Также лексической редупликации могут быть подвержены даже имена собственные, например, топонимы: *vivo en **Barcelona Barcelona*** - 'en la ciudad misma' [14, p. 94].

2. Частичная или «осложненная» редупликация, где второй элемент не является точным повторением первого, а отличается от него наличием конечного (в произношении) согласного. Например:

- *Regarder des célébrités "**faire la popote**" est désormais aussi commun que commander un burger vegan dans un restaurant gastronomique .* (Voici, 26/05/2021)

- *Au moins, maintenant, il sait qu'avec un peu de volonté et de **bibine**, il est en mesure de la démonter rien qu'avec les mains .* (Voici, 12/05/2015)

- *Cœur de Pirate lui a renvoyé un tacle bien senti: «Déjà, c'est pas **cocote** c'est madame, et je suis née en 1989».* (Voici, 09/08/2019)

Следует отметить, что этот тип редупликации характерен именно для французского языка.

3. Слова из трех и более слогов с удвоенным конечным элементом.

- *Il y a quelques semaines, Nicola Peltz, la jeune épouse de Brooklyn Beckham, mettait du **rififi** dans le clan en s'en prenant à Victoria .* (Voici, 06/10/2022)

- *Même quand j'étais enfant, je n'ai jamais rêvé d'une belle robe blanche et tout le **tralala** .* (Voici, 26/09/2016)

- *La star a pris la pose dans un bikini **riquiqui**, et a mis toute la famille Kardashian d'accord. Attention les yeux !* (Voici, 22/01/2021)

- *Il suffit de regarder L'heure des pros de CNews quelques secondes pour s'en rendre compte: un **brouhaha** règne constamment sur le plateau . (Voici, 05/12/2019)*

Последняя редупликация была заимствована из французского английским языком. Например:

- *A battle over flagpoles in city parks, which escalated from a seemingly obscure esthetic disagreement into a lawsuit and political **brouhaha** for the Giuliani administration, has apparently been resolved . (The New York Times, 20/07/1999)*

- *"El Corazon" **brouhaha** is no laughing matter now (The San Diego Union-Tribune, 17/01/2002)*

В качестве примера подобного вида редупликации в русском языке можно привести вокализ Эдуарда Хилля «**Трололо** », ставший всемирно известным спустя 30 лет после премьеры, побив все рекорды просмотров в Интернете, и давший его исполнителю прозвище-мем «*Mr . **Trololo*** ».

4 . Сложные слова из двух компонентов с изменением гласного или начального согласного. Например:

- *Avec sa chanson "**Tic Tac**", il est en lice pour remporter la compétition se tenant le 19 décembre 2021 à la Seine Musicale de Boulogne-Billancourt (Hauts-de-Seine) . (Voici, 27/01/2022)*

- *Au milieu de **charivari** virtuel, le sportif a réagi en se demandant comment il s'était retrouvé mêlé à cette affaire . (Voici, 21/03/2020)*

Аналогичные примеры мы находим и на материале трех других исследуемых языков.

- *The shelves were covered with ornaments and useless **knick-knacks** . (https://dictionary.cambridge.org/ru/knick-knack)*

- *So I have to be in **tip-top** shape . (https://context.reverso.net/tip-top)*

- *A **fuddy duddy** view of rap. Many adults are desperately eager to minimize the significance of rap music. (The San Diego Union-Tribune, 15/08/2004)*

- *Vestido pastel y melena '**zig zag**': el look más excéntrico de Charli D'Amelio (¡Hola!, 10/03/2022)*

Отдельного упоминания заслуживает так называемый «рифмованный» вид редупликации: *м-* типа и *ш-* типа в русском языке, когда в парно-повторной рифмующейся единице начальная согласная заменяется на *м-* или *ш-* соответственно (например, *хухры-мухры, киш-миш, кутить-мутить, гоголь-моголь, фигли-мигли; танцы-шманцы, мост-шмост*). В английском языке – это *hm-* редупликация, в процессе образования которой при формировании «эхо-слова» [19, с. 266] в основное слово непосредственно перед громким звуком в первом слоге добавляется *shm-* или *schm-* (например, *breakfast-shmeakfast, fancy-schmancy*), она обычно используется, чтобы передать иронию, сарказм, скептицизм и шутливый тон.

Испанскому языку также свойственен синтаксический вид редупликации. М. В. Зеликов указывает на то, что в корпусе моделей синтаксической редупликации в испанском языке можно выделить три основные разновидности: 1) паронимазийные редупликации, в которых второй компонент является инфинитивным дополнением, производным от

первого (например, ***iba a ir; tengo que tenerlo***); 2) анафористические редупликации, которые во всех языках воспринимаются как избыточность, чрезмерность, тавтология, «масло масляное», а в испанском языке являются нормативными с точки зрения грамматики образованиями (например, ***Que se te quite a ti ; a mí me dejen***); 3) прагматические редупликации, представляющие собой «многочисленные модально-иллокутивные модели, в которых отображаются прагматические особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания (утвердительные, отрицательные и повелительные)» (например, утвердительные модели: ***como guapa es guapa; leí a sobre leí do*** ; отрицательные модели: ***Si no, no*** ; повелительные модели: ***sea cuando sea ; Que é l gane lo que gane***) [\[20, с. 130-131\]](#). Например:

- *Le dije que si le molestaba que viniera Luismi le llamaba para que no viniera y me ha dicho: ¿a mí me va a molestar que no venga?", explicaba* . (iHola!, 20/12/2022)

- *Si algún día me apetece, lo haré, y si no, no* . (iHola!, 05/08/2022)

В. З. Демьянков выделяет еще один вид редупликации – семантическую редупликацию, крайне характерную для английского языка. Примером семантической редупликации, по его мнению, может служить «сочетание наречия класса «вероятно» с модальным глаголом вероятности (мочь, *may, can* и т.п.), которое дает усиленные эпистемические гарантии истинности, приписываемые суждениям о физических свойствах мира» [\[21, с. 391\]](#).

Анализ фактического материала показал, что во французском языке присутствует устойчивая тенденция использовать редупликацию для образования прозвищ знаменитых людей (причем такого рода прозвища даже не всегда являются уменьшительными формами звательных имен собственных). Это могут быть звезды спорта или шоу-бизнеса.

Так, Тьерри Анри (*Thierry Henry*) – французский футболист и футбольный тренер, чемпион мира и Европы, победитель Лиги чемпионов УЕФА и чемпионатов Франции, Англии и Испании, обладатель Кубка конфедераций – удостоился от французских журналистов прозвища "***Titi***", например:

- *L'année suivante, après une Coupe du monde désastreuse en Afrique du Sud avec l'équipe de France, "Titi" a décidé de changer d'air. Il n'y a pas que David Beckham et le PSG dans la vie. Arsène Wenger a confirmé le retour de Thierry Henry à Arsenal* . (Paris Match, 30/12/2011)

Другой пример – прозвище ***Zizou*** , которым журналисты «нарекли» одного из величайших игроков в истории футбола французского футболиста и тренера Зинедина Зидана (*Zin é dine Zidane*). Например:

- *Zinedine Zidane célèbre son 50e anniversaire. Un quart de siècle marqué par une carrière d'exception dans le football. Né le 23 juin 1972 à Marseille, Zizou est considéré comme le meilleur joueur européen de l'Histoire par la BBC* . (Voici, 23/06/2022)

- *Lorsque leurs chemins se croisent à Cannes, Zinedine Zidane n'est pas encore Zizou et Véronique s'appelle encore Fernandez* . (Voici, 02/06/2017)

У двух французских легенд – рокера Джонни Холлидея (*Johnny Hallyday*) и актера Жан-Поля Бельмондо (*Jean-Paul Belmondo*) – тоже были редупликативные прозвища: ***Jo jo*** и

B é bel соответственно. Например:

- PHOTO «*Et Jojo, à quoi pensait-il?*»: Jean-Marie Périer partage un cliché souvenir de Johnny Hallyday (Voici, 09/01/2022)

- Le 9 septembre, un hommage national avait été rendu à Bebel, dans la cour des Invalides. Après que son cercueil a été exposé aux Invalides pour que ses fans puissent se recueillir, Jean-Paul Belmondo a été crématisé au cimetière du Père-Lachaise . (Voici, 06/09/2022)

Также такой «чести» часто удостоиваются французские политики, например, у французского президента Жака Ширака (*Jacques Chirac*) было прозвище **Crac - Crac** , а у его предшественника Франсуа Миттерана (*François Mitterrand*) – **Tonton** .

Редупликативные прозвища даются во Франции не только политикам, но и даже их родственникам, если они имеют какое-либо отношение к политической жизни Французской Республики. Например, действующую первую леди Франции Брижит Макрон (*Brigitte Macron*) во французской прессе нередко именуют с редупликативным прозвищем **Bibi** :

- Si le choix des tenues de Brigitte correspondent à sa morphologie, Cristina Cordula, styliste et conseil en style, confie qu'elle aimerait voir «Bibi» avec d'autres couleurs que du bleu lavande. Sur elle, les beiges, les camel seraient plus chics. Tout comme des teintes douces, par exemple un rose pâle qui irait très bien avec son blond cendré. Mais un rose fuschia ou un rouge coquelicot seraient aussi intéressants", affirme Cristina. Cela tombe bien, Brigitte Macron a éclipsé tout le monde avec un top écarlate et un slim blanc lors d'un sommet du G7 à Taormine . (Gala, 31/05/2017)

Как отмечает Клод Ганьер в своей книге "Pour tout l'or des mots", у сына Франсуа Миттерана Жана-Кристофа Миттерана (*Jean - Christophe Mitterrand*), который вслед за отцом тоже пошел в политику и в период президентства отца отвечал за контакты Елисейского дворца со странами Африки, было содержащее редупликацию прозвище **Paramadit** («Папамнесказал»), им его называли на всем африканском континенте [22, с. 936].

Французы дают редупликативные прозвища не только своим звездам и политикам, но и зарубежным. Например:

- Britney Spears pourrait sauver la Star Academy. Invitée de la 8e édition, Brit-Brit devrait scotcher l'audience... (Gala, 06/10/2008)

- Bibi ou Benny? Les Israéliens votaient mardi lors de législatives opposant le Premier ministre Benyamin Netanyahu, au pouvoir depuis une décennie, à l'ancien chef de l'armée Benny Gantz, cinq mois après un premier duel sans issue. (Paris Match, 17/09/2019)

Нередко звезды и сами в качестве псевдонима выбирают редупликацию, например, Хлоя Эрика Джейн Оливье, французский музыкальный продюсер, певица и ди-джей, живущая в Лондоне, известна под своим сценическим псевдонимом **Coucou Chloe** или **Coucou Chloé** . Содержащий редупликацию псевдоним американской певицы, автора песен, продюсера, дизайнера и актрисы итальянского происхождения Леди Гаги (англ. *Lady Gaga*, *Lady GaGa* ; настоящее имя – Стефани Джоанн Анджелина Джерманотта) был образован от песни *Queen* «*Radio Ga Ga* », поскольку первый продюсер Роб Фьюзари начал называть ее так за гримасы и позы, сходные с теми, что использовал Фредди

Меркьюри. Свой первый контракт Стефани Джерманотта подписала уже в качестве *Lady GaGa* .

Другой пример – американская супермодель Джиджи Хадид (*Jelena Noura «Gigi» Hadid*), прославившаяся под своим детским редулицированным прозвищем **Gigi** .

Аналогичная ситуация с редулициацией наблюдается у американки венесуэльского происхождения Элеоноры «Леле» Понс Маронесе (*Eleonora «Lele» Pons Maronese*), испаноязычной певицы, актрисы и Интернет-знаменитости, прославившейся своими короткими юмористическими роликами на видеосервисах *Vine* и *YouTube* , которая стала известна миру как **Lele Pons** .

Часто мы находим примеры употребления редуликативных слов разных типов в заголовках французской и испанской прессы. Например:

- *Kylian Mbappé le chouchou des Bleus fait craquer une star américaine* . (Gala, 03/07/2018)

- *Un jeu de cache-cache* . Kev Adams fera-t-il encore partie du jury dans la deuxième saison ? (Voici, 09/03/2020)

- *Cohn-Bendit: "Le hi-ni", c'est gnangnan"* - Elections départementales (Paris Match, 25/03/2015) - *Rififi autour du biopic sur Martin Luther King* (Voici, 02/02/2016) - *Tout pour son toutou ! Folle de son chien, Lady Gaga crée une ligne de vêtements canins en son honneur* (Voici, 30/05/2015)

- *Más allá del 'bling bling': te descubrimos el nuevo Dubai, destino FASHION de 2023* (iHola!, 22/03/2023)

Редуликация также встречается в названиях брендов, например:

Naf Naf – французский бренд женской молодежной одежды (<https://www.nafnaf.com>);

Tati – легендарная французская сеть магазинов недорогой одежды и предметов быта, обязанная своим редуликативным названием матери основателя Жюль Уаки – Эстер, которую все соседи звали Тита. Желая сделать ей приятное, Жюль, когда пришло время зарегистрировать торговую марку, решил назвать магазин в ее честь. Однако оказалось, что марка *Tita* уже представлена на французском рынке, и предпринимателю пришлось поменять местами слоги. Так на свет появилась марка **Tati**, которой несколько десятков лет спустя суждено было стать одним из самых узнаваемых французских брендов, и которая после смерти своего создателя не выдержала конкуренции с появившимися новыми марками модной одежды по демократичным ценам – испанской *Zara* и британской *H&M* – и обанкротилась (<https://createbrand.ru/biblio/success/tati.html>);

Malababa – испанская марка обуви и сумок из натуральной кожи как базовых классических моделей, так и самых оригинальных и экстравагантных моделей. Кроме этого, марка радует интересными золотыми и серебряными украшениями и бижутерией. Популярными представителями этой мадридской марки являются туфли на деревянном каблучке и украшения в виде удлиненных палочек из золота и серебра (<https://www.malababa.com/>);

Pepe Jeans London – английский бренд джинсов и повседневной одежды (<https://www.pepejeans.com/>);

TikTok – редуликативное название социальной сети, видеохостинга и мобильного

приложения, в котором можно создать и разместить короткие видеоролики (<https://www.tiktok.com/>);

Нам-Ням – служба доставки готовой еды в Москве (<https://www.nam-nyam.ru/>).

Как показал анализ сайта *Restoclub* (<https://www.restoclub.ru/>), использование редупликации в названии характерно для отечественных ресторанов, баров и кафе. Так, например, в Москве из 10 916 точек общепита 103 содержат в своем названии редупликацию. Приведем несколько примеров:

- **Lou Lou** – французское бистро на Малой Бронной;
- **Lalaland Show Restaurant & Karaoke** – ресторан на «Маяковской»;
- **Bla Bla Bar** – ресторанный комплекс в отдельном здании на территории фудмолла «Депо»;
- **Му-му** – московская сеть ресторанов быстрого питания, в которых большая часть блюд приготовлена по простым рецептам русской кухни и реализуется по невысоким ценам;
- **Волга-Волга** – ресторан русской кухни на Ленинградском шоссе;
- **Chacha / Чача** – грузинский ресторан Ginza Project в проезде Дежнева;
- **Чичико** – ресторан грузинской кухни с широкой винной картой и большим выбором напитков из Грузии на Нежинской улице;
- **TsaTsa** – ресторан нео-грузинской кухни в Столярном переулке;
- **Pepe Nero** – ресторан с классическими блюдами европейской кухни в современном исполнении недалеко от Кремля;
- **Кокофреш** – европейский ресторан при отеле «1 арт отель»;
- **Шу-Шу** – ресторан грузинской кухни с насыщенной развлекательной программой;
- **DiDi** – грузинский ресторан на Тверском бульваре, входит в ресторанный холдинг Ginza Project;
- **#СибирьСибирь** – ресторан русской кухни в отеле «Azimut» на Смоленской улице.

В культурной столице России Санкт-Петербурге также немало заведений общепита с редупликацией в названии, например:

- **MON CHOUSCHOU** – французское бистро по адресу: Санкт-Петербург, Караванная ул., 3/35;
- **Frou Frou** – пафосный питерский ресторан с кухней Лазурного берега на Крестовском острове от московской Bulldozer Group;
- **Lou Lou / Лу лу** – ресторан и винотека в Санкт-Петербурге, ул. Вязовая 8;
- **Cococouture** – питерский fine-dining ресторан высокой русской кухни Матильды Шнуровой и Игоря Гришечкина на набережной Адмиралтейского канала, 2И.

Интересно отметить, что редупликация в названиях баров, ресторанов и кафе похоже является прерогативой именно российских заведений: исследование данных сайта *Tripadvisor* (<https://www.tripadvisor.com/>) показало, что редупликативные слова

встречаются крайне редко в названиях точек общепита во Франции (например, **TATA Burger** – кафе-ресторан американской кухни в Париже), в Испании (например, **Mad Mad Vega n** – бургерная в Мадриде, где подают вегетарианские и веганские блюда быстрого приготовления) и в Великобритании (например, ресторан **Frou Frou** в Тивертоне (графство Девон, Англия)).

Редупликация также встречается в названиях фильмов, например:

- **«Кококо»** (2012) – трагикомический фильм российского режиссера Авдотьи Смирновой, в котором научная сотрудница Кунсткамеры Лиза (Анна Михалкова) по пути в Санкт-Петербург в поезде знакомится с провинциалкой Викой (Яна Троянова), работающей хостес в ресторане и направляющейся в Питер ради развлечений. В поезде у женщин крадут сумки, они обе лишаются документов и денег, и Лиза предлагает Вике временно остановиться у нее дома. Стараниями Вики жизнь музейной работницы превратится в череду бесконечных вечеринок, а зарождающаяся между женщинами дружба обернется конфликтом. Происходит столкновение двух разных миров, в котором живут героини: нерешительная и тонко чувствующая интеллигентка Лиза, которая никак не может поставить точку в отношениях с бывшим мужем, и отчаянная любительница тусовок и авантур Вика, которая при этом и засорившийся унитаз в квартире починит, и пристающего на улице хама отвадит. Само редупликативное название **«Кококо»** отсылает к сословному конфликту между простым народом и интеллигенцией, поскольку это недопонятое Викой слово *"рококо"*, о существовании которого она узнает от Лизы. Также в названии фильма можно увидеть и «второе дно» (*«бабский треп»*, *«непростая дружба двух неудачливых по жизни женщин за 30»*), ведь редупликация **кококо** – это еще и ономотопея, передающая звук квохтанья куриц.

- **«Ширли-мырли»** (1995) – фантасмагорическая кинокомедия с суперзвездным актерским составом, снятая культовым отечественным режиссером Владимиром Меньшовым. Название фильм получил по незамысловатой припевке **«Ширли-мырли»**, напеваемой главным героем в исполнении Валерия Гаркалина. Сценарист Виталий Москаленко позаимствовал данную редупликативную припевку из частушек своей бабушки, потомственной казачки.

- **«Jam ó n Jam ó n»** /«Ветчина-ветчина»/ (1992) – испанская комедийная мелодрама от режиссера Хосе Хуана Бигаса Луны с Пенелопой Крус и Хавьером Бардемом в главных ролях. Редупликативное название фильма пародирует испанскую детскую словесную игру, когда при многократном быстром повторении слова *«jamón, jamón, jamón...»* (ветчина, ветчина, ветчина...) оно в результате перестановки слогов скоро начинает звучать как *«монја, монја, монја...»* (монахиня, монахиня, монахиня...).

- **«La La Land»** /«Ла-Ла Ленд»/ (2016) – американская музыкальная романтическая комедия с Райаном Гослингом и Эммой Стоун в главных ролях, при этом содержащее редупликацию название картины одновременно относится к городу Лос-Анджелесу в целом и к расположенному там Голливуду в частности (*La La Land* – его неофициальное название) и к идиоматическому выражению, означающему *"an imaginary place"* [23. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/la-la-land>] – «страна грез; ненастоящее, несуществующее место; потеря связи с реальностью».

- **«Micmacs à tire-larigot»** /«Неудачники»/ (2010) – комедия Жана-Пьера Жене с Дани Бунном в главной роли. В переводе с французского редупликация *micmac* означает *"intrigue, situation embrouillée et suspecte"* («интрижка, махинация; запутанная, странная, подозрительная ситуация») [24.

<https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/micmac/511341>. А выражение *à tire-larigot* можно перевести как «нон-стоп» или «как в бездонную бочку», а еще *tire-larigot* герои фильма называют странное обиталище, куда они стаскивают всевозможный хлам, найденный ими на свалке. Название фильма можно трактовать двояко: а) «Махинации в "Бездонной бочке"»; б) «Махинации нон-стоп»; «Запутанные, странные, подозрительные ситуации, которым нет конца».

Также редупликация часто встречается в текстах песен.

Так, например, у американской певицы и актрисы афроамериканского происхождения Эрты Китт (*Eartha Kitt*) есть песня, изобилующая *shm-* и *schm-* редупликациями, которая так и называется "**Money-Shmone**":

A friend of mine called me up not long ago

He knew me since I was knee high to a grasshopper

But I evidently didn't give him the right answer

because he said to me:

Mink Schmink , Money Schmone

Think your hot now don't ya honey.

What have you got if you haven't got love

Silk Schmilk , Satin Schmatin

A penthouse high in old Manhattan

That's not enough if you haven't got love

Happiness is not a thing that you can buy

It takes loving, lotsa loving, from the right guy

Pearls Schmearls , Nermen Shmermen

From Jim or Jack or Joe or Herman

That's not enough if you haven't got love

Ring Schming , Jewellery Schmellery

Don't you know that's just Tom Foolery

What have you got if you haven't got love

Cars Schmars and Princes Schminces

With caviar and chicken blintzes

Don't mean a thing if you haven't got love

Love is just a simple thing that you can't buy

You can't get it wholesale darlin', why try?

Tips Schmips , Angle Schmangle*Play around and get entangled**What have you got if you haven't got, haven't got love?***Eartha Kitt – Money-Shmoney** (<https://pesni.guru/text/eartha-kitt-money-shmoney>)

Колумбийская певица Шакира (*Shakira*) любит использовать редупликацию в своих песнях, например, в названии песни "**Waka Waka (This Time for Africa)**" и в тексте песни "*Loca* ":

Loca loca*No te pongas bruto**Loca**Que te la bebe**Dance or die****Loca loca****(Ra-ta-ta)**Él está por mí, y por ti **borró borró**.***Shakira – Loca** (<https://lyricshare.net/ru/shakira/loca-spanish-version.html>)

На данном примере очень четко видна тенденция испанского языка к использованию лексической редупликации (когда повторяется не отдельный слог, а целое слово) для усиления какого-либо качества или действия: **loca loca** (сумасшедшая-сумасшедшая) = *muuy loca* ; *y por ti **borr ó borr ó*** («тебя стер-стер из памяти») = *y por ti borr ó completamente , en absoluto* .

Аналогичное явление, когда редупликативная лексическая единица употребляется с целью усиления значения, заменяя собой превосходную степень прилагательного или конструкцию «настоящий/-ая + сущ.», мы также встречаем на материале русского языка, например: *Я купила сегодня платьице. // И такая в нем **девочка-девочка**...* Татьяна Филатова, «Девочка... Девочка» (Стихи.ру, 2019 г., <https://stihi.ru/2019/11/03/8305>). Также это характерно и для лексической редупликации с элементом-наречием, например:

- *С утра бежали, быстро бежали. **Еле-еле** успели на поезд. Ненавижу бегать, не умею бегать* . (<https://iogannsb.livejournal.com/3704743.html>)

Иногда для передачи максимального усиления значения слова в русском языке встречается трехкомпонентная редупликация, при которой элемент, представляющий собой значимое слово, повторяется трижды. Например, Ирина Хакамада, говоря в интервью «Радио КП» о своем муже предпринимателе Владимире Сиротинском, скоропостижно ушедшем из жизни в 2021 году, следующим образом выразила свои чувства в связи с данной трагедией:

- *25 лет прожили вместе. Долгов вообще... с другой стороны, мы были очень веселыми людьми, находились на одной волне... Повезло, что у нас был свободный брак. В этом есть позитив, поэтому произошедшее не воспринимается так трагично. Не умер он у меня*

*на руках. Но в начале у меня было **горе-горе-горе**. Друзья думали обо мне каждую секунду, развлекали, не высказывали соболезнования*. (Радио КП, 28/03/2023, https://dzen.ru/a/ZCMWN-H6fyhkWy_C)

Таким образом, исследование особенностей классификации и динамики функционального развития редупликаций в разносистемных языках, позволило выявить основные тенденции реализации данных единиц во французской, испанской, английской и русской лексике в современный период. Анализ фактического материала показал, что принципы образования различных видов редупликативных единиц сопоставимы в современных французском, испанском, английском и русском языках. Однако, если силлабическая редупликация характерна для всех исследуемых языков, а лексическая редупликация (повтор полного слова) чаще встречается в испанском и русском языках и используется для усиления значения слова, то синтаксическая редупликация – это скорее прерогатива испанского языка. Также прослеживаются ярко выраженные различия в предпочтительности сфер употребления видов редупликации в разных исследуемых языках. Особый интерес представляют тот факт, что для французского языка характерна широкая употребительность редупликации при образовании журналистами прозвищ известных людей из мира политики и шоу-бизнеса, тогда как в испанском, английском и русском языках это достаточно редкое явление. В России редупликация высокочастотна в названиях баров, кафе и ресторанов, тогда как во Франции, а также в испаноязычных и в англоязычных странах редупликация в названиях заведений общепита скорее является исключением из правила. На материале всех исследуемых языков редупликация часто встречается в заголовках и подзаголовках прессы, нередко редупликацию используют в названиях брендов или в качестве творческого псевдонима. Иногда редупликативные лексические единицы содержатся в названиях художественных фильмов.

Библиография

1. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. Изд. стереотип. М.: URSS, 2020. 158 с.
2. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования: Историческое развитие и типологическая специфика: автореф. дис. ... докт. филол. н. Саратов, 2000. 40 с.
3. Минова М. В., Мамукина Г. И., Казимирова И. С., Долгова Е. Г., Федорова А. В. Образование новых фразеологизмов как словотворчество // Филология: научные исследования. № 6. 2022. С. 40-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.6.38232. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38232.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
5. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.: Юрайт, 2019. 211 с.
6. Шляхтина Е. В. Редупликация в художественном тексте (на материале произведений британских и американских писателей) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 142-150. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44465076>.
7. Наугольных Е. А. Некоторые звуковые особенности редупликации Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану» и их переводимость // Филология и человек. 2021. С. 143-52. DOI 10.14258/filichel(2021)2-13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-zvukovye-osobennosti-reduplikatsii-dzh-dzhoyse-v-romane-pominki-po-finneganu-i-ih-perevodimost>.

8. Гатауллин Р. Г. К вопросу об ономастопозитической редупликации // *Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы. Мат. XV Всероссийск. научно-практич. конф. с междунар. участием. Уфа, 2022. С. 35-43. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49083393>.*
9. Ключина А. М. Редупликация лексемы УЖАС как средство выражения семантики крайности в современном русском языке // *Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. Киров, 2022. С. 10-16. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49699636>.*
10. Степанов Д. А., Григорович А. М. Редупликация в английском языке // *Тезисы докладов 55-й международной научно-технической конференции. Витебск: Изд-во ВГТУ, 2022. С. 31-32. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49508491>.*
11. Ghomeshi J., Jackendoff R., Rosen N., Russell K. Contrastive focus reduplication in English (the Salad-Salad paper) // *Natural Language & Linguistic Theory. 2004. Vol. 22 (2). P. 307-357. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/4048061>.*
12. Butts A. M. Reduplicated Nominal Patterns in Semitic // *Journal of the American Oriental Society. 2011. Vol. 131 (1), P. 83-108. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/23044728>.*
13. Inkelas, S., and Downing, L. J. (2015) What is Reduplication? Typology and Analysis Part 1/2: The Typology of Reduplication. // *Language and Linguistics Compass, 2015. Vol. 9 (12). P. 502-515. DOI: <https://doi.org/10.1111/lnc3.12166>.*
14. Stala E. La reduplicación léxica en español: origen, presencia, interpretación // *Studia Romanica Posnaniensia. 46/4. (2019). P. 89-99. DOI: 10.14746/strop.2019.464.008. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/288118459.pdf>.*
15. Masini F., Mattioli S. Syntactic discontinuous reduplication with antonymic pairs: a case study from Italian // *Linguistics, vol. 60, no. 1, 2022. P. 315-345. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling-2021-0225>.*
16. Mattioli S., Barotto A. Nominal reduplication in cross-linguistic perspective: from plurality to change of referents' specificity // *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language". Vol. 47, Issue 1, Jan. 2023. P. 135-189. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.21050.mat>*
17. Штейнберг Н. М. Редупликация в современном французском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 67 с.
18. *Diccionario de la lengua española. Madrid © Real Academia Española, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/>*
19. Мехеда М. И. О некоторых структурно-функциональных особенностях редупликативов в русском языке // *Вестник ЧГПУ. 10(2). 2009. С. 263-272. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-strukturno-funktsionalnyh-osobennostyah-reduplikativov-v-russkom-yazyke>*
20. Зеликов М. В. Об исследовании парадигмы расширения в испанистике в работах 1970-2020 годов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 2. № 3. С. 120-141. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-issledovanii-paradigmy-rasshireniya-v-ispnistike-v-rabotah-1970-2020-godov/viewer>.*
21. Демьянков В. З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // *Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 39-43. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49862529>*
22. Gagnière C. *Pour tout l'or des mots. Édition réalisée par Monsieur Christian Lacroix,*

tirage limité. Paris: Robert Laffont; Bouquins, 2019. 1088 p.

23. Collins Advanced Learner's Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers, 2023.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

24. Le Petit Larousse illustré. Paris: © Larousse, 2023. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.larousse.fr/dictionnaires/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вектор изучения редупликации достаточно широк; стоит признать, что подобная языковая ситуация в современной языковой картине не редкость, ибо функционал этого явления объемён. Как отмечает автор, рецензируемая статья посвящена исследованию того, какое место занимает редупликация в словообразовательном процессе современных французского, испанского, английского и русского языков. Точность цели, конкретика задач выверена на протяжении всего исследования. Материалом работы являются примеры, полученные методом сплошной выборки из прессы и из открытых Интернет-источников. Впечатляет открытой языковой базы, так как проанализировать явление редупликации целесообразно осуществить именно на масштабном полотно контекстуальных ситуаций. Работа интересна, иллюстративный фон консолидирован, удачно автор сочетает теоретический и практический тон анализа: «лингвистами выделяются разные виды редупликаций, исходя чаще всего из способа их образования». Открытость примеров говорит о том, что автор полномерно старается раскрыть темы, актуализировать в нужном русле изучаемый вопрос: « - «Je me suis fait un petit bobo»: Amel Bent annonce une mauvaise nouvelle à ses fans (Voici, 15/03/2023). - Bientôt à l'écran dans Batman, The Dark Knight Rises, Tom Hardy s'apprête à jouer Al Capone dans une trilogie intitulée Cicero. Un rôle qui devrait permettre au nouveau chouchou d'Hollywood de franchir une étape importante dans sa carrière . (Gala, 11/01/2012). - En l'entendant dire «Oh là là», ça a été le déclic: «Je l'ai regardée et je lui ai demandée: "Tu te moques de moi ?"». (Voici, 30/08/2013)», или « - Он промок, замерз и едва-едва передвигал ноги. (Udm-info.ru, 13/09/2022). - "Девочка-девочка" это состояние души или же воспитание? (stranamam.ru>post/11989132/). - Metro Exodus: de l'intérêt de sortir du train-train quotidien. (<https://jesuisungameur.com/2019/03/11/test-metro-exodus-ps4/>). - For breakfast I like to eat sandwiches and tea with milk, not with soya milk, but with milk milk. - It's tuna salad? -Not, I've made the salad salad» и т.д. По ходу анализа вопроса автор уместен в комментариях, какой-либо излишней информации в работе нет, следовательно, и фактические нарушения не встречаются. Методология актуальна, должный ряд ссылок на труды Эю Сепира, Е.С. Кубряковой, О.Ю. Крючковой, Н.М. Штенберг, В.З. Демьянкова и других исследователей имеется. Новизна данного труда в расширительном языковом материале, не случайно ориентир наводит на французский, испанский, английский и русский язык. Стиль наукообразен, академический тип наррации наличен; структура текста даёт возможность автору полномерно проинформировать читателя. Материал может быть использован в вузовской практике. В финальной части обозначено, что «анализ фактического материала показал, что принципы образования различных видов редупликативных единиц сопоставимы в современных французском, испанском, английском и русском языках. Однако, если силлабическая редупликация характерна для всех исследуемых языков, а лексическая редупликация (повтор полного слова) чаще встречается в испанском и русском языках и

используется для усиления значения слова, то синтаксическая редупликация – это скорее прерогатива испанского языка. Также прослеживаются ярко выраженные различия в предпочтительности сфер употребления видов редупликации в разных исследуемых языках», «особый интерес представляют тот факт, что для французского языка характерна широкая употребительность редупликации при образовании журналистами прозвищ известных людей из мира политики и шоу-бизнеса, тогда как в испанском, английском и русском языках это достаточно редкое явление. В России редупликация высокочастотна в названиях баров, кафе и ресторанов, тогда как во Франции, а также в испаноязычных и в англоязычных странах редупликация в названиях заведений общепита скорее является исключением из правила». Считаю, что основная цель данного исследования достигнута, поставленные задачи решены; рецензируемый текст не нуждается в расширении иллюстративного фона, какие-либо исправления излишни. Основной блок требований издания учтен, единообразие в оформлении списка источников имеется. Статья «Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках» может быть допущена к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тульцева А.Э., Попова Л.Г. — Атрибутивная валентность немецкого глагола GEHEN и русского глагола ИДТИ (когнитивный аспект) // Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.39043
EDN: RHBIAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39043

Атрибутивная валентность немецкого глагола GEHEN и русского глагола ИДТИ (когнитивный аспект)

Тульцева Анастасия Эдуардовна

ORCID: 0000-0003-3013-9268

старший преподаватель, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Малый Казенный Переулок, 5б

✉ atultseva@mail.ru

Попова Лариса Георгиевна

ORCID: 0000-0001-9400-2469

доктор филологических наук

профессор, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Малый Казенный Переулок, 5б

✉ larageorg5@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.39043

EDN:

RHBIAS

Дата направления статьи в редакцию:

26-10-2022

Дата публикации:

08-04-2023

Аннотация: Целью работы стало выявление сходств и различий атрибутивной валентности немецкого глагола движения "gehen" и русского глагола "идти" в немецком и русском языках. Предметом исследования являются сектора проявления атрибутивной валентности вышеназванных глаголов в когнитивном аспекте. Данные глаголы рассматриваются лишь в своем прямом смысле, а именно с точки зрения передачи выражения перемещения человека из одного пункта в другой. Атрибутивная валентность глаголов движения была выбрана в связи с ее недостаточной изученностью в сопоставительном языкознании с позиции когнитивной лингвистики. В исследовании как основной использовался сопоставительный метод; также применялись методы семантического и когнитивного анализа. Материалом анализируемых примеров послужили немецкие и русские лексикографические источники. Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые выявляются похожие и специфические когнитивные сектора проявления атрибутивной валентности немецкого глагола "gehen" и русского глагола "идти". В результате исследования у глагола "gehen" было выявлено присутствие таких секторов атрибутивной валентности, как "направление движения", "вид движения" и "темп движения". У русского глагола "идти" проанализированные примеры показали наличие следующих секторов: "время", "направление" и "вид движения", "соучастник движения", "темп движения" и смешанные случаи. В результате сопоставительного анализа было установлено, что в немецком и русском языке присутствуют следующие похожие сектора атрибутивной валентности движения человека: "направление", "вид" и "темп движения", причем сектора "направление движения" и "темп движения" количественно значительно преобладают в проанализированных примерах. В статье также делаются выводы о своеобразии восприятия направленного движения человека в русской и немецкой лингвокультурах.

Ключевые слова:

немецкий язык, русский язык, атрибутивная валентность, когнитивный сектор, глаголы движения, человек, лексикографические источники, сопоставительный анализ, сходства и различия, направление

За более полувековую историю теории валентности данному лингвистическому явлению было посвящено огромное число исследований. Валентность в настоящее время рассматривается как способность слова или его частей вступать в определенные связи с другими элементами на синтаксическом, семантическом, логическом и даже когнитивном уровнях. Но в данной теории до сих пор встречаются не до конца изученные моменты, например атрибутивная валентность разных частей речи [\[1\]](#).

Чтобы точнее определить понятие атрибутивной валентности, следует обратиться к понятию признака или атрибута.

С лингвистической точки зрения признак или атрибут представляет собой зависимую синтаксическую позицию в составе субстантивного словосочетания или же словоформу с признаковым значением, которая занимает эту позицию [\[4, с. 348\]](#). С помощью признака осуществляются атрибутивные отношения между субстанцией и названием признака, при

этом имеется в виду тип отношений, при котором признак представляется не обособленно, а в единстве со своим носителем. Признак или атрибут в лингвистике может состоять в предикативном и атрибутивном типе отношений; первый тип наблюдается, например, в предложении «солнце - желтое» (признак соотносится с предметом как актуальный для конкретного случая), в то время как атрибутивные конструкции выражаются в согласовании признака с определяемым («желтое солнце»), при этом признак является внутренним свойством предмета [\[4, с. 349\]](#).

По отношению к определяемому слову атрибут выполняет две функции: во-первых, его ограничение, ведь атрибут выделяет именно этот предмет из ряда других похожих или таких же, индивидуализируя его таким образом. Во-вторых, определение или признак выполняет описательно-распространительную функцию, и с помощью атрибута предмет может иметь дополнительную характеристику или оценку.

Несмотря на почти столетнюю развития языковой теории валентности, исследования, посвященные функционированию атрибута как актанта, выражающего признак, появились в лингвистике лишь в последние двадцать лет. Во многом этому способствовало изучение языковых явлений с точки зрения когнитивной лингвистики как «глубинной семантики» [\[5, с. 289\]](#), которые многие ученые-языковеды рассматривают с точки зрения естественного развития семантических идей, смотря вглубь языкового значения и видя там более общие категории. Можно также предположить, что во многом становлению данного вида валентности послужили идеи нейролингвистики и психолингвистики, которые исследуют язык как основу познания умственной деятельности индивида. В современных исследованиях, посвященных атрибутивной валентности, исследуются такие вопросы, как дефиниция атрибутивности, атрибутивной валентности, изучение атрибутивности в когнитивном и сопоставительном аспектах. Например, согласно Н. С. Шавкун, атрибутивность, а конкретнее, атрибутивные словосочетания со структурой прилагательное + существительное рассматриваются как альтернативные формы номинации [\[13\]](#). С. В. Муратова изучает атрибутивность в виде атрибутивного приложения к экспликативным синтагмам на материале немецкого языка [\[6\]](#). Семантика атрибутивных словосочетаний исследуется Е. С. Пешехоновой вместе с синтаксическими отношениями компонентов терминологических сочетаний тематической сферы образования на материале английского языка [\[7\]](#). Т. В. Черкасова изучает функционально-семантическое поле атрибутивности в современном русском языке и делает акцент на том, что в структуру подобного поля включаются конструкции, объединенные на основе выражения ими единого обобщенного значения, отражающего одну типовую ситуацию [\[11\]](#). Ю. А. Сутырина изучает семантику атрибутивных словосочетаний в рамках атрибутивной валентности кванторных местоименных существительных русского языка [\[9\]](#). Ю. С. Иванова, исследуя атрибутивную валентность синсемантических существительных в русском языке, изучает проблему атрибутивных распространителей, обладающих способностью распространять синсемантические существительные [\[3\]](#). Л. А. Романова изучает когнитивные атрибутивно-субстантивные комплексы в английском языке в диахроническом и синхроническом аспектах [\[8\]](#).

Недостаточность изученности проблемы глаголов с атрибутивной валентностью подчеркивает также Н. И. Чубарова [\[12\]](#) объясняя это фактом большого количества стилистически нейтральных и нерегулярно встречающихся в тексте глаголов, и Н. А. Бондаренко, которой удалось произвести описание сорока двух немецких стилистически нейтральных глаголов с атрибутивной валентностью в художественных текстах и выявить

в них явление полипрозитивности (способности представлять одновременно несколько моделей) [\[2\]](#).

Большой интерес для исследования также представляет атрибутивная валентность глаголов движения, их способность образовывать модели с признаком средства движения, темпом движения, в качестве атрибута может выступать также характер и даже направление движение при трактовке атрибута в широком смысле.

Считаем необходимым сделать ряд объяснений о выборе нашего подхода к исследованию в когнитивном аспекте атрибутивной валентности немецких и русских глаголов движения. Атрибутивная валентность понимается нами в широком смысле слова, а именно как признак осуществляемого человеком движения. С когнитивных позиций предлагаем различать сектора, отображающие в сознании человека разные качественные характеристики осуществляемого им движения.

Соответственно данным толковых словарей немецкого и русского языков можно составить список подобных секторов, раскрывающих атрибутивную валентность глаголов движения человека *gehen* и *идти* :

- Темп движения
- Вид движения
- Время движения
- Способ движения
- Направление движения
- Средство движения
- Соучастник движения

Считаем целесообразным для установления валентности глаголов движения использовать следующую символику для составления схем атрибутивных валентных свойств глаголов:

- S (Subjekt) – человек как деятель
- V (Verb) – действие человека в виде его движения
- A (Art) – характеристика действия человека, его движения
- R (Richtung) – направление движения человека
- Mi (Mitglied) – соучастник движения
- Z (Zeit) – время движения
- T (Tempo) – темп движения

Следует подчеркнуть, что атрибутивная валентность глагола «gehen» не представлена в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» В. Хельбига и Г. Шенкеля [\[16\]](#), поскольку во время его написания основное внимание уделялось синтаксическому и лишь в небольшой степени семантическому компоненту валентности, поэтому для рассмотрения наполнения каждого сектора ядра концепта на материале немецкого и русского языков был проанализирован ряд примеров из немецких толковых словарей

[14-15; 21] и Маннгеймского лингвистического корпуса [\[17\]](#). Примеры атрибутивной валентности русского глагола «идти» анализировались на основе толковых словарей русского языка В. И. Даля, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова [18-20; 10].

Анализ атрибутивной валентности немецкого глагола *gehen* на основе проанализированных примеров из вышеназванных лексикографических источников показал следующие варианты секторов, раскрывающих его атрибутивную валентность:

1. Темп движения

Данный сектор может быть представлен следующей схемой:

S – V – T

Например:

*Da das Mittagessen gekocht ist, will ich **schnell** einkaufen **gehen*** [\[17\]](#).

Как показывает данный пример, указанный глагол данного сектора обладает двухчленной валентностью, одна из которой является атрибутивной, показывающей темп производимого человеком движения.

2. Вид движения

Наглядно этот сектор атрибутивной валентности можно представить следующей схемой:

S – V – A

Например:

*Sie **gingen eingehakt*** [\[14, S. 187\]](#).

Как показывает пример, глагол *gehen* в данном случае обладает двухактантной валентностью, причем его атрибутивная валентность, раскрывающая сектор характеристики движения человека, одноактантна.

3. Направление движения

Данный сектор атрибутивной валентности находит отображение в следующей схеме:

S – V – R

Например:

*Links **geht** es **in die Altstadt*** [\[17\]](#).

Таким образом, лексикографические источники показывают прямое присутствие трех секторов атрибутивной валентности глагола *gehen* – секторы *Темп движения*, *Вид движения* и *Направление движения*. Наличие смешанных случаев в словарях зафиксировано не было, что не исключает их присутствия в других источниках, например:

*Der alte Mann konnte noch **langsam** am Stock von seinem Hausan viele Orte **gehen**, um etwas zu bekommen* [\[17\]](#).

Данный пример имеет следующее схематическое отображение:

S – V – A – M – R.

Атрибутивная валентность в данном примере представлена тремя актантами – секторами *Вид движения*, *Средство движения* и *Направление движения*. В разговорной речи возможны разные варианты сочетаемости определенных секторов друг с другом.

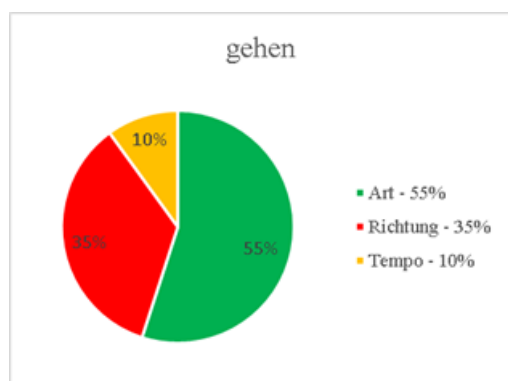
Количественную представленность вариантов атрибутивной валентности глагола направленного движения человека *gehen* в лексикографических источниках можно отобразить в виде следующей диаграммы:

Диаграмма 1.

Количественная представленность примеров выявленных секторов атрибутивной валентности глагола *gehen*

Diagram 1.

Quantitative representation of examples of identified sectors of attributive valency of the verb *gehen*

Как показывает диаграмма 1, наибольшую представленность в немецких лексикографических источниках показывают сектора *Вид движения* (Art) – 55 %, достаточную представленность демонстрирует сектор *Направление движения* (Richtung) – 35 %, низкое количество примеров составляет сектор *Темп движения* (Tempo) – 10 %.

Обратимся к анализу моделей атрибутивной валентности русского глагола *идти*. В словарных источниках данный тип валентности нашел отображение в следующих моделях:

1. Время движения

Данный сектор атрибутивной валентности можно отобразить с помощью следующей схемы:

S – V – Z

Например:

Что **долго** не **идут** гости наши? [20]

Данный пример отображает двухактантную валентность глагола *идти*, где его атрибутивная валентность, выражающая сектор *Время движения*, одноактантна.

2. Соучастник движения

Схематично этот сектор атрибутивной валентности глагола *идти* можно представить

следующим образом:

S – V – Mi

Например:

Идешь что ли со мною, идем ли вместе? [20]

Пример также показывает двухактантную валентность русского глагола *идти*, где атрибутивная валентность, отображающая сектор *Соучастник движения*, представлена одним актантом.

3. Вид движения

Данный сектор атрибутивной валентности можно отобразить следующей схемой:

S – V – A

Например:

Идти босиком [10, с. 289].

Данный пример демонстрирует двухактантную валентность глагола *идти* с одноактантным атрибутивным компонентом, выражающим сектор *Вид движения*.

4. Темп движения

Схематично этот сектор можно представить следующим образом:

S – V – T

Например:

Идти со скоростью 6 километров в час [19].

Пример также выражает двухактантную валентность глагола *идти*, где атрибутивная валентность, выражающая сектор *Темп движения*, является одноактантной.

5. Направление движения

Данный сектор атрибутивной валентности глагола *идти* можно схематично изобразить так:

S – V – R

Например:

Идти прямо, напрямик [20].

В данном примере глагол *идти* имеет двухактантную валентность, где ее атрибутивная часть представлена одним актантом, выражающим сектор *Направление движения*.

Помимо одноактантной атрибутивной валентности, толковые словари русского языка, в отличие от проанализированных немецких лексикографических источников, демонстрируют смешанные случаи употребления атрибутивной валентности, например:

Всегда идти вперед [18].

Данный пример можно схематично отобразить следующим образом:

S – V – Z – R

В этом случае глагол *идти* имеет трехактантную валентность, где атрибутивные актанты выражают сектора *Время движения* и *Направление движения*.

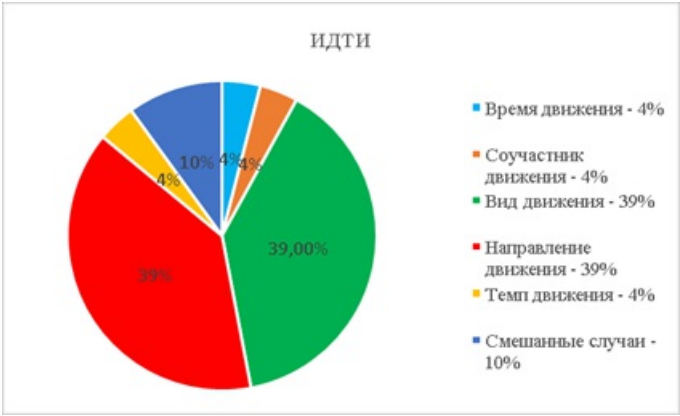
Анализ примеров из лексикографических источников можно представить в виде диаграммы.

Диаграмма 2.

Количественная представленность примеров выявленных секторов атрибутивной валентности глагола *идти*

Diagram 2.

Quantitative representation of examples of identified sectors of the attributive valency of the verb *to go*

Согласно данным подсчета, наибольшее количество примеров составляют сектора *Направление движения* (Richtung) – 39 %, *Вид движения* (Art) – 39 %, представлены также смешанные случаи - примеры с двумя атрибутивными валентностными компонентами (10%), а наименьшее количество примеров составляют сектора *Время движения* (Zeit) – 4 %, *Соучастник движения* (Mitglied) – 4 %, *Темп движения* (Tempo) - 4%.

Целесообразно обратиться к сопоставительному анализу выявленных секторов движения человека глаголов *gehen* и *идти* , демонстрирующих их атрибутивную валентность. Полученные результаты можно представить в виде сводной таблицы, демонстрирующей присутствие и количественную представленность секторов атрибутивной валентности, выявленной у вышеназванных глаголов.

Таблица 1. Сводная таблица секторов атрибутивной валентности глаголов *gehen* и *идти*

Table 1. Summary table of sectors of attributive valency of the verbs *gehen* and *to go*

Сектора атрибутивной валентности глаголов направленного движения человека	<i>gehen</i>	<i>идти</i>
Время движения (Z)	-	+ (4%)
Направление движения (R)	+ (39%)	+ (39%)
Вид движения (A)	+ (39%)	+ (39%)
Темп движения (T)	-	-
Соучастник движения (M)	-	-
Смешанные случаи	+ (10%)	+ (10%)

направление движения (R)	+ (55%)	+ (39%)
Вид движения (A)	+ (55%)	+ (39%)
Темп движения (T)	+ (10%)	+ (4%)
Соучастник движения (Mi)	-	+ (4%)
Смешанные случаи	-	+ (10%)

Сопоставительный анализ показал присутствие схожих секторов движения человека у сопоставляемых глаголов: *Направление движения*, *Вид движения* и *Темп движения*, со значительным преобладанием первых двух секторов среди проанализированных примеров из лексикографических источников. Немецкий глагол *gehen* в отличие от русского глагола *идти* демонстрирует количественно большее присутствие сектора *Темп движения*, хотя этот сектор и объединяет малое число проанализированных случаев. Что касается русского глагола *идти*, то у него в отличие от глагола *gehen* имеются в наличии такие сектора, как *Время движения*, *Соучастник движения* и *Смешанные случаи*. Указанные сектора объединяют незначительное число примеров. Качественная характеристика движения человека, представленная в виде атрибутивной валентности глаголов *gehen* и *идти* в основном обладает спецификой, демонстрирующей важность указания у носителей немецкого языка темпа, вида и направления движения, а у носителей русского языка присутствует также упоминание времени и соучастника движения. Стоит также отметить, что только в русском языке отмечаются случаи совмещения упомянутых секторов, а в немецком языке подобные случаи отсутствуют. Данное обстоятельство подчеркивает еще раз национальное своеобразие восприятия характера осуществляемого человеком движения в виде направленной ходьбы.

Таким образом, атрибутивная валентность в лингвистике как относительно «молодой» вид лингвистической сочетаемости предлагает большой научный потенциал для дальнейших исследований, поскольку изучается не только на синтаксическом, но и логико-семантическом и когнитивном уровнях. Глаголы направленного движения человека, будучи малоизученными с точки зрения их атрибутивной валентности, являются крайне интересным объектом научных изысканий в сопоставительном языкознании, поскольку на когнитивном уровне могут отражать языковое отображение картины мира разных народов.

Библиография

1. Бирюкова Е.В. Теоретическая грамматика немецкого языка: учебно-методическое пособие для студентов / Е.В. Бирюкова, И.В. Шведова. – М.: Московский гуманитарный пед. ин-т, 2011. – 39 с.
2. Бондаренко Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью как средство выражения оценки: дисс. ... канд. филол. наук / Н.А. Бондаренко. – Вологда, 2011.-157 с.
3. Иванова Ю.С. Атрибутивная валентность синсемантических существительных: дисс. ... канд. филол. наук / Ю.С. Иванова. – Владимир, 2005. – 158 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева и др. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – 4 изд. – М.: Флинта, 2008. – 296 с.
6. Муратова С.В. Тесные экспликативные синтагмы с сопряженным атрибутивным комплексом в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / С.В. Муратова. – Нижний Новгород, 2001. – 218 с.

7. Пешехонова Е.С. Семантико-синтаксические отношения между компонентами терминологических словосочетаний: на материале терминологии английской системы образования: дисс. ... канд. филол. наук / Е.С. Пешехонова. – М., 2003. – 184 с.
8. Романова Л. А. Когнитивные основы описания атрибутивно-субстантивных комплексов в английском языке: диахронический и синхронический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук / Л.А. Романова. – Тверь, 2006. – 156 с.
9. Сутырина Ю.А. Атрибутивная валентность кванторных местоименных существительных: дисс. ... канд. фил. наук / Ю.А. Сутырина. – Владимир, 1999. – 172 с.
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Альта-Принт», 2005. – VIII, 1239 с.
11. Черкасова Т.В. Функционально-семантическое поле атрибутивности в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук / Т.В. Черкасова. – Таганрог, 1999. – 133 с.
12. Чубарова Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью в современном немецком языке / Н.А. Чубарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2017.-№1 (114).-С. 118-121.
13. Шавкун Н.С. Атрибутивный композит или атрибутивное словосочетание как альтернативные средства номинации в немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук / Н.С. Шавкун. – Пятигорск, 2001. – 246 с.
14. Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / E. Agricola. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1992. – 818 S.
15. Deutsches Universalwörterbuch / G. Drosdowski, W. Müller, W. Scholze-Stubenrecht, M. Wermke. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
16. Helbig G. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben / G. Helbig, W. Schenkel. – Leipzig, VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 458 S.
17. <https://grammis.ids-mannheim.de/verbvalenz>
18. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=947>
19. <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=22266>
20. <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=10906>
21. Langenscheidts Großwörterbuch/D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. – Berlin/München/Wien/Zürich/New York: Langenscheidt KG, 1993. – 1213 S.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Атрибутивная валентность немецкого глагола gehen и русского глагола идти (когнитивный аспект)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики рассмотрения немецко-русской пары глаголов движения в рамках теории валентности. Несмотря на некоторое количество исследований в данной области, в данной теории до сих пор встречаются не до конца изученные моменты,

например, атрибутивная валентность разных частей речи.

Большой интерес для исследования также представляет атрибутивная валентность глаголов движения, их способность образовывать модели с признаком средства движения, темпом движения, в качестве атрибута может выступать также характер и даже направление движение при трактовке атрибута в широком смысле.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых теоретические работы как на русском, так и на немецком языках.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в частности оформление источников 17-21 (интернет ссылки).

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике и практике немецкого языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Атрибутивная валентность немецкого глагола *gehen* и русского глагола *идти* (когнитивный аспект)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Магомедова П.А., Аливалиева Д.А. — Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие») // Филология: научные исследования. — 2023. — № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40409 EDN: MVERUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40409

Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)

Магомедова Патимат Ариповна

ORCID: 0000-0002-8177-8951

доктор филологических наук

профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет

367026, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Мурсалова, 110

✉ p_magomedova@mail.ru

Аливалиева Джамилат Абдулкадировна

аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет

367026, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43, оф. а

✉ djam.schagbanova2014@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40409

EDN:

MVERUE

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2023

Дата публикации:

13-04-2023

Аннотация: Статья посвящена проблеме репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в религиозном и паремиологическом дискурсах разноструктурных языков. Основная цель исследования – установление сходств и различий в языковой объективации духовных ценностей/антиценностей в аварской и русской лингвокультурах на материале концепта «Вера/Неверие», который представляют

собой один из базовых концептов, затрагивающих в совокупности все ценностно-поведенческие сферы человеческого бытия. В религиозном сознании верующего человека (будь он христианин или мусульманин), по своему естеству заложена тяга к добродетели, стремление к облагораживанию нрава, осмысление и номинация всего этого происходит посредством конкретных языковых знаков и их смыслов. Рассмотрены понятийные, ценностные и образные составляющие исследуемого концепта. Актуализация в лексических системах различных языков, лексем с религиозным (исламским) значением, масштабная активность текстов указанной тематики в различных жанрах, особенно в текстах масс-медиа, выдвигают перед лингвистами новые перспективные направления междисциплинарных исследований. Новизна исследования состоит в как в разработке исследования в аспекте сопоставительной теолингвистики впервые на материале указанных языков, так и в интегральном использовании лингвоконцептуального и теоконцептуального методов. В статье прослеживается тесная связь когнитивных признаков изучаемого концептуального поля и духовно-нравственных концептов, имеющих при языковой вербализации свою специфику в каждом из сопоставляемых языков.

Ключевые слова:

аварский язык, ценности и антиценности, вера и неверие, религиозный концепт, иман, паремии, теолингвистика, духовные тексты, фреймы, универсалии

Наиболее актуальными и научно оправданными на современном этапе развития языкознания (в том числе и сопоставительного) многими учеными признаются научные разработки, в которых язык, объективирующий все аспекты материальной и духовной сфер человеческого бытия, представлен феноменом *Homo loques*. Обращает на себя внимание «неослабевающее стремление современных исследователей к изучению репрезентации в языке категории непреходящих духовно-нравственных ценностей как смыслообразующих оснований бытия человека» [29, с. 988]. Лингвоаксиологический подход к исследованию единиц языка в контексте воплощения в них определенных ценностей/антиценностей коррелирует с линвокультурологическим подходом, при котором исследуется концепт как «многомерное ментальное образование, имеющее три важнейших измерения - образное, понятийное, ценностное» [14, с. 5]. Заметим, одним из обязательных составляющих в структуре концепта является ценностный компонент.

«Под ценностью понимаются цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения» [25, с.24]. Не вызывает сомнения тот факт, что ценности – это не качества и свойства, присущие предметам, они «сами не реальны, а лишь идеальны, но и не относятся к явлениям сознания. Этот ряд взаимоисключающих положений обусловлен парадоксальностью самой природы оценки» [7, с.105].

Понятие *Духовные ценности* рассматриваются в лингвистике как сплетение религиозного, интеллектуального и нравственного компонентов, составляющих его сущность. Как указывают ученые, «язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры» [7, с.127]. «Можно с уверенностью отметить, что основополагающими признаками религиозного концепта являются его сакральность и наличие у него ценностной составляющей» [25, с.87]. Следовательно, исследование

религиозных концептов позволяет выявить основные аксиологемы отдельной лингвокультуры.

В настоящей статье нами предпринята попытка выявления сходств и различий в языковой объективации духовных ценностей/антиценностей в русской и аварской лингвокультурах, в частности, на примере концепта «Вера/Неверие». «Концепт веры наиболее явно присутствует в авраамических религиях, играя в них фундаментальную роль. Категория веры как связи человека с Богом эксплицирована уже в книге Бытия...» [20, с. 82]. В религиозном сознании человека все благое, имеющее непреходящую духовную ценность всегда представлено в противоположность антиценностям, приносящим зло, несчастья, беды. Ученые провели исчисление ценностных диад на основе анализа религиозной (православной) картины мира: «основные конвенциональные ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре и языке социумов, могут быть отражены в десяти диадах» [5, с. 25]. При этом представлен анализ аксиологем различного характера: витальные ценности и антиценности (Жизнь – Смерть; Здоровье – Болезнь); религиозные ценности и антиценности (Рай – Ад) и т.п. При этом анализируются аксиологемы, «репрезентируемые библейскими текстами и фразеологизмами, афоризмами в контексте несоответствия этим ценностям в отдельных эпизодах современной жизни» [5, с. 26].

Нас интересует проблема репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в исламском и православном дискурсах с целью выявления специфики лингвокультурного концепта.

Рассмотрим понятийную составляющую исследуемого концепта, сущность которой «состоит в определении признаков его содержания, зафиксированных в словарных дефинициях, в построении структурной модели в виде фрейма, в установлении его исходного смысла, зафиксированного во внутренней форме слова...» [15, с. 321]. Проведем анализ имеющихся данных словарей и справочников.

Концепт «Вера», в основе которого лежит тесная связь с концептом «Доверие», определяется как «круговорот общения» двух (по крайней мере) субъектов» [31, с. 403]. В православно-христианском дискурсе, «...в основе рассматриваемого слова [вера] лежит корень, обозначающий правду и истину, а с другой стороны милость, любовь и красоту, и имеет нравственную связь с лицом, которое является носителем веры» [8, с. 55]. Вместе с тем, вера – некий волевой акт, который имеет силу и решительность психологического характера, иногда и аксиоматического плана. «Основания веры лежат глубже знания и мышления, она по отношению к ним есть факт первоначальный, а потому и сильнее их» [33, с. 352.].

Описание концепта «Вера» проводилось ранее лингвистами на материале русского языка на основе дефиниций из словарей, анализа функционирования в определённых текстах. Так, например, в работе [6] были выделены контекстуальные коннотативные семы: «истинность», «твёрдость», «обращение в веру», «верность/доверие», «спасение», «отсутствие веры», которые входят в околядерную зону концепта *Вера* на системно-языковом уровне религиозного дискурса [цит. по 14, с. 286]. Понятие *Вера* (равно как и *Неверие*) относится к числу базовых, ядерных, опорных концептов, то есть является константой [38]. Многими исследователями и не раз высказывалась мысль о том, что опорные концепты связаны с базовыми ценностями любого человека. «С концептуальной точки зрения все базовые ценности представляют собой совокупность

внутренних качеств личности, ориентированных на творение добра и воплощающих человеческий идеал в его моральном совершенстве» [\[28\]](#).

Рассматривая *В е р у* как основу мировосприятия и миропонимания в русской лингвокультуре, Т. Б. Радбиль заключает: «...языковые данные свидетельствуют о том, что в русском мире именно ВЕРА выступает базовым способом совокупной духовной (мыслительной, эмоциональной, интенциональной, волитивной, религиозной, этической), ценностной и поведенческой активности этноса, основой национального мировосприятия и миропонимания в целом, ядерным компонентом национальной идентичности» [\[34, с. 33-34\]](#). Следовательно, анализируемые понятия представляют собой базовые концепты, затрагивающие в совокупности все ценностно-поведенческие сферы человеческого бытия.

С лингвистических позиций, согласно лексикографическим источникам русского языка [\[19\]](#) лексема *Вера* имеет три лексико-семантических варианта: 1) твёрдая убеждённость, глубокая уверенность в ком-, чём-л.; 2) религиозное учение, вероисповедание; религия; 3) доверие.

В религиозном исламском дискурсе «Иман (вера) – это признание сердцем [истинности Аллаха и его Пророка], свидетельство об этом языком и исполнение предписаний религии [телом]» [\[3, с. 528\]](#). В относительно недавно проведенном исследовании концепта «Иман/Вера» в русскоязычном исламском дискурсе представлен анализ основных репрезентантов данного концепта, особенности лексикографического портрета лексем *вера* и *иман* . [\[25\]](#).

Если (согласно православно-христианскому вероучению) абсолютные смыслы, носителем которых является определенная религия, «оседающая» в религиозном сознании, «обретаются в Откровении» (В. И. Поставалова), то в традиционном исламском сознании осмысленное миропонимание, регулирующее всю сознательную жизнь мусульманина, построено на ценностных смыслах священного Корана и Сунны. Вера мусульманина сводится к убежденности в том, что все практические предписания Корана и Сунны являются истинными и неоспоримыми наряду с другими предписаниями, и обязательны для исполнения.

Коран и Сунна рассказывают верующему о том, что для него благо, а что зло, и какие поступки хорошие и праведные, а какие — скверные и низкие [\[30, с. 7\]](#). *ХІакъълунго гъаб Къуръан буго жинца хІакъабги, батІулабги жо батІа гъабубеб, хІалалаб, хІарамаб жо баян гъабубеб тІадегІанав Аллагъасул калам* [\[4, с. 673\]](#).

Вместе с тем высказано мнение, «Ключевая идея, характеризующая богословское восприятие нравственного, состоит в том, что Бог является высшим добром и источником человеческих представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном... Принятие этой идеи в качестве истинной позволяет религиозному человеку осмыслять само понятие нравственного не только в качестве этического, но и в качестве онтологического» [\[11, с. 115\]](#). Нельзя с этим не согласиться, учитывая, что в религиозном сознании верующего человека (будь он христианин или мусульманин), по своему естеству заложена тяга к добродетели, стремление к облагораживанию нрава. Естественно, осмысление и номинация всего этого происходит посредством конкретных языковых знаков и их смыслов.

Трудно не заметить, что в русской лингвокультуре одна лексема обслуживает

религиозный и секулярный дискурсы, тогда как в аварском языковом сознании в исламском дискурсе употребляется заимствованная из арабского языка лексема *иман*, имеющая, согласно лексикографическим источникам, следующие лексико-семантические варианты:

1) вера (в Бога) ;

2) *перен* . преклоняться *перед кем-чем-л.* ; фетишировать *кого-что-л.* ;

3) *перен* . совесть, совестливость; честность, порядочность. [1, с. 521]. Сравним с лексемой *иман* в русском языке [от араб. - *верить*], в исламе, признание языком и сердцем «за истину того, что ниспослано Всевышним и что приносит Мухаммад, посланник Аллаха» [17, URL].

Уточним: *иман* не религия и не вероисповедание (как у рус. *Вера*²), а сама вера (*иман*¹) как убежденность, само состояние безусловного принятия и признания Бога/Аллаха и его Пророка, священного Писания/Корана и т.д.

Здесь необходимо отметить: сама по себе Вера в Бога, являясь частью внутренней духовной жизни человека не представляет собой базовой ценности; базовой ценностью является ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ в исламском дискурсе (), СЛУЖЕНИЕ БОГУ – в православно-христианском дискурсе. Это целый комплекс правил соблюдения канонів религии (молитва, пост, закят, паломничество и др.), выполнения ее заповедей, отказ от запретного и принятие дозволенного (в исламе: *харам* и *халяль*), работа над усмирением своего эго (*нафса*), контроль за своим сердцем на наличие искренней любви к Творцу и ближнему. Развивая высказанную мысль, заметим, именно соблюдающая религиозная личность, образом жизни которой являются Священные Писания, стремится к добродетели, к совершенствованию своей морально-этической сущности (срав. авар. *иман бугев* «порядочный; совестливый (букв. *имеющий веру*)»; *иман бахъун* «бессовестно, беспардонно» (букв. *веру отняв*). Процесс десакрализации *иман* в аварской лингвокультуре привело, во-первых, к широкому спектру употребления данной лексемы за рамками религиозного дискурса; во-вторых, позволило поставить знак тождества в определенных случаях между понятием *верующий (набожный)* человек = *совестливый (порядочный, честный)* человек. О завершенности процесса десакрализации значения *иман* свидетельствует фиксация словарями последних изданий производного значения «совесть, совестливость; честность, порядочность», что не представлено в словарной статье в Аварско-русском словаре 1967 года издания.

В религиозном сознании мусульманина, согласно канонам религии, отсутствие веры распространяется на духовно-нравственную сферу человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения; религия «вычленяет такие пороки человеческой сущности, как высокомерие, гордыню, лживость, любовь к сплетням и клевете. [23, с.38]. По крайней мере в мусульманском сознании «Вера/Неверие многокомпонентное понятие, в котором объединены святость и грех, добро и зло, совесть и бессовестность, смиренность и гордыня, истина и ложь и т.п.

В аварской лингвокультуре для обозначения твёрдой убеждённости, уверенности в ком-, чём-л.; в том числе семантики доверия (нерелигиозная сфера) употребляется глагольная лексема *божизе* и производные от нее существительные *божи*, *божилъи*, в том числе *божугут I* и «неверие; безверие». *Г I умруялда жаниб т□оцебесеб нухаль гъав х□акъикъаталь гуккана, гъасул рек□елбожилъиги рокъиги ч□авана.*(Г□. Шахтанов, Къуруль пух щвеч□еб бис). «Впервые в жизни он столкнулся с ложью, что убило в его

сердце веру и любовь». Нижеца «Миллат» абураб газета биччазе квер барабго цохIo нижер ахIмакьяб **божилъиги**, битIахье, гьёб газетальухь урхъун почтабазул отделениязда ва киоскал сверун терелел магIарулалги ругеб гIадаб асар букIана » <http://www.maarulal.ru/avarpress/362-gazeta-millat.html> «Когда мы начинали издавать газету «Миллат», у нас появилась глупая уверенность, что читатели будут нетерпеливо обегать почтовые отделения и киоски в ожидании очередного номера».

Как отмечает Талапова Т. А., в русской языковой картине мира «основные семантические признаки концепта «Вера/Неверие»: правда, верность, истина, обещание, обет / недоверие, отсутствие веры, сомнение» [42, с.12]. Если в русской лингвокультуре вербальными операторами оппозитивного концепта «Вера/Неверие» выступают одноименные лексемы, объективирующие семы «убежденность, уверенность в ком-, чём-л.»; «религиозное учение, вероисповедание»; «доверие», то в аварской концептосфере обнаруживается своеобразная дифференцированность репрезентантов на два самостоятельных концептуальных подполя:

1) «Иман/Купр(у)» с когнитивными признаками «вера в Аллаха», «убежденность в истинности Его религии (дин) и ниспосланного Всевышним»/«неверие», «непризнание ислама или отход от его норм». Отметим, вербальным оператором *Неверия* в исламском дискурсе аварского языка выступает лексема *купр(у)* [арабск.] – 1) безбожие, неверие; богохульство; 2) неверные, гяуры [1, с. 595]. Следует отметить, что указанная лексема ограничена сугубо сакральной сферой употребления. В аварской лингвокультуре широкой употребительностью отличается лексема *божунгутIи* «безверие; неверие; богохульство; недоверие» либо устойчивые сочетания *иман бахъун* (букв. веру отняв) в знач. бессовестно, беспардонно; безжалостно. *Самица гьей гIемер гуккулаан, амма гьяб жакъагIан иман бахъун цониги нухаль гуккун йикIинчIo гьей*. (М. Сулиманов, ТIаса ришарал) «Сами часто обманывал её, но так бессовестно, как сегодня, никогда не обманывал» [26, с. 126].

2) «Божилъи/БожунгутIи» с когнитивными признаками «доверие к кому-, чему-либо», «вера, убежденность, уверенность», «надежда, упование», «безопасность»; (авар. *боржи бугеб магIарда хIамица гIундул тарал (посл.)* «на безопасной горе осел уши потерял»)/ «безверие, безбожие», «недоверие», «неуверенность, сомнение». Нетрудно заметить, что «БожунгутIи/Неверие» в аварском языковом сознании допускает актуализацию указанных признаков в секулярной сфере, равно как и в религиозном (исламском) дискурсе. Чего нельзя сказать о *божилъи* : только в обыденно-секулярном дискурсе.

Дуца иццул х I оринибе х I ац I у туна, божилъиялъе рек I к I гьябуна. Халкъаль гьединазда хиянатчиян абула. (ХI. ГIарипов, Чияр яс) «Ты плюнул в колодец, подорвал веру людей. В народе таких называют предателями».

В состав концептуального поля исследователи русской лингвокультуры неоднократно относят признак «вера как истина». «Анализ семантической структуры... лексем позволяет выделить единую ядерную сему: «признание, почитание за истину», что, в свою очередь, сближает концепты вера и истина и позволяет сделать вывод, что последний принадлежит околядерной зоне ассоциативно-семантического поля концепта вера» [6, с. 95]. Указанный концептуальный признак эксплицирован достаточно широко в религиозных текстах аварского языка, а также актуализирован во фразеологической системе языка: авар. *Къуръан бакъульа рагIи* «истина, верное слово, правда, (букв. слово из середины Корана) [26, с. 164].

Если в русской лингвокультуре основными семантическими признаками концепта «Вера/Неверие» признаются: «правда, верность, истина», «обещание, обет» / «недоверие, отсутствие веры», «сомнение» [\[42\]](#), то в аварской лингвокультуре выделяются признаки: «вера, покорность» «убежденность в истинности Бога»; «надежда, упование»; «безопасность»; «совесть, совестливость» / «безверие, безбожие», «недоверие», «неуверенность, сомнение».

Рассмотрим некоторые когнитивные признаки исследуемого концепта в интерпретационном поле русского и аварского языков.

Осмысление понятий *Вера* и *Неверие* носителями исследуемых лингвокультур может происходить неоднозначно: это может быть восприятие веры как живого существа (рус. *вера рождается, растет и умирает* ; авар. *иман бижи́зе, божи́льи гIезе, басра гьабизе «стареть»*), вера приобретает признаки и качества людей (рус. *искренняя, простодушная, слепая* ; авар. *ракIбацIцIадаб «искренняя», ракIазу́лье лъугьине «войти в сердце», загIипаб «болезненная, слабая», иман бергъарав «у которого вера победила [страсти]»*); вера осмысляется через пространственный код культуры (рус. *глубина веры, полная вера*; авар. *иманальул гъварилъи, борхалъи «глубина, высота веры»*); бытие/небытие веры (рус. *вера есть, утрачена, исчезла*; авар. *иман/божилъи бугеб/гъечIеб «вера/доверие имеющие/отсутствует»*); вера через количественный показатель (рус. *увеличиться, уменьшаться*; авар. *иман цIикIкIине, дагъльизе «вера увеличилась, уменьшилась»*); осмысление веры через признак крепости/слабости (рус. *крепкая, слабая, твердая*; авар. *шулияб «крепкая [в знач. здоровая], загIипаб «слабая», къуватаб «сильная», къвакIараб «твердая». В аварской лингвокультуре вера может быть представлена через весовой код тIадагъаб «легкая [в знач. легковесная], иманальул бакIлъи «весомость [тяжесть] веры».*

Особо следует остановиться на устойчивой языковой формуле, имеющей широкую употребительность в духовных текстах: иман лъезе (букв. веру положить) 1) «уверовать, принять религию» 2) «быть, стать благосклонным к кому-л., считать кого-л. своим кумиром» [\[1, с. 739\]](#). Феноменальность данного сочетания состоит в том, что им номинируется диффузная ситуация с компонентами «принять/присягнуть религии», «проявить покорность Аллаху», «сотворить себе кумира». *Иман лъурал гIадамал жидеда аскIор ккедал гъез абула нижги нужгогIадал муъминзаби ругин абун «Когда они [лицемеры] оказываются рядом с уверовавшими людьми, говорят, мы тоже из числа мусульман»* [\[43, с. 19\]](#). *Ялъуни гъеб хитIаб букIине бегъула жодоца кIалалъ иман лъурал, ракIаз иман лъечIел гIадамаздехун «Либо это обращение может относиться к тем, кто уверовал лишь языком, но сердцем не уверовал»* [\[43, с. 19\]](#). *Ялъуни гъеб иблис букIана, Аллагъасул азалияб гIилмоялдаго, иман лъун хадуса жиб капурлъизе бугеблъун «Или еще в предвечном знании Аллаха иблис (сатана) был из числа тех, кто впадет в неверие после того, как уверовал»* [\[4, с. 95\]](#). *РукIана ягъудиязул къотIи биххичIелги, свалат-салам лъеяв Аварагасде иман лъун, Исламалде рачIаралги «Были среди них не нарушившие договор с иудеями, присягнув Пророку, пришедшие в Ислам»* [\[4, с. 116\]](#). *Ахир къиямасеб къоялдаги, гъениб букIинесеб жоялдаги иман лъурал «Уверовавшие в Судный день и во все, что произойдет тогда»*

Неверие в сопоставляемых языках осмысляется: 1) как **грех** (кара за неверие) и **враг** (бороться с неверием) в русской лингвокультуре [\[42, с. 17\]](#); 2) **куфр, харам, мунагъ** в аварском религиозно-языковом сознании. В лингвистической литературе определено инвариантное толкование сакрального понятия *Грех* : «для человека, живущего в Боге и

понимающего, что действия типа А — плохие, а действия типа В — хорошие, потому что Бог определил, что А — плохо, а В — хорошо, [грех — это] совершение А и несовершение В, в результате чего человек становится виноватым перед Богом и перестает жить в Боге» (33, с. 171). Согласно исламскому мировосприятию самым большим грехом является вероотступничество, безбожие, неверие. В аварском языке функционируют специальные лексемы, номинирующие безбожного, вышедшего из веры человека: *имангъечI* «изувер, вероотступник» [1, с.521]; *капурчи* «неверующий, безбожник; неверный, нечестивый, поганый, кафир, гяур, иноверец (не мусульманин)» [1, с.549]; *инкарчи* «человек, который что-л. отрицает (напр. веру). Номинативная плотность данного концепта позволяет создать полное представление о его лингвокультурной специфике в аварском языке: *капураб* 1) рел. не исповедующий мусульманства; 2) рел. поганый, нечистый (с точки зрения ислама) 3) отвратительный; (*капураб махI* «отвратительный запах, вонь»); *капурлъизе* «становиться, стать немусульманином, отречься от ислама; не признать Аллаха и его посланника Мухаммеда»; *капурлъи* «вероотступничество (отглагольная номинация)», *капурлъизабизе* «понуждать к вероотступничеству», *капурлъизаби* «номинация от гл. *капурлъизабизе* ». Указанные лексемы имеют распространение в сакральном дискурсе, хотя в значении некоторых лексем произошла десакрализация: *капураб махI* «отвратительный запах»; *инкарчи* (в зн. отрицать вину, отказаться от предложения).

Любое понятие греха, отступления от законов Бога/Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за виновность перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамахI* [гъабизе], *къисас, гIазаб, жаза*.

Неверие как концептуальный признак включает компонент «неискренность веры (лицемерие)» в аварской паремиологической картине мира: *Аллагъ рехсолеб – к I ал, хIарамаб боцIи кибдай бугоян – ракI* «На устах имя Аллаха, а в сердце – поиски запретного имущества»; *Радал къальлизегIан, Къуран цIалулев, къальудаса нахье хIамул рикъулев* «С утра до обеда Коран читает, после полудня ослов уводит/ворует»; *Вихъизе – тIарикъятчи, ватизе – хиянатчи* «На вид – соблюдающий [каноны религии], а на самом деле – подлец». Сравним схожее в рус. *Бог на языке, а девка на уме* [9].

Неверие (нерелигиозная сфера)осмысляется как признак отсутствия доверия, надежности в божии *гъечIев* (букв . веры не имеющий) 1) ненадёжный; 2) трудный, тяжёлый.

Я бакъул хинлъи чIваялде, я чIаго хутIиялде божии гъечIел къоял чанги рукIана Салимил. (М. МухIамадов, Лъукъарал къураби) «Много было у Салима безнадёжных, тяжелых дней, когда он думал, что не выживет» [26, с. 49]

Паремиологическая картина сопоставляемых языков фиксирует когнитивные признаки концепта Вера/Неверие посредством актуализации тесной связи с ближайшими концептами «Бог», «Благонравие», «Грех», «Зло». Необходимо при этом отметить, что в аварской лингвокультуре малочисленны паремии с объективацией концепта «Вера/Неверие», объяснение этому факту найти сложно, вероятно, здесь имеет место и специфика исламского вероисповедания, сакральная заповедность темы веры, религии и Бога в Исламе.

Чудодейственная спасительная сила веры для человека в русских паремиях фиксируется

широко: *Вера животворит . Вера и гору с места сдвинет . Вера спасает. С верой нигде не пропадешь.* [9]. В аварской лингвокультуре не обнаружено ни одной паремии со схожим компонентом. Однако осмысление обращения и полагания на Всевышнего при важнейших жизненных ситуациях объективировано в авар. *ЧIужу ячунелъул ги чу босулелъул ги, берал ги къанщун, Аллагъасде божилъи гъабе* «При женитьбе, как и при покупке лошади, закрыв глаза, полагайся(надейся) на Аллаха» [2].

Православно-христианское и исламское религиозное сознание сходны в осмыслении признака «все в мире по воле Бога/Аллаха», что объективируется в паремиологической картине национальной (русской и аварской) концептосфер: рус. *Бог не захочет, и пузырь не вскочит. Бог души не вынет, сама душа не выйдет.* [9]. Авар. *Аллагъасухъ балагъун гъекъолебила г1анк1уялъ лъим* «Даже курица пьет воду по воле Аллаха (букв. оглядываясь на Аллаха)» [2].

Социальное равенство людей перед Богом актуализировано в рус. *Перед Богом все равны.* авар. *Хан хола, лагъги хола – кIиялго бащальула* «Хан умрет, и раб умрет – оба равны (перед Всевышним)». *Ахиркиямасеб къо киназдего щола* «Судный день придет ко всем». Соответственно, равно и правитель и его раб равны в ответе за свои грехи. так же, как и простые смертные не должны совершать грехи, а если совершили, то должны понести заслуженное наказание.

Искренность веры, отказ от показухи являются важнейшими признаками мусульманина: авар. *Магжилъ иман букIунареб, рекIель гурони* «Вера сосредоточена в сердце, а не в бороде» [2], истинная вера заключена глубоко в сердце, внешняя атрибутика без хузура не приветствуется в Исламе.

Как ранее нами отмечалось, ценностная составляющая «Веры/Неверия» представлена как добродетель, благодать, милосердие религии и человека в ней, Священные Писания учат верующих что хорошо, что плохо, как не следует поступать, что порицается Богом/Аллахом, а что одобряется. В семантике аварских пословиц ложь и клевета как пороки, порицаемые религией качества человека, подвергаются осуждению: авар. *Каламалда жаниб бищунго нахъег I анаб жо – гьереси, гьерсазда гъоркъобги ц I акъго хъубаб жо – мац I гъаби* [Самым гнусным в речи является ложь, из лжи самой мерзкой – сплетня]. *Раг I анщинаб бицаравги – гьерсихъан, бихъанщинаб бицаравги – мац I ихъан* [Человек, доносящий все, что услышал – лжец, и доносящий все, что увидел – сплетник]. Ср. с рус. *Всякая неправда грех*. В религиозной картине мусульманина ложная сплетня, клевета может привести к искуплению грехов жертвы клеветы: авар. *Зоб роц I адго балеб ахир гъеч I еб ц I ад, ниль рац I ц I адго лъолел хъубал бугътанал* [Гнусная клевета очищает нас, подобно льющемуся с ясного неба дождю]; *XIарамаб боцIи-малги – жужахIалъул цIул буго, жиндийго гъеб боркъизе къо бихъун бакIарулеб* [Запретное имущество – что дрова для Ада] [4, с. 154]. Духовно-нравственная сфера человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения регулируются, как известно, в исламе: авар. *Ч I ужу инжит гъаюлев чи – Аллагъасул тушман, ятим къварид гъавулев чи – Аллагъасул ги халкъалъул ги тушман* «Тот, кто обижает жену - враг Аллаха, тот, кто обижает сироту - враг Аллаха и человечества». *XIайваналцин рагъизе тIами Аллагъас гъукъараб жойила.* ««Аллах запрещает заставлять бороться/драться даже скотину».

Верующий человек ассоциируется носителями как русского, так и аварского языка с порядочным, совестливым, честным человеком. Рус. *Бог любит праведника, а черт ябедника . У них вера хороша (говорят о народе, т. е. нравственность)*. [9]. Менять веру

– *менять и совесть* [9]; авар. *Иман гъеч I ев – ях I гъеч I ев* [26, с. 126]. *Иман бахъун* (букв. веру=совесть отняв), бессовестно, безжалостно.

Аварские паремии фиксируют этнокомпонент «заниматься бесполезным делом» через интерпретацию богоугодных дел: авар. *Баркала гъечIеб кечI – кири гъечIеб лаила* «Как песня без благодарности, что зикр (помянуть Всевышнего), лишенный воздаяния». *Туркидул кири гъечIеб, кочIол хIакъ гъечIеб* «Ни воздаяния за духовные оды, ни греха за песнопения».

Неверие как концептуальный признак актуализируется посредством компонента «безбожник; вероотступник», неприятие никакой религии, отсутствие веры в человеке губительно для его плоти и души: рус. *Ни богу свечка ни черту кочерга* [9]; авар. *Бусурманлъун как гурев, капурлъун хъанч гурев* «Ни молитвы мусульманина, ни креста христианина» [2]. Причастность греху, проступки и ошибки верующего человека по данным паремиологических фондов сопоставляемых языков прощаются при условии смиренного покаяния; утверждается мысль о грешности человечества: Рус. *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил. Милость над грехом – что вода над огнем* (т. е. властна); *Грех грехом, а вина виной. Все мы не без греха. Один Бог безгрешен. Един Бог без греха.* [9]. авар. *Мунагъго гъечIей яс ялагъулаго, чIужуго щвечIого, хутIаравил* (досл. «В поисках безгрешной невесты остался без жены»). Следовательно, неверие, безбожие рассматривается как самый тяжкий и большой грех: *Нет греха хуже безбожия. Аллах и его рабы есть в любой стране* [18, с.29]. *Нет для человека более красивой одежды, чем набожность* [Там же, с.30].

Таким образом, объективация двухъядерного оппозитивного концептуального поля «Вера/Неверие» в русской и аварской лингвокультурах обнаруживает больше сходств, чем различий.

Таким образом, сила веры заключается не только в убеждениях и отдельных нравственных качествах человека, но и в его помыслах, действиях и поступках: *Глубина веры подтверждается делом* [18, с.28]. Изучаемый концепт связан с такими специфическими нравственными концептами аварской языковой картины мира, как «*Ях I*» и «*Намус*», (совесть, честь, стыд), часто актуализирующими религиозный код культуры: *Бихъинчиясул яхI гурони, жужахIальул цIеца бухIулареб жо гъечIебила* «Единственное, что не горит в адском пламени – это честь мужчины». *ЖужахIальул цIецаги бухIулареб жойила яхI* «Даже в огне ада совесть не горит». Примечательно, что «совесть не только вступает в противоборство с грехами человека, но находит поддержку и в других чувствах – в стремлении человека к миру с собой, с людьми и с Богом» [11, с.125].

В аварской лингвокультуре фразема *тIабигIат берцинлъи* «благой нрав» интегрирует значение религиозно-сакральное и обыденное (человек набожный => благонравный). Соответствующее положение дел репрезентируется через устойчивые формулы благопожеланий и паремий: *иман бугев вукIайги лъимер* «с верой истинной будет рожден (о новорожденном)», *иман-яхъ бугев рос щвайги* «с верой-совестью пошлет жениха», *иман шулияб кье БетIергъан* «О Всевышний, дай мне крепкую веру» и т.п. [25]

Допустимость употребления в аварском языке «конструкций типа лексемы *иман бугев* *чи* в значении «набожный, верующий человек» и параллельно в значении «честный, порядочный человек», что фиксируют также и словари, говорит о народных стереотипах мышления, воплощенных в языке» [24, с.388].

Библейская идея «Каждому воздастся по его делам», имеющая уточненную семантику в исламе – «Поистине, дела (оцениваются) только по намерениям, и, поистине, каждому человеку (достанется) только то, что он намеревался (обрести)» [\[39\]](#), может стать краеугольным камнем в процессе переформатирования духовно-нравственных интенций общества в целом и каждой религиозной личности в отдельности.

Библиография

1. Аварско-русский словарь (под ред. М. М. Гимбатова). Махачкала: ДНЦ РАН, 2006, 2096 с.
2. Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 2016. (на авар. яз.).
3. Аль-Газали, М. Возрождение религиозных наук / Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси. Пер. с араб. яз. книги "Ихйа' 'улум ад-дин". В десяти томах. 1-е изд. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 460 с.
4. Аль-Чиркави, С. (2011). Танбигъу-ль-Г'авам ила даг'ивати-ль-Къуръан: Побуждение внять призыву Корана. В четырех томах. Том 4, 1-е издание. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 491 с. (на авар.яз.)
5. Байрамова Л.К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни. Филология и культура. 2014. №4(38), с. 25-28
6. Балашова Е.Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕ-РА/FAITH в русском и английском языках. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, № 2, 2010, с. 92-98
7. Гибатова Г. Ф. Аксиология в языке. Вестник Оренбургского государственного университета, 2011, №2 (121). С. 127-132
8. Гоголюк Ю. Е. Лингвокультурологическое исследование концепта «вера». Труды Белгородской духовной семинарии, 2018, с. 52-56
9. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х томах. М.: «Художественная литература», 1989. 433 с.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Вып. 3: Политический дискурс: История и современные исследования. Герасимов В. И., Ильин М. В. (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 32–43.
11. Домусчи С. А. Нравственный мир человека в христианском богословии и русских пословицах. Развитие личности. № 3, 2017, с. 113-128
12. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
13. Казнина Е. Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.
14. Карасик В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов/ под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13 – 15
15. Карасик В. И., Милованова М. С. Осмысление жертвоприношения: дискурсивные векторы оценки. Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 321–336. DOI 10.17223/ 18137083/74/24
16. Козлова Е. А., Гремицкая М. В. Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023., Том 16. Выпуск 1. С. 285-290
17. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006 [Электронный ресурс],

<https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com/14924-ИМАН>

18. Кухарева Е. В. Лингвострановедческий словарь арабских паремий. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГИМО «Университет», 2015. 240 с.
19. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998 [электронный ресурс] <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
20. Кушнир О. Н. К вопросу о концептосфере религиозного // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2011. № 130. С. 108-118.
21. Легойда В.Р., Шестерина А.М., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Интерпретация концептов веры и прощения в телепередаче религиозной направленности «Парсуна» // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 5. С. 82-102. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2022.82101
22. Магомедова А.Н. Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры // Исламоведение. Махачкала, 2019. № 4. С. 76-81.
23. Магомедова П. А., Микаилова А. А. Опыт концептуального анализа паремиологической картины мира разноструктурных языков: концептосфера «ПЛОХО». Махачкала: Издательство Алеф, 2022, 176 с.
24. Магомедова П. А., Сабулаев Ю. М. Вербализация понятия благонравие в религиозном (исламском) дискурсе языка. Мир науки, культуры, образования. № 4 (89), 2021.
25. Магомедова П.А., Гасанова М.А. — Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе // Филология: научные исследования. – 2022. – № 12. – С. 63-77. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39474 EDN: MUEWAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39474
26. Магомедханов М. М. Аварско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1993-409 с.
27. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 21-28.
28. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрально-го и светского //Метафизика, 2016, № 4 (22), с. 87-99
29. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
30. Мусульманин и его личность в свете Корана и Сунны / Сост., пер. с араб., перераб., прим. Е. Сорокоумовой. М.: Умма, 2012. 576 с.
31. Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 988—1000.].
32. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008
33. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «ГРЕХ» и итальянского «РЕССАТО»). Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167-177
34. Писарь Н.В. Особенности вербализации концепта «вера» в остромировом Евангелии 1056-1057 года // Казанская наука. 2016. № 5. С. 72-74.

35. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127-148
36. Пушкин А.А., Тенякова Е.А. Ценностные концепты в современной парадигме духовно-нравственного воспитания: лингвопедагогический аспект. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22423> (дата обращения: 03.04.2023).
37. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира. Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 23-35.
38. Русско-аварский словарь (сост. С. З. Алиханов). Махачкала: ДНЦ РАН, 2003. 700 с.
39. Сахих аль-Бухари (Краткое изложение) / Перевод Владимира Абдаллы Нирша. 1-ое издание. В 2-х т. – М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. Т.1. 472 с.
40. Сибирева М.В. Концепт «Вера» в русской языковой картине мира: лексикографический аспект // Когнитивные аспекты лексикографии. 2009. С. 150-154.
41. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: «Языки русской культуры», 1997, 992 с.
42. Талапова Т. А. Концепт «Вера/Неверие» в русской языковой картине мира. Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Абакан, 2009, с. 22.
43. Тафсир Корана 5-ое изд-е. Аль-Ашбал, 2015. 706 с. (на авар. яз.)
44. Тимошевская Т. А. Национально-культурные особенности функционирования концепта «Вера»: на материале русского и английского языков: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 23 с.
45. Христианство // Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики рассмотрения концептов сферы «духовные ценности» в языковой картине мира носителей русского и аварского языков. Исследования в области сравнительного анализа русского языка и одного из языков народов Российской Федерации к коим относится аварский язык являются ценными.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Центральной проблемой статьи является репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в исламском и православном дискурсах с целью выявления специфики лингвокультурного концепта. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Библиография статьи насчитывает 45 источников, среди которых теоретические работы только на русском языках. Считаю данное количество неоправданно избыточным в рамках рассматриваемой работы. Кроме того отсутствуют работы иностранных языках по смежным темам исследования, которые бы несомненно обогатили работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Павлова Т.А., Потовская К.С. — Функциональные особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе // Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40411 EDN: LVXKON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40411

Функциональные особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе

Павлова Татьяна Александровна

ORCID: 0000-0002-8033-3272

старший преподаватель, кафедра Иностранные языки, Севастопольский государственный университет

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, Россия, г. Севастополь, Крым, ул. Руднева, 26/5

✉ tatyana_bokhan@mail.ru

Потовская Ксения Сергеевна

старший преподаватель, кафедра Иностранные языки, Севастопольский государственный университет

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, Россия, Севастополь, Крым область, г. Севастополь, Крым, ул. Руднева, 26/5

✉ xevia25@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40411

EDN:

LVXKON

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2023

Дата публикации:

17-04-2023

Аннотация: Предметом исследования в статье является языковое явление как эвфемизация в политическом дискурсе или феномен эвфемизация, рассмотрены функции. В рамках исследования рассмотрены основные или базовые функции эвфемизмов, в частности коммуникативная функция, направленная на этикетное смягчение и нейтрализацию коммуникативного дискомфорта, а также функция манипулирования общественным сознанием. Материалом для исследования послужили англоязычные газетные и журнальные тексты социально-политической направленности. Методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы эвфемизмы в

англоязычном политическом дискурсе с целью выявления их функционально-прагматического потенциала и воздействия на целевую аудиторию. Результаты исследования показали, что манипулятивная функция эвфемизмов является доминирующей. По существу, эвфемизмы не просто создают позитивную коммуникативную атмосферу, но и оказывают имплицитное воздействие на читателя за счет вуалирования, маскировки и искажения действительности. Настоящее исследование представляет теоретическую и практическую значимость в силу определенного вклада, который оно вносит в изучение теории манипуляции общественным сознанием со стороны политической власти. Анализ способов реализации тактики эмоционального воздействия через эвфемизмы в политическом дискурсе позволяет выработать определенный иммунитет к попыткам манипуляции. Несомненно, дальнейшие исследования в этой области будут способствовать более глубокому пониманию прагматического потенциала эвфемизмов в политическом дискурсе.

Ключевые слова:

эвфемизм, манипуляция, коммуникация, политический дискурс, политкорректность, языковое явление, коммуникативного дискомфорта, газетные тексты, коммуникативная атмосфера, имплицитное воздействие

1. Введение [Introduction]

Феномен эвфемизации – явление не новое в лингвистике. Во всех языках всегда существовали темы, которые в силу определенных причин считались табуированными, запретными, сакральными, поэтому при обращении к ним использовались иносказания, завуалированные формы и смягчающие формулировки, то есть эвфемизмы.

Под эвфемизацией мы понимаем процесс замены недозволенного, грубого слова или выражения нейтральной языковой формой, которая не несет негативных коннотаций. Такой процесс этикетно-этического смягчения обуславливается необходимостью избежать неловких моментов, конфликтов в процессе общения и достичь выполнения коммуникативных задач. Однако, это не единственная функция эвфемизмов, их прагматическое назначение намного шире – приукрасить или исказить информацию о реальном положении дел, выставить что-либо или кого-либо в положительном или отрицательном свете, побудить к каким-либо действиям или бездействию. В этом контексте эвфемизмы используются для манипулирования массовым сознанием.

Исследование явления эвфемизации особенно актуально в связи с устойчивым интересом общества к тактикам социального управления, техникам воздействия на аудиторию и механизмам формирования общественного мнения.

В политическом дискурсе эвфемизмы активно используются в качестве орудия манипуляции и пропаганды определенных идей, оказывая эмоциональное воздействие на общество, побуждая народ к принятию тех или иных политических решений. Общеизвестно, что политики, институты власти и средства массовой информации прибегают к тактике дискредитации, подмены понятий, сокрытия нелицеприятных фактов для целей формирования определённой идеологической картины мира в обществе. С учетом изложенного, вполне естественно, что язык политики насыщен эвфемистическими выражениями.

Таким образом, эвфемизмы – это, с одной стороны, средство достижения

бесконфликтного общения и инструмент речевого этикета, а с другой стороны, орудие воздействия в руках политиков, дипломатов, институтов власти.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что доминирующей функцией эвфемизмов в политическом дискурсе английских СМИ является манипуляция общественным мнением и маскировка информации. Мы полагаем, что коммуникативная функция смягчения и нейтрализации конфликта, которая изначально была основной коммуникативной задачей эвфемизации, отошла на второй план. Более того, уход от прямых и грубых номинаций в политическом контексте часто также имеет манипулятивный эффект.

В настоящей работе мы рассмотрим случаи использования эвфемизмов в английском политическом дискурсе с целью изучить способы реализации тактик манипулирования и бесконфликтной коммуникации.

Материалом для исследования послужили новостные статьи на политические темы из современных англоязычных средств массовой информации.

2. Методы [Methods]

В ходе данного исследования нами использовались следующие методы: метод сплошной выборки при изучении материала из электронных новостных источников, метод количественного анализа представленных эвфемизмов с точки зрения их функций и способов использования, а также метод контекстуального анализа значений рассматриваемых эвфемизмов.

3. Литературный обзор [Literature Review]

Многие исследователи отмечают, что эвфемизация широко представлена в современной речи и весьма эффективно используется в повседневной языковой жизни общества, учитывая его тенденцию к нейтрализации конфликтности общения.

Несмотря на очевидность значения термина «эвфемизм» исследователи рассматривают его с разных точек зрения. Некоторые подчеркивают связь эвфемизмов с табу и их зависимость от определенной речевой ситуации. Так, В. П. Москвин характеризует эвфемизмы как «эмоционально нейтральные слова и выражения, используемые для замены такого прямого наименования, употребление которого представляется говорящему неуместным (то есть табуируемым) в данной конкретной ситуации» [Москвин, 1999, с. 262].

В рамках стилистического подхода эвфемизмы рассматриваются как средства художественной выразительности, выполняющие эстетическую функцию. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой эвфемизм толкуется как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова, 1969, с. 521]. Похожее определение дает В. И. Заботкина: «это тропы, основанные на непрямом, вежливом, смягчающем слове или словосочетании, употребленном в прагматических целях (вежливость, деликатность, благопристойность)». [Заботкина, 1989, с. 44].

Мнения филологов разнятся и в отношении языкового выражения эвфемизмов. В данной работе мы приведем классификацию Беатрис Уоррен, которая разделяет все эвфемизмы на две группы по способу образования, в зависимости от формы слова (formal innovation) и его значения (semantic innovation). Уоррен выделяет четыре основных способа формирования эвфемизмов:

1. Различные техники словообразования (word-formation devices), например, акроним NYR, который расшифровывается как *no t yet returned* – еще не вернувшиеся вместо *dead* – погибшие ;
2. Иностранные заимствования (loanwords), например, *lingerie* (фр.) – женское белье ;
3. Фонетические изменения слова (phonemic modification), например, *Jeez* вместо *Jesus* – Иисус ;
4. Придание нового значения уже существующим в языке словам и выражениям (semantic innovation), например, *the great divide* – великое разделение в значении *divorce* – развод [Warren, 1997, с. 132].

Эвфемизмы употребляются во многих сферах жизнедеятельности общества. Л. П. Крысин отмечает, что процесс смягчённого переименования осуществляется в двух основных областях – в бытовой и в социально-политической. В межличностных отношениях проявляется, прежде всего, «стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта». Эвфемизмы в социально-политическом контексте являются средством вуалирования и маскировки реальности, что обуславливается «общей лживостью системы и обслуживающего ее идеологического аппарата, боязнью огласки неблагоприятной или антигуманной деятельности» [Крысин, 2004, с. 262].

4. Результаты и обсуждение [Results and Discussions]

Как было уже упомянуто выше, основное внимание в нашей работе уделено изучению функционирования эвфемизмов в политическом контексте. Методом сплошной выборки мы отобрали и проанализировали эвфемизмы в политическом дискурсе англоязычных СМИ, с тем чтобы оценить функциональный потенциал эвфемизмов.

Вопрос о функциях эвфемизмов является одним из наиболее актуальных, так как функция связана с намерением говорящего, с его коммуникативной интенцией, и поэтому очень важна для понимания сущности эвфемизма. Существуют различные взгляды лингвистов на функции, цели и коммуникативные задачи эвфемизмов, и, соответственно, в литературе встречаются различные классификации функций. Нам интересна точка зрения Л. П. Крысина, который выделяет три функции или цели эвфемизации.

Основной целью использования эвфемизмов является стремление избежать коммуникативного дискомфорта. С позиции лингвопрагматического подхода эвфемизмы выполняют коммуникативную функцию, являясь удобной для обеих сторон общения формой речевого взаимодействия. Эвфемизмы, используемые для этой цели, определяются следующими прагматическими намерениями:

- стремление увеличить социальную значимость некоторых непрестижных профессий, например, *garbage collector* – сборщик мусора стал называться *sanitation engineer* – специалист по санитарии ;
- смягчение ситуаций, связанных с негативными сторонами жизни, такими как болезнь или смерть. Например, эвфемизм *moon-child* – человек, рожденный под созвездием Рака используется вместо слова *Cancer* – Рак , которое вызывает ассоциации с болезнью;
- стремление снять напряженность в межэтнических отношениях. Так, например, для смягчения расовой дискриминации вместо слова *black* употребляются *coloured* или *non-*

white – цветное население ;

- стремление скрыть физические и умственные недостатки. Например, людей, страдающих речевыми расстройствами, называют *speech - impaired* – с нарушениями речи . Вместо *insane asylum* – дурдом используется эвфемизм *mental hospital* – психиатрическая лечебница ;
- стремление избежать возрастной дискриминации. Так, чтобы не обидеть пожилых людей, в английском языке последних десятилетий появилось слово *middlence* – люди почтенного возраста (по аналогии с *adolescence* – подростковый возраст);
- стремление избежать дискриминации по внешнему виду, например, *vertically challenged person* – человек с нестандартными пропорциями ;
- стремление избежать имущественной дискриминации. Например, для обозначения бедных появилось слово *disadvantaged* – социально незащищенные ;
- стремление избежать проявления сексизма в языке. Например, для обозначения домохозяйки используется эвфемизм *domestic engineer* – дословно инженер домашнего очага .

Вежливость является одним из постулатов лингвопрагматики, и именно вежливость, тактичность, стремление соблюсти этические нормы цивилизованного общения становятся прагматическими целями использования эвфемизмов. Прибегая к эвфемизмам, говорящий отправляет оптимальные речевые сигналы, которые соответствуют прагматическим ожиданиям адресата речи. Таким образом, в рамках языковой прагматики обеспечивается успешное для обоих коммуникантов речевое взаимодействие. При этом отметим, что отправитель речевого сообщения, активизируя речевой механизм эвфемизации, может изменять ментальное состояние получателя, то есть, по сути, напрямую воздействовать на его сознание.

В политическом дискурсе принцип вежливости нашел отражение в виде политически корректной лексики. Дипломатическая среда обязывает политических деятелей использовать эвфемизмы, чтобы соблюсти дипломатический этикет. При этом эвфемизмы не отражают реальное положение дел. Например, эвфемизм *congenial tone* – дружеская атмосфера довольно часто используется для описания переговоров, встреч на уровне дипломатов, но не означает, что переговоры действительно проходят в дружеском тоне.

Цивилизованное общество – это политически корректное общество, в котором неудобные слова и прямолинейные выражения заменяются более мягкими и нейтральными. Не представляется возможным выполнить те коммуникативные задачи, которые стоят перед политической властью, если прибегать исключительно к прямым номинациям и не пытаться нивелировать негативные смыслы в речи.

Политическая корректность требует заменить все те языковые единицы, которые задевают чувства, достоинство личности, на соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы. По определению С. Г. Тер-Минасовой «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [Тер-Минасова, 2000, с. 216].

На примере отобранных нами политических эвфемизмов рассмотрим их употребление в речевой ситуации, когда необходимо избежать коммуникативного дискомфорта:

Оригинал : *The European Union has used the Canary Islands boat people tragedy to create*

a new border patrol (news.sky.com, 2020).

Перевод: Евросоюз воспользовался трагедией с лодкой нелегальных мигрантов возле Канарских островов, чтобы организовать новый пограничный пост (здесь и далее перевод наш. – К. С.).

Эвфемизм *boat people* был образован для беженцев, которые по морю пытались попасть в Европу из стран Ближнего Востока. Прием эвфемизации в данном случае позволяет смягчить болезненную тему нелегальной миграции и политкорректно высказаться об определенной социальной группе людей.

Еще один пример эвфемизации нелегальной миграции:

Оригинал : *The Trump administration could be open to providing legal status to undocumented people who have not committed serious crimes* (nbcnews.com, 2017).

Перевод: Администрация Трампа может пойти на предоставление легального статуса незаконным иммигрантам, которые не совершили тяжких преступлений.

Эвфемизм *undocumented people* позволяет избежать прямого наименования нелегальных иммигрантов, указывая лишь на отсутствие документов на право проживания в стране.

Таким образом, мы видим, что коммуникативная функция эвфемизмов реализуется посредством переименования того, что звучит слишком прямолинейно, а значит грубо, резко и оскорбительно. Эвфемизмы смягчают высказывание и помогают нейтрализовать коммуникативные неудачи.

Второй целью эвфемизации является необходимость засекретить свою деятельность от аутсайдеров, зашифровать сообщение, чтобы истинное значение было понятно только целевой аудитории. Примером, могут послужить эвфемизмы в военной сфере, например, *soskroash* - бомбардировщик F-117, или эвфемизмы для наименования наркоманов и наркотиков, например, *sunshine pill* - таблетка галлюциногена лсд (желтого или оранжевого цвета).

Наиболее интересной в контексте настоящего исследования представляется третья цель эвфемизации по Л. П. Крысину – это стремление завуалировать истинную суть фактов и событий, которые могут вызвать нежелательный общественный резонанс, негативную реакцию со стороны социума. Данная цель особенно часто реализуется в политическом контексте, и отражает манипулятивную функцию эвфемизации.

В некоторых случаях мотивом использования эвфемизмов может быть боязнь огласки неблагоприятной или антигуманной деятельности. Эвфемизации здесь подвергаются все лексические единицы, которые могут вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации. Приведем пример:

Оригинал : *Former US President George W Bush said the CIA had saved lives by using enhanced interrogation techniques to acquire information from suspects* (bbc.co.uk, 2014).

Перевод: Бывший президент США Джордж Буш заявил, что ЦРУ спасали жизни людей, применяя техники расширенного допроса, чтобы получить информацию у подозреваемых.

Эвфемизм *enhanced interrogative techniques* – техника расширенного допроса используется вместо прямого термина *torture* – пытка. Пытки запрещены законом, но если назвать пытки техникой расширенного допроса, то в сознании общества не

возникнет ассоциаций с агрессивными формами допроса. Манипулятивный эффект заключается как раз в том, чтобы не допустить массовых возмущений и негативного общественного резонанса.

Манипулятивную функцию эвфемизмов активно используют средства массовой информации, которые являются катализатором основных событий, происходящих в мире. Авторы общественно-политических статей прибегают к двусмысленности, искажению, камуфляжу информации для того, чтобы манипулировать общественным сознанием. С этой целью они обращаются к языковым средствам маскировки действительности, то есть используют эвфемизмы.

Манипулирование происходит за счет языкового воздействия, которое применяется для внедрения и навязывания человеку намерений и целей, не совпадающих с его собственными. Языковая манипуляция реализуется через осознанное употребление каких-либо лексических единиц, которые вызывают определенные ассоциации, коннотации, оттенки восприятия. Рассмотрим следующий пример:

Оригинал : *The arrest of Nigerian separatist leader Nnamdi Kanu has dealt a serious blow to his group, and could even spell the end of his movement* (bbc.co.uk, 2021).

Перевод: *Арест лидера нигерийских сепаратистов Ннамди Кану нанес серьезный удар по его группировке и, возможно, ознаменовал конец его движения.*

Эвфемизм *separatist* – сепаратист заменяет слово *terrorist* – террорист . В данном случае происходит подмена понятий, так как за счет положительной коннотации у целевой аудитории создается благоприятное мнение о человеке, ведущем справедливую борьбу, тогда как на самом деле за действием сепаратистов, как правило, стоит террор.

Следует отметить, что даже в тех случаях, когда эвфемизм употребляется с коммуникативной задачей нейтрализации чего-то неловкого или некультурного, может проявляться манипулятивный эффект за счет эмоционального воздействия на массовое сознание. Рассмотрим пример:

Оригинал : *Senior Tory figures are being economical with the truth by denying they offered election candidates jobs in exchange for not standing, a Brexit Party MEP has told Sky News* (news.sky.com, 2019).

Перевод: *Высокопоставленные тори экономят на правде, отрицая, что они предлагали кандидатам должности в обмен на отказ от участия в выборах, заявил каналу Sky News один из членов Европарламента от Партии Брексит.*

Эвфемизм *to be economical with the truth* – экономить на правде используется для обозначения денотата солгать . Выражение имеет деликатный характер, помогает избежать дискредитации и прямого обвинения во лжи, однако здесь мы наблюдаем попытку нейтрализации справедливого возмущения читателя относительно лжи политиков.

Из рассмотренных примеров видно, что эвфемизмы в политическом дискурсе употребляются в основном для номинации отрицательных явлений современного общества. Нельзя не признать, что они успешно нейтрализуют негативное отношение аудитории к таким явлениям. Объясняется это тем, что реципиент, встречая эвфемизм в политической контексте, не в состоянии сразу понять, что скрыто за эвфемистической заменой. Человек либо не имеет определенных знаний, для того чтобы выявить механизм замены, либо не заостряет свое внимание на эвфемизме, который скрыт в

общем потоке информации. Таким образом, воздействие на реципиента в политическом дискурсе оказывается имплицитно.

5. Заключение [Conclusion]

В данной работе рассмотрены теоретические основы эвфемизации как языкового явления, а также проведено исследование особенностей функционирования эвфемизмов в политическом дискурсе.

Подводя итоги, можно отметить с одной стороны положительную сторону эвфемизации, когда информация подается фильтрованной, без негативных коннотаций, а с другой стороны, нельзя игнорировать манипулятивную ориентацию эвфемизмов, когда вуалирование и искажение информации происходит с целью достижения определенных целей, скрытых для большинства людей.

В современном обществе, насыщенном идеями демократии, толерантности и политической корректности, эвфемизация играет значительную роль, так как помогает избежать конфликтов и излишней агрессии. Благодаря эвфемизмам не нарушаются этические, культурные, социальные нормы общества. Эвфемизация способствует выполнению коммуникативных задач, обеспечивая успех коммуникации, в том числе межкультурной.

В то же время эвфемизмы в политическом дискурсе часто выступают инструментом воздействия на массовое сознание, маскируя острые проблемы в мире и тем самым меняя отношение общественности к ним. Использование эвфемизмов в политической коммуникации может оказывать эмоциональное воздействие на людей и склонять их к определенным политическим решениям или к выработке определенного мнения.

В ходе исследования нами было установлено, что коммуникативная функция эвфемизмов, направленная на смягчение и нейтрализацию коммуникативных неудач, играет второстепенную роль. Подавляющее большинство рассмотренных эвфемизмов в политическом контексте выполняют манипулятивную функцию, которая проявляется в маскировке информации и воздействии на общественное мнение. И даже в тех случаях, когда политкорректное выражение употребляется непосредственно для замены грубой номинации, мы также можем наблюдать манипулятивный эффект.

Настоящее исследование представляет теоретическую и практическую значимость в силу определенного вклада, который оно вносит в изучение теории манипуляции общественным сознанием со стороны политической власти. Анализ способов реализации тактики эмоционального воздействия через эвфемизмы в политическом дискурсе позволяет выработать определенный иммунитет к попыткам манипуляции. Несомненно, дальнейшие исследования в этой области будут способствовать более глубокому пониманию прагматического потенциала эвфемизмов в политическом дискурсе.

Библиография

1. Ахманова, 1969 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Заботкина, 1989 – Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. – 128 с.
3. Крысин, 2004 – Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике.-М.: Языки славянских культур, 2004. С. 286.

4. Москвин, 1999 – Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1999. – 262 с.
5. Тер-Минасова, – 2000 Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация.-М.: Слово, 2000. – 624 с.
6. Warren, 1997 – Warren B. Euphemisms in Today's English. – NY., 1997. – 232 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвистических исследований касающихся эвфемизмов в массе критических источников достаточно много. Но ряд из них посвящен теории, ряд практическому применению, ряд – ситуативной раскладке, что, несомненно, интересно. Выбор предмета изучения, как показывает вся работа, сделан осмыслено, ибо целостно концепция функциональных особенностей эвфемизмов в политическом дискурсе сложилась. Как отмечается в начале данного труда, «феномен эвфемизации – явление не новое в лингвистике. Во всех языках всегда существовали темы, которые в силу определенных причин считались табуированными, запретными, сакральными, поэтому при обращении к ним использовались иносказания, завуалированные формы и смягчающие формулировки, то есть эвфемизмы». Показательно для работы использование унифицированных значений тех или иных терминов, это есть маркер научного стиля. Тезисы, положения, т.н. утверждения звучат объективно, бесспорно: например, «под эвфемизацией мы понимаем процесс замены недозволенного, грубого слова или выражения нейтральной языковой формой, которая не несет негативных коннотаций. Такой процесс этикетно-этического смягчения обуславливается необходимостью избежать неловких моментов, конфликтов в процессе общения и достичь выполнения коммуникативных задач». Иллюстративный базис ориентирован на англоязычный политический дискурс, в котором, «эвфемизмы активно используются в качестве орудия манипуляции и пропаганды определенных идей, оказывая эмоциональное воздействие на общество, побуждая народ к принятию тех или иных политических решений». Цели, задачи работы четко сформулированы, противоречий в данном блоке нет: «гипотеза нашего исследования заключается в том, что доминирующей функцией эвфемизмов в политическом дискурсе английских СМИ является манипуляция общественным мнением и маскировка информации. Мы полагаем, что коммуникативная функция смягчения и нейтрализации конфликта, которая изначально была основной коммуникативной задачей эвфемизации, отошла на второй план. Более того, уход от прямых и грубых номинаций в политическом контексте часто также имеет манипулятивный эффект». Работа очень «ровно» написана, автор следит за логикой оценки / анализа. Методологическая канва данного труда ориентирована на сплошную выборку, количественный анализ, контекстуальный анализ. Указанный спектр, на мой взгляд, позволяет дать оценку использования эвфемизмов максимально объемно и объективно. Текст дробится на т.н. смысловые блоки: введение, методы, литературный обзор, результаты... Последовательность частей позволяет потенциальному читателю следить за ходом разверстки авторской мысли, где-то соглашаться со сказанным, где-то вступать в конструктивный диалог. Ссылки / цитации оформлены правильно, строгая номинация вновь говорит о соблюдении научного стиля речи. Например, «в рамках стилистического подхода эвфемизмы рассматриваются как средства художественной выразительности, выполняющие эстетическую функцию. В словаре лингвистических терминов О. С.

Ахмановой эвфемизм толкуется как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова, 1969, с. 521]. Похожее определение дает В. И. Заботкина: «это тропы, основанные на непрямом, вежливом, смягчающем слове или словосочетании, употребленном в прагматических целях (вежливость, деликатность, благопристойность)». [Заботкина, 1989, с. 44]», или «эвфемизмы употребляются во многих сферах жизнедеятельности общества. Л. П. Крысин отмечает, что процесс смягчённого переименования осуществляется в двух основных областях – в бытовой и в социально-политической. В межличностных отношениях проявляется, прежде всего, «стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта». Эвфемизмы в социально-политическом контексте являются средством вуалирования и маскировки реальности, что обуславливается «общей лживостью системы и обслуживающего ее идеологического аппарата, боязнью огласки неблагоприятной или антигуманной деятельности» [Крысин, 2004, с. 262]» и т.д. Функциональные особенности эвфемизмов определяются с в ходе качественного анализа той или иной языковой ситуации: «на примере отобранных нами политических эвфемизмов рассмотрим их употребление в речевой ситуации, когда необходимо избежать коммуникативного дискомфорта: Оригинал : The European Union has used the Canary Islands boat people tragedy to create a new border patrol (news.sky.com, 2020). Перевод: Евросоюз воспользовался трагедией с лодкой нелегальных мигрантов возле Канарских островов, чтобы организовать новый пограничный пост (здесь и далее перевод наш. – К. С.)» и т.д. Примеров для иллюстраций, на мой взгляд, достаточно; хорошо, что материал заимствуется из общедоступных источников, это периодика, статьи, открытый диалог. Для поддержания связности текста, автор использует т.н. языковые скрепы, или промежуточные выводы: например, «таким образом, мы видим, что коммуникативная функция эвфемизмов реализуется посредством переименования того, что звучит слишком прямолинейно, а значит грубо, резко и оскорбительно. Эвфемизмы смягчают высказывание и помогают нейтрализовать коммуникативные неудачи», или «следует отметить, что даже в тех случаях, когда эвфемизм употребляется с коммуникативной задачей нейтрализации чего-то неловкого или некультурного, может проявляться манипулятивный эффект за счет эмоционального воздействия на массовое сознание» и т.д. По факту цель исследования достигнута, поставленный спектр задач решен; работа интересна, оригинальна, практически применима. В финальном блоке отмечено, что «в ходе исследования нами было установлено, что коммуникативная функция эвфемизмов, направленная на смягчение и нейтрализацию коммуникативных неудач, играет второстепенную роль. Подавляющее большинство рассмотренных эвфемизмов в политическом контексте выполняют манипулятивную функцию, которая проявляется в маскировке информации и воздействии на общественное мнение. И даже в тех случаях, когда политкорректное выражение употребляется непосредственно для замены грубой номинации, мы также можем наблюдать манипулятивный эффект». Примечательно, что автор создает ситуацию пролонгации изучения данной темы, думаю, что это правильно как в научном плане, так и индивидуально-авторском режиме. Рекомендую статью «Функциональные особенности эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД "Nota Bene".

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сы Х. — Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова //

Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40597 EDN: SKSDUY URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40597

Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова

Сы Хунфэн

аспирант, кафедра русского языка, Южный федеральный университет

344010, Россия, Ростовская область, г. Ростов На Дону, ул. Зорге, 21

✉ jerry_on_don@qq.com

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40597

EDN:

SKSDUY

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2023

Дата публикации:

29-04-2023

Аннотация: В статье представлен анализ способов представления внутренней речи в повестях и рассказах А.П. Чехова, изображающих семейную коммуникацию героев. Цель данного исследования заключается в изучении вводящих внутреннюю речь глагольных лексем с общим значением речевой деятельности, их семантики и функций в изображении речи как составляющей семейного общения в рассказах зрелого периода творчества А.П. Чехова. В основе исследования принципы и основные положения структурно-семантического и функционального подхода; теории концептуализации и языковой репрезентации; теории лингвокультурологии; теории художественного текста и дискурса, а также теоретические основы семейной коммуникации. В ходе исследования было установлено, что основным приемом, используемым Чеховым для передачи внутренней речи, является несобственно-прямая речь, которая служит для объединения и интерференции модусов автора и персонажа во внутренней речи героя. В тех чеховских текстах, где повествование идет от первого лица, в большинстве случаев используются глаголы, передающие внешнюю речь в диалогической семейной коммуникации. Внутренняя речь в данных рассказах не является типичной и встречается

редко. Большинство прототипических глаголов (сказать, говорить) имеют квалификаторы, передающие эмоциональное, психологическое состояние или физическое положение героя во внутрениречевой ситуации.

Ключевые слова:

внутренняя речь, несобственно-прямая речь, коммуникация, семья, рассказы, теория языковой репрезентации, передачи внутренней речи, глагол речи, текст в тексте, диалог глухих

Основной работой, посвященной проблемам коммуникации у А.П. Чехова, является монография А.Д. Степанова, в которой в свете теории речевых жанров рассматривается изображенная коммуникация, «слово героев» [\[5, с. 37\]](#). Ученый замечает, что наибольший интерес «представляют внутренне диалогизированные тексты, в которых (особенно в так называемый "объективный" повествовательный период (см. 11. С. 61-87) осуществляется интерференция слова героя и повествователя, как это происходит у позднего Чехова» [\[5, с. 37\]](#).

Внутренняя речь изображается в прозаических произведениях с помощью разных репрезентологических единиц: прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Особое место в ряду способов передачи чужой речи занимает несобственно-прямая речь. О.А. Прохвятилова указывает, что «несобственно-прямая речь – это особая форма передачи чужого слова в художественном тексте.» [\[4, с.121\]](#). В качестве примера можно привести эпизод из повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Михаил, главный герой повести, без лишних слов, очень чутко понимает суть и причины душевных переживаний Маши:

*«А Маша все время глядела так, будто очнулась от забытья и теперь удивлялась, **как это она, такая умная, воспитанная, такая опрятная могла попасть в этот жалкий провинциальный пустырь ...**»* [\[9, с. 203\]](#)

Это выражение в несобственно-прямой речи того, что творится в Машинной душе, одновременно прочитывается как испарение любви. Введенная автором несобственно-прямая речь является средством переключения нарратива в план персонажной экзистенции. И это «соотносится с особой художественной манерой писателя и его установкой на объективный тип повествования, в котором устранена субъективность повествователя и господствует точка зрения и слово героя» [\[2, с.67\]](#). Чехов использует несобственно-прямую речь для достижения диалогичности, чтобы преодолеть разрыв между авторской монологичностью и зависимостью персонажа, эстетически ограниченного авторской объективацией вымышленного нарратива. Это создает экзистенциальную сцену для полноценного диалога как автора и персонажа, так и читателя, которого приглашают присоединиться к ним. Таким образом, Чехов умышленно вкладывает множественные толкования, которые пропорциональны качеству произведения. В том числе и феномен подготовленного читателя, который может расшифровать сложный контекст, также является неотъемлемой частью данного подхода. Некоторые читатели, которые не обладают достаточным опытом и знаниями, могут увидеть в произведении просто банальность, соответствующую канонам жанра массовой культуры. В то же время более опытные читатели могут увидеть за поверхностью жанровых элементов глубинную уникальность авторского смысла. Чехов продвигает плюрализм трактовки текста, который проистекает из принципа «текст в тексте».

Суть принципа «текст в тексте» заключается в том, что происходит разрыв между реальностью и её авторским отображением в тексте, а следовательно и персональной картиной мира. В то же время данное противопоставление содержит идею о преодолении разрыва между субъектной позицией автора, отделенного от реальности, и окружающим миром. В заключительной части повествования автор через Машу Должикову выражает свою собственную позицию: *«Искусство дает крылья и уносит далеко-далеко!»* [\[9, с. 259\]](#).

В этом высказывании сокровенная вера Чехова-художника, его символ веры за пределами всех политических теорий, мировоззренческих конструкций, научных концепций. В этом смысле можно говорить, что Чехов стоит на позициях «диалогичности», «полифоничности», «децентрации авторской монополии», которые сохраняют в значительной степени оценочный, метафорический оттенок.

Чеховская поэтика не пропагандирует субъективность «я», которая отрицает возможность образования единого «мы». Чехов верит, что путь к решению этой дилеммы лежит в открытии реальности, где «я» и «другой» могут сливаться в единое «мы» на основе любви. В этом смысле чеховский подход характеризуется отказом от явной вымышленности и излишней изысканности в пользу автобиографичности, практически документальной точности в отображении реальности, включения деталей повседневности и обыденной разговорной речи.

Таким образом, в чеховском повествовании функция косвенной речи заключается в том, чтобы создать контраст между автором и персонажем и в то же время дать автору возможность активно участвовать в жизни персонажа. Чехов не претендует на тотальный этический авторитет и не навязывает свою окончательную точку зрения. Использование несобственно-прямой речи позволяет ему преодолеть разрыв между доминированием авторской этической монологичности и зависимостью персонажа. В результате создается лишенная драматической рамочности уникальная экзистенциальная сцена, на которой автор и персонаж могут вести полноценный диалог, к которому подключается и читатель.

Существует три основных формы проявления интраперсонального общения. Внутренний монолог, который представляет собой однонаправленное общение индивидуума с самим собой. Последовательность взаимосвязанных высказываний, порождаемых говорящим и воспринимаемых им же – внутренний диалог. Короткие же и невзаимосвязанные высказывания, которые встречаются в неречевых ситуациях или являются внутренним комментарием к воспринимаемой внешней речи или реакцией на предшествующую ситуацию, называются простым внутренним реплицированием. Например:

«- Итак, господа, что же мы сделаем? – спросил я, выждав паузу

- Да, да... - забормотал Иван Иванович. – Так, так, так...

«Ну с этой слякотною развалиной каши не сваришь», - подумал я и почувствовал раздражение» [\[7, с. 464\]](#).

В данном фрагменте произведения герой реагирует на слова собеседника, и его критика речевого поведения становится центральной темой внутреннего реплицирования в прямой речи.

Понятие внутренней речи относится к различным формам речевых процессов, которые происходят в уме персонажа в художественном произведении и не предназначены для коммуникации с реальным собеседником. Существует несколько форм, как можно представить внутреннюю речь, которые связаны с системой репрезентологических

единиц. В эту систему входят прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Внутренняя речь персонажей характеризует собой то, что происходит в их умах и передается читателю в литературном произведении с помощью разнообразных приемов. Она является результатом трансформации, которая позволяет иллюстрировать психологическую природу персонажей и описать их мысли и чувства.

В создании психологической прозы внутренняя речь персонажей получила свой языковой стиль и стала отдельным элементом, отличным от речи автора. В литературном произведении автор может выбирать явный или более скрытый способ представлять внутреннюю речь персонажей.

Первый способ представления внутренней речи персонажей в произведении не требует использования специальной языковой техники. Второй способ заключается в использовании специальных приемов, которые позволяют автору представить мышление своих персонажей в реалистичной манере.

Внутренняя речь в художественных произведениях отличается от внешней речи некоторыми признаками. Чтобы указать на то, что персонажи начинают думать или говорить «про себя», в предложениях используются лексические единицы, такие как глаголы, имена существительные, которые указывают на то, что персонажи заняты мыслительными процессами. Эти лексические единицы не только переводят повествование в субъективный план, но и устанавливают связь между внутренней речью персонажа и повествованием. Они помогают читателю войти во внутренний мир героя и показать, что происходит «внутри» него. Все это осуществляется через интроспективный показ действующего лица.

Типичными лексическими единицами, вводящими внутреннюю речь персонажей в рассказах А.П. Чехова позднего периода, являются глаголы или устойчивые сочетания со значением мысли/чувства: *подумал (думал), убеждал себя, говорил себе, стала думать, в воображении* и т.п.

Также в авторском повествовании от третьего лица используются конструкции, построенные по модели «*казалось, что*» и «*старалась (старался) понять, что.. .*», где внутренняя речь персонажа представлена в объективированном авторском нарративе. «*Петру Михайлычу показалось нелепым, что тетка вмешивается в чужие дела и свой отъезд ставит в зависимость от того, что ушла Зина*» [\[8, с. 57\]](#)

Заметим, что не в каждом рассказе автор вводит внутреннюю речь персонажей, так как иногда не требуется выделять образ речи в качестве элемента характеристики персонажа. Например, в рассказах «В усадьбе» и «Попрыгунья» писатель практически не использует внутреннюю речь, но все же выражает мысли, чувства или действия персонажей через описание ситуаций, что предполагает подразумеваемую речь героя. Например: «*Было стыдно. Раздевшись, он поглядел на свои длинные жилистые старческие ноги и вспомнил, что в уезде его прозвали жабой и что после всякого длинного разговора ему бывало стыдно...*» [\[8, с. 340\]](#)

Общение героини и ее мужа в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» можно охарактеризовать как «диалог глухих». Особенно чётко это прослеживается в эпизоде финального разговора, когда Дымов подозревает жену в измене. Опасаясь того, что жена покинет его, герой боится открыто обвинить ее. Героиня не способна понять истинные чувства своего мужа, счастливо рассказывающего об успешной защите своей диссертации. Однако во время разговора с Рябовским она понимает все, хотя в речи

художника было большое количество непонятных обывателю слов: **«чем он непонятнее говорил, тем легче Ольга Ивановна его понимала»**. В чем же причина, того, что Ольга Ивановна с полуслова понимает любовника, но совершенно не может найти общий язык с собственным мужем? Очевидно, причина в том, что героиня любит художника и доверяет ему.

Именно через внутреннюю речь Ольги Ивановны мы понимаем, насколько ущербно положение дел в семье Дымовых, что также относится и к роману героини с Рябовским: никто из героев не уверен до конца в своих чувствах и мыслях. Внутренняя речь героини в финале рассказа заменяется молчанием, потому что внешняя речь неискренна, она еще более отдаляет близких людей. «В чеховском рассказе общение Ольги Ивановны с мужем после ее измены являет собой сплошной обман» [\[1, с. 147\]](#).

В повествовании от первого лица внутренняя речь не часто встречается или отсутствует вовсе, поскольку повествующий является одновременно и рассказчиком, и героем, как, например, в рассказе «Страх». Автор не называет персонажа, от имени которого ведется повествование, хотя в подзаголовке «Рассказ моего приятеля» есть намек на связь автора и героя. Взаимоотношения героя с Дмитрием Петровичем характеризуются как дружеские, на лексеме «дружба», «друг» настаивают и муж, и жена. Тем не менее, сам рассказчик отрицает такие близкие связи с супругами, поскольку влюблен в Марию Сергеевну. Жизненное кредо героя проявляется в его внутренней речи, которая возникает в ответ на реплики второстепенного персонажа, известного под прозвищем Сорок Мучеников:

*«Жизнь, по его мнению, страшна, – **думал я**, – так не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можешь урвать от нее».*

*На террасе стояла Мария Сергеевна. Я **молча обнял ее** и стал жадно целовать ее брови, виски, шею...*» [8 с.137].

В тексте проявляется связь между невербальным поведением героя и его внутренней речью. Хотя он чувствует неловкость в отношениях с мужем и Марией Сергеевной, герой не признается в своих чувствах и молча «берет» женщину, действуя под влиянием животных инстинктов.

Типичным способом введения внутренней речи в рассказах А.П. Чехова можно назвать сочетание прямой и несобственно-прямой речи. Такие фрагменты текста могут включать в себя передачу внутреннего диалога через косвенную речь, где иницирующие реплики идут в несобственно-прямой речи, продолжение – в прямой речи, а финальная реплика – вновь в несобственно-прямой речи, например: «... и все время **думал о том, что это невыносимое состояние не может продолжаться вечно и что надо его так или иначе кончить**.

«Но как же? Что же сделать?» - спрашивал он себя и умоляюще поглядывал на небо и на деревья. Как бы прося у них помощи. [\[8, с 54-55\]](#).

В несобственно-прямом дискурсе, о котором пишет Е.А. Попова, «повествователь делает доступным для читателя самые сокровенные мысли и чувства своих героев» [\[3, с. 15\]](#).

В рассказе А.П. Чехова «Именины» преобладают внутренние монологи и диалоги, а также внутренние реплики-реакции главной героини Ольги Михайловны на высказывания других персонажей, прежде всего ее мужа Петра Дмитрича.

Все это вызвано основополагающей задачей автора: продемонстрировать читателю «честную» натуру, которая бы выступала противоположностью «лживой» сущности человека. В тексте преобладают глаголы и отглагольные существительные, относящиеся к тематической группе «интеллектуальная деятельность»: *стала думать, воображение, подумала, думала* и под.

Вывод о том эмоциональном состоянии, в котором пребывает героиня во время разговора с Дымовым, можно сделать, обратившись к тем лексемам, которыми характеризуется ее речь: *бормотала, недоумевала, ужаснулась, возмутилась* и под. Семантика глаголов, вводящих внутреннюю речь, предстает маркером скандала в семейных отношениях. По определению Игоря Сухих, «скандал – нарушение обыденной, естественной логики, правил хорошего тона, однако, в свою очередь подчиняющееся другим нормам и тем самым становящееся культурным стереотипом и речевым жанром» [6, с. 255].

Муж героини, Петр Дмитрич, не обладает внутренней речью, и его реплики звучат так, словно он играет роль. Даже в отношении жены он выступает риторически. Трагический конец истории приводит к внутренним изменениям героя. Он хотел что-то сказать, но не мог, его страдания свидетельствуют о любви к Ольге Михайловне.

Автор использует внутреннюю речь персонажей и отсутствие её, чтобы выразить свою оценку и отношение к героям. В рассказе «В усадьбе» Чехов лишает главного героя, Павла Ильича Рашевича, внутренней речи, что говорит о его некоммуникабельности и непонимании близких: «Ему самому **хотелось говорить**. Если при нем говорили другие, то он испытывал чувство, похожее на ревность » [8, с. 338]. Чтобы охарактеризовать персонажа, Чехов использует глаголы, относящиеся к семантическому полю «речевая деятельность», а также прибегает к эмоционально-оценочным квалификаторам: *говорил, продолжал, проговорил он радостно тонким голосом* и под.

В свою очередь, изменения во внутреннем состоянии персонажа, проявившем грубость по отношению к собеседнику, автор показывает, вводя невербальные маркеры: *«бормотал Рашевич, отплевываясь; ему было неловко и противно, как будто он поел мыла»; «вздыхал он, лежа под одеялом»*; Персонаж лишен внутренней речи, но тем не менее авторская позиция ясна: на искренние чувства способен каждый человек.

Заключение

А.П. Чехов использует разнообразные способы передачи внутренней речи в своих рассказах, но основным является несобственно-прямая речь, которая предстает как во внутренних монологах и диалогах персонажей, так и в простом реплицировании. Этот тип речи характерен для повестей и рассказов писателя, в которых повествование ведется от третьего лица, где граница между планом автора и персонажа размыта, что требует объединения и интерференции модусов во внутренней речи героя. Типичными лексемами, вводящими внутреннюю речь персонажей в рассказах А.П. Чехова позднего периода являются глаголы или устойчивые сочетания со значением мысли/чувства:: *подумал (думал), недоумевал, спрашивал себя в отчаянии, убеждал себя, говорил себе, стала думать, в воображении, мелькнуло в ее мыслях* и т.п.

В тех чеховских текстах, где повествование идет от первого лица, в большинстве случаев используются глаголы, передающие внешнюю речь в диалогической семейной коммуникации. Внутренняя речь в данных рассказах не является типичной и встречается редко. Единичны глаголы, характеризующие речевую деятельность: *бормотать и шептать*

, а также глагол лексико-семантической группы звучания – *кричать*. Большинство прототипических глаголов (*сказать, говорить*) имеют квалификаторы, передающие эмоциональное, психологическое состояние или физическое положение героя во внутрениречевой ситуации.

Библиография

1. Коростова С.В., Сы Хунфэн Особенности речевого поведения персонажей рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья» // Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции «Речь. Речевая деятельность. Текст», посвященной памяти профессора Галины Геннадиевны Инфантовой / под ред. Н.А. Сениной Таганрог. 2020, с. 142-149
2. Онипенко Н.К. Объяснительные возможности лингвистического анализа прозы А.П. Чехова. / Н.К.Онипенко. // Гуманитарная парадигма, 2020. №3 (14). С.67-С.85 URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/obyasnitelnye-vozmozhnosti-lingvisticheskogo-analiza-prozy-a-p-chehova> (Дата обращения: 29.03.2022).
3. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы. В 2 частях. Часть 2. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. – 283 с.
4. Прохвятилова О.А., Фотина Н.Э. Специфика средств внутренней диалогичности в прозе А. П. Чехова 1888-1894 гг. /О.А. Прохвятилова, Н.Э Фокина. // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2016, №2. С120-С128. URL: : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sredstv-vnutrenney-dialogichnosti-v-proze-a-p-chehova-1888-1894-gg> (Дата обращения: 29.03.2022).
5. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М : Языки славянской культуры, 2005. – 400с . – (Studia philologica).
6. Сухих И. Два скандала: Достоевский и Чехов // Семиотика скандала. Сборник статей. Редактор-составитель Нора Букс. Москва. Издательство «Европа», 2008. С.254-260.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7., М, 1978.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.8 М., 1978.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.9, М., 1978.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 томах, Т.
11. Письма 1877-1892. – М., 1963. 11.Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971 – 291с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой работы является специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова. Указанная проблема, на мой взгляд, актуальна, ибо работ тематически-смежного характера не так много. Следовательно, выбор темы оправдан, концептуальная составляющая налична. Работа имеет ярко выраженный научный характер, аналитическая составляющая превалирует в данном сочинении: например, «внутренняя речь изображается в прозаических произведениях с помощью разных репрезентологических единиц: прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Особое место в ряду способов передачи чужой речи

занимает несобственно-прямая речь. О.А. Прохвятилова указывает, что «несобственно-прямая речь – это особая форма передачи чужого слова в художественном тексте». В качестве примера можно привести эпизод из повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Михаил, главный герой повести, без лишних слов, очень чутко понимает суть и причины душевных переживаний Маши...», или «суть принципа «текст в тексте» заключается в том, что происходит разрыв между реальностью и её авторским отображением в тексте, а следовательно и персональной картиной мира. В то же время данное противопоставление содержит идею о преодолении разрыва между субъектной позицией автора, отделенного от реальности, и окружающим миром. В заключительной части повествования автор через Машу Должикову выражает свою собственную позицию: «Искусство дает крылья и уносит далеко-далеко!», или «понятие внутренней речи относится к различным формам речевых процессов, которые происходят в уме персонажа в художественном произведении и не предназначены для коммуникации с реальным собеседником. Существует несколько форм, как можно представить внутреннюю речь, которые связаны с системой репрезентологических единиц. В эту систему входят прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Внутренняя речь персонажей характеризует собой то, что происходит в их умах и передается читателю в литературном произведении с помощью разнообразных приемов. Она является результатом трансформации, которая позволяет иллюстрировать психологическую природу персонажей и описать их мысли и чувства» и т.д. Работа аналитически выверена, терминологически точна, внутренняя логика исследования объективирована. Отмечу, что новизной данной статьи является беспринципный ориентир на языковую огранку текстов А.П. Чехова, точечный анализ внутренней речи персонажей с акцентом на правомерность и значимость высказываемых конструкций. Анализ языковых магистралей типологически достоверен, объективен, правомерен: например, это проявляется в следующих блоках: «первый способ представления внутренней речи персонажей в произведении не требует использования специальной языковой техники. Второй способ заключается в использовании специальных приемов, которые позволяют автору представить мышление своих персонажей в реалистичной манере», или «заметим, что не в каждом рассказе автор вводит внутреннюю речь персонажей, так как иногда не требуется выделять образ речи в качестве элемента характеристики персонажа. Например, в рассказах «В усадьбе» и «Попрыгунья» писатель практически не использует внутреннюю речь, но все же выражает мысли, чувства или действия персонажей через описание ситуаций, что предполагает подразумеваемую речь героя. Например: «Было стыдно. Раздевшись, он поглядел на свои длинные жилистые старческие ноги и вспомнил, что в уезде его прозвали жабой и что после всякого длинного разговора ему бывало стыдно...», или «вывод о том эмоциональном состоянии, в котором пребывает героиня во время разговора с Дымовым, можно сделать, обратившись к тем лексемам, которыми характеризуется ее речь: бормотала, недоумевала, ужаснулась, возмутилась и под. Семантика глаголов, вводящих внутреннюю речь, предстает маркером скандала в семейных отношениях. По определению Игоря Сухих, «скандал – нарушение обыденной, естественной логики, правил хорошего тона, однако, в свою очередь подчиняющееся другим нормам и тем самым становящееся культурным стереотипом и речевым жанром» и т.д. Целевая составляющая работы достигнута, поставленный спектр задач решен; материал, на мой взгляд, можно использовать при изучении творчества А.П. Чехова, специфики поэтики художественных текстов. Работа целостна, оригинальна, интересна, серьезная правка текста излишня. Финальный блок включает мысль, что «А.П. Чехов использует разнообразные способы передачи внутренней речи в своих рассказах, но основным является несобственно-прямая речь, которая предстает как во внутренних монологах и

диалогах персонажей, так и в простом реплицировании. Этот тип речи характерен для повестей и рассказов писателя, в которых повествование ведется от третьего лица, где граница между планом автора и персонажа размыта, что требует объединения и интерференции модусов во внутренней речи героя. Типичными лексемами, вводящими внутреннюю речь персонажей в рассказах А.П. Чехова позднего периода являются глаголы или устойчивые сочетания со значением мысли/чувства:: подумал (думал), недоумевал, спрашивал себя в отчаянии, убеждал себя, говорил себе, стала думать, в воображении, мелькнуло в ее мыслях и т.п.» и т.д. Считаю, то материал практически оправдан, основной ценз требований издания учтен. Статья «Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Исаева Л.Ф. — Вербальная представленность центральных концептуальных признаков мужской верности в немецких и русских художественных текстах // Филология: научные исследования. — 2023. — № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40603 EDN: VJJNTF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40603

Вербальная представленность центральных концептуальных признаков мужской верности в немецких и русских художественных текстах

Исаева Лейла Фархадовна

аспирант, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5Б

✉ isaley22@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40603

EDN:

VJJNTF

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2023

Аннотация: Целью статьи является выявление и установление общих и отличительных центральных признаков концепта Мужская верность на материале немецких и русских художественных текстов первой половины XX века. Объектом исследования выступают лексемы, представляющие ценностную отображенность лингвокультурного концепта Мужская верность в русском и немецком языках. Предметом предлагаемого исследования выступает лексико-семантическая экспликация понятийного компонента концепта "мужская верность" в немецких и русских художественных текстах, направления реализма в первой половине двадцатого века. В исследовании применялись такие методы как: дефиниционный анализ, компонентный анализ, сопоставительный метод, а также приём количественных подсчетов. В работе в качестве научной новизны предлагается впервые изучить вербализацию понятийного компонента концепта "мужская верность" на материале художественных текстов в сопоставительном аспекте. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что понятийный компонент концепта может быть вербально репрезентирован в виде специфических центральных признаков исследуемого концепта. Также в результате проведенного исследования было установлено присутствие одного общего центрального признака концепта Мужская верность, а именно: верность профессии. Однако имеются и

отличительные признаки. В немецких художественных текстах – постоянство в выбранном стиле одежды, а в русских художественных текстах – преданность своим идеям, постоянство в благородном поведении мужчин, практичность, как проявление постоянства поведения мужчины.

Ключевые слова:

концепт, верность, немецкий язык, русский язык, художественные тексты, центр концепта, синоним, вербализация, сравнительная типология, лексема, анализ

Актуальность данной работы обусловлена тем, что гендерный фактор в лингвистических исследованиях является сравнительно новым направлением, анализ концепта «верность» в гендерном аспекте малоизучен в сопоставительном языкознании.

Объектом данной работы выступает репрезентация концепта «верность» в гендерном аспекте на материале немецких и русских художественных текстов.

Предмет исследования – это лексико-семантическая репрезентация понятийного компонента изучаемого концепта в виде мужской верности в анализируемых текстах в сопоставительном аспекте.

Цель работы – выяснение сходств и различий вербализации понятийного компонента концепта верность, как мужской верности, в немецких и русских художественных текстах.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить **следующие задачи:**

- 1) анализировать имеющиеся подходы к изучению вербализации концептов с учетом гендерного фактора в сопоставительном аспекте на материале родственных языков;
- 2) установить концептуальные признаки в гендерном аспекте мужской верности центра изучаемого концепта в немецких и русских художественных текстах;
- 3) сопоставить и выяснить специфику отображения концептуальных признаков, составляющих центр изучаемого концепта на материале анализируемых текстов.

В современных лингвистических работах особое внимание уделяется антропологическому аспекту функционирования языка, когда осуществляется реализация учета гендерного фактора при сопоставлении языков. Гендерный подход в языкознании подразумевает значимость культурных, социальных, психологических особенностей индивидов, когда берется во внимание разница в статусах женщины и мужчины в разных сферах жизни.

В когнитивном аспекте становится возможным выяснение гендерных особенностей проявлений поведения человека, связанных с культурными традициями носителей того или иного языка. В этом случае гендерный фактор рассматривается в преломлении лингвокультурологии, так как язык и культура тесно взаимосвязаны. Отсюда становится понятным употребление и пояснение в лингвистических работах такого термина, как гендерный стереотип, под которым подразумевается сформировавшийся с течением времени определенное правило поведения мужчин и женщин той или иной лингвокультуры. Гендерные стереотипы репрезентированы в языке.

Лингвокультурологические исследования направлены на выявление специфических

национальных стереотипов фемининности и маскулинности, их репрезентативных особенностей. Выявление гендерной идентичности анализируется на материале текстов художественного дискурса.

Однако пол не является определяющим фактором общения. В некоторых ситуациях речевого общения влияние пола проявляется в приоритетности проявления способов речевого поведения. Важную роль в формировании представлений о мужественности и женственности пола играют культурные особенности. Несмотря на очевидные различия в восприятии мужественности и женственности у разных народов, эти понятия существуют во всех культурах, они одновременно универсальны и специфичны.

Анализируемый в данной работе концепт *Верность* является лингвокультурным концептом, так как обладает всеми характеристиками концептов подобного вида, а именно целостностью, ментальной природой, условностью, размытостью, ценностью, изменчивостью [1]. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. По признаку актуальности концепты относят к ведущим и второстепенным. Ведущими являются концепты, которые широко представлены в фольклоре, художественной литературе. Второстепенные концепты менее актуальны, их репрезентанты менее частотны [2-11]. Поэтому концепт *Верность* можно отнести к ведущим концептам немецкого и русского языкового сознания. Несомненный научный интерес вызовет исследование репрезентации данного концепта с позиций гендерной лингвистики. Считаем необходимым выяснить представленность центральных признаков этого концепта при вербализации понятия *Мужской верности*. В этом случае предлагаем понимать мужскую верность, как часть концепта *Верность*.

Целесообразно отметить, что в немецком языке понятийный компонент концепта *верность* может быть представлен ядерной лексемой *die Treue* и соответствующими ей синонимами и антонимами. Согласно данным словарей [12-14], эта лексема обладает следующими ядерными признаками:

- **общее понимание верности**
- **супружеская верность, верность в любви**
- **верность при соблюдении обязательств**
- **верность в дружбе**
- **религиозная верность**

Обращение к словарям синонимов показало, что у данной лексики имеет место большой синонимический ряд, способный передавать разные оттенки значения, эксплицирующие понятийный компонент исследуемого концепта в немецком языке. Следует отметить тот факт, что в немецком языке имеется объемный список синонимов ядерной лексики *die Treue*:

- Adhärenz,
- Anhänglichkeit,
- Beständigkeit,
- Ergebenheit,
- Gunst,

- Hingabe,
- Identifikation,
- Loyalität,
- Zuverlässigkeit.

Все синонимы были распределены нами согласно их значениям в тематические группы, способные передать то или иное значение. Среди этих синонимов имеют место лексемы, способные передать значения, близкие значениям ядерной лексики *die Treue*. Это *Ergebenheit, Loyalität, Zuverlässigkeit*. Они выражают значение *преданность, надежность*.

В немецких художественных текстах встретилась из этого списка только лексема *die Ergebenheit*. Обратимся конкретно к анализу примеров с целью выяснения понимания Мужской верности у носителей немецкого языка этого временного периода.

- «Hiernach oblag es ihm, dem alten Herrn Buck einen Besuch zu machen und sein biederemännisches und schönggeistiges Gerede mit **Ergebenheit** anzuhören. » [\[15\]](#)
- «Herr Permaneder, dessen grünes Hütchen mit dem Gamsbart in die Stirn geglitten war, stand dicht bei ihr und beteiligte sich hie und da vermittelst seines Spazierstockes an dem Umgraben des Beetes. Auch er ließ den Kopf hängen; aber seine kleinen, hellblauen, verquollenen Augen, die ganz blank geworden und sogar ein wenig gerötet waren, blickten von unten herauf mit einem Gemisch von **Ergebenheit**, Betrübtheit und Spannung zu ihr empor, und mit ebendemselben Ausdruck überhing der ausgefranste Schnauzbart seinen Mund . . . » [\[16\]](#)

В этом случае имеет место такое понимание верности мужчинами как преданность своим делам непоказного характера. Проанализируем следующий пример.

- «Schon von weitem vollführte er mit seinem großen, hellgrauen Hut eine Gebärde der **Ergebenheit**. . . »

В данном контексте мужчины считают важным проявлять верность одежде, выбранному ими определенному стилю.

Следовательно, в немецких художественных текстах первой половины XX века мужская верность, как составная часть концепта *верность*, проявляет такие центральные признаки концепта как:

- Преданность своему делу
- Верность выбранному стилю одежды.

Рассмотрим аналогичным образом центральные признаки концепта *Верность* через призму понятия *Мужская верность*, через их репрезентацию в русских художественных текстах XX века. Отметим, что ядерной лексемой этого концепта в русском языке выступает лексема *верность*. Эта лексема, по данным толковых словарей [\[17-19\]](#), обладает следующими значениями:

- стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга;

- уверенность, убеждение, твердое осознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных;
- полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле;
- надежность, точность, исправность, достоверность, правдивость, истина.

К числу синонимов ядерной лексики *верность* относятся следующие слова:

1. Постоянство
2. Неизменность
3. Точность
4. Исправность
5. Аккуратность
6. Доподлинность
7. Лояльность
8. Преданность
9. Приверженность
10. Выдержка
11. Твердость
12. Непоколебимость
13. Рачение
14. Честность
15. Добросовестность
16. Безошибочность
17. Бесспорность
18. Достоверность
19. Истинность
20. Любовь
21. Надежность
22. Непогрешимость
23. Несомненность
24. Очевидность
25. Правильность
26. Правоверность

27. Правота

28. Самоочевидность

29. Справедливость

Выяснив состав значений перечисленных выше синонимов был составлен список тех лексем, которые близки своими значениями значениям ядерной лексики *верность*. В нашей работе эти синонимы образуют центр исследуемого концепта:

1. Постоянство

2. Неизменность

3. Точность

4. Исправность

5. Аккуратность

6. Доподлинность

7. Лояльность

8. Преданность

9. Приверженность.

Отсюда центральными признаками концепта *Верность* на базе словарей являются:

- *стойкость,*
- *неизменность,*
- *преданность,*
- *твёрдость,*
- *правдивость,*
- *надежность,*
- *точность,*
- *исправность,*
- *достоверность,*
- *истина.*

Обратимся к русским художественным текстам первой половины XX века, выяснив представленность в них центральных признаков концепта *Мужская верность*. В них находят свое применение такие синонимы ядерной лексики, как *преданность, неизменность, точность*, демонстрирующие перечисленные выше признаки концепта. Осуществим анализ примеров, в которых, однако, употребляются не указанные существительные, а образованные от них прилагательные: *преданный, неизменный*, наречие *неизменно*. Что касается существительного *точность*, то оно находит свое применение в этих текстах.

Проанализируем случаи использования прилагательного *преданный* :

«*Саня Григорьев как мужественный и храбрый человек, как боец, беззаветно **преданный** высокой идее, мог сформироваться только в наших условиях, и это превосходно показано в романе.*» [\[20\]](#)

В этом контексте выделяется такой центральный признак *Мужской верности* , как преданность своим идеям. Преданность сочетается с такими чертами проявления мужского характера, как храбрость и мужество.

Остановимся подробно на анализе примеров использования лексики *неизменный* :

«С **неизменной** симпатией я следил за его судьбой, так же как он, кажется, следил за моею. Я знал, что он ушёл из училища Фрунзе, командовал гидрографическим судном, работал в Гидрографическом управлении наркомата ВМФ.» [\[20\]](#)

В этом случае имеет место репрезентация центрального признака *Мужской верности* , как верность своей профессии, выбранному делу, которая воспринимается мужчинами позитивно.

Как указано было выше, в текстах употребляется наречие *неизменно* :

«*в моменты кризиса не терял самообладание и брызжущих из него сил, ирония у него неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не коробили.*» [\[21\]](#)

Согласно примеру, *Мужская верность* подразумевает постоянство в благородном поведении мужчин, сочетающийся с мужской силой.

Существительное *точность* способно отобразить своей семантикой центральный признак *Мужской верности* в анализируемых текстах:

«*К чему такая **точность**? Ну, так и быть — пятьдесят процентов. Половина — ваша, половина — моя. Торг продолжался. Остап уступил еще. Он, из уважения к личности Воробьянинова, соглашался работать из сорока процентов.*»

Как показывает пример, центральным признаком *Мужской верности* здесь выступает точность, практичность, как проявление постоянства поведения мужчины.

Соответственно, в русских художественных текстах первой половины XX века к разряду центральных признаков концепта *Мужская верность* можно отнести такие признаки, как:

- преданность своим идеям,
- верность своей профессии,
- постоянство в благородном поведении мужчин,
- практичность, как проявление постоянства поведения мужчины.

Считаем целесообразным осуществить сопоставительный анализ выявленных нами центральных признаков концепта *Мужская верность* на материале немецких и русских художественных текстов первой половины XX века. Полученные результаты можно осветить в виде сводной таблицы.

Сводная таблица. Центральные признаки концепта *Мужская верность*,

репрезентированные в немецких и русских художественных текстах первой половины XX века

Центральные признаки концепта Мужская верность	Немецкие художественные тексты	Русские художественные тексты
· Преданность своему делу, профессии	+	+
· Верность выбранному стилю одежды	+	-
· Преданность своим идеям	-	+
· Постоянство в благородном поведении мужчин	-	+
· Практичность, как проявление постоянства поведения мужчины.	-	+

Как в немецких, так и в русских художественных текстах, центральным признаком концепта Мужская верность выступает верность, преданность своей профессии. Считаем необходимым подчеркнуть, что в основном для мужчин любой национальности верность своей профессии является неотъемлемой чертой и играет важную роль в их жизни.

Отличительной особенностью немецкой Мужской верности является постоянство в выбранном стиле одежды, что составляет репрезентацию центрального признака концепта Мужская верность в дополнении с указанным выше. Специфика менталитета русского мужчины изучаемого временного периода выражается в преданности своим идеям, постоянстве в благородном поведении мужчин, практичности, как проявлении постоянства стиля поведения мужчины. Эти дополнения и составляют дополнительные центральные признаки изучаемого концепта.

Библиография

1. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. — Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — 9 с.
2. Рубанова Л.М., Чакина Э.А. Основные признаки лингвокультурного концепта «личность» [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2346195-p52.html> (дата обращения: 17.04.2023).
3. Бирюкова, Е. В. Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков : Учебник для бакалавриата и магистратуры / Е. В. Бирюкова, О. А. Радченко, Л. Г. Попова. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2018. — 173 с. — ISBN 978-5-534-08014-8.
4. Чупрына, О. Г. судьба как концепт в языке и культуре / О. Г. Чупрына, К. М. Баранова, М. Г. Меркулова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 3(56). — С. 120-125. — DOI 10.20916/1812-3228-2018-3-120-125.
5. Герасимова, С. А. Антропоцентрический подход к языку / С. А. Герасимова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2011. —

№ 2(8). – С. 96-100.

6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика Текст.: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2002-310с
7. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт Текст. / С.Г. Воркачев. М.: Гносис, 2004.-256 с.
8. Карасик В. И. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Кузбасс ВУЗ Изд-во, 2004. – 207 с.
9. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс [Текст] /В.И. Карасик // Германистика России: Традиции и перспективы: Мат-лы науч.-метод. семинара. – Новосибирск: НГУ, 2004. – С. 28–32.
10. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука Текст. / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. М.- 1994.-С. 34-47.
11. Парфененко Е.Н., Попова Л.Г., Нифанова Т.С. Лексико-семантическая репрезентация периферии понятийного компонента концепта «помилование» в английском и русском языках // Litera. – 2020. – No 6. – с. 124-131.
12. Deutsch Duden online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>, (дата обращения: 15.04.2023).
13. Langenscheidts Großwörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://de.langenscheidt.com>, (дата обращения: 15.05.2023).
14. Wahrig Deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wahrig.de>, (дата обращения: 15.04.2023).
15. Mann Heinrich. Der Untertan. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/38126/38126-pdf.pdf>(дата обращения: 15.04.2023).
16. Mann Thomas. Buddenbrooks. [Электронный ресурс]. URL:<https://anylang.net/ru/books/de/buddenbroki> (дата обращения: 15.04.2023).
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с. [Электронный ресурс]. URL: http://mirslovarei.com/oje_a (дата обращения: 21.04.2023)
18. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 3304 с.
19. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. — М.:«Аделант», 2014. – 800 с.
20. Каверин Р.М. Два капитана. [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/dva_kapitana_kaverin_veniamin_aleksandrovich/vol1/1?ysclid=lgznj0w6ud713075440 (дата обращения: 27.04.2023).
21. Булгаков М.А. Белая гвардия. [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-читать.рф/булгаков-белая-гвардия/> (дата обращения: 27.04.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант работы, представленный к публикации, является завершённым, цельно оформленным текстом. Автор обозначает, что актуальность исследования обусловлена тем, что гендерный фактор в лингвистических исследованиях является сравнительно новым

направлением, анализ же концепта «верность» в гендерном аспекте малоизучен в сопоставительном языкознании. Предметная область обозначена – это лексико-семантическая репрезентация понятийного компонента изучаемого концепта в виде мужской верности в анализируемых текстах в сопоставительном аспекте. Целевая составляющая выверена, ориентир на выяснение сходств и различий вербализации понятийного компонента концепта верность, как мужской верности, в немецких и русских художественных текстах конкретизирован. Текст самостоятелен, оригинален, интересен; актуальность вопроса не вызывает сомнений, новизна и практическая значимость объективированы. Считаю, что стиль исследования наукообразен, ибо терминологическая точность прослеживается на протяжении всего сочинения: например, «все синонимы были распределены нами согласно их значениям в тематические группы, способные передать то или иное значение. Среди этих синонимов имеют место лексемы, способные передать значения, близкие значениям ядерной лексики *die Treue*. Это *Ergebenheit, Loyalität, Zuverlässigkeit*. Они выражают значение преданность, надежность», или «обратимся к русским художественным текстам первой половины XX века, выяснив представленность в них центральных признаков концепта Мужская верность». В них находят свое применение такие синонимы ядерной лексики, как преданность, неизменность, точность, демонстрирующие перечисленные выше признаки концепта. Осуществим анализ примеров, в которых, однако, употребляются не указанные существительные, а образованные от них прилагательные: преданный, неизменный, наречие неизменно. Что касается существительного точность, то оно находит свое применение в этих текстах» и т.д. Цитации, иллюстративный фон полновесен: «Как указано было выше, в текстах употребляется наречие неизменно: «в моменты кризиса не терял самообладание и брызжущих из него сил, ирония у него неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не коробили». Согласно примеру, Мужская верность подразумевает постоянство в благородном поведении мужчин, сочетающийся с мужской силой. Существительное точность способно отобразить своей семантикой центральный признак Мужской верности в анализируемых текстах: «К чему такая точность? Ну, так и быть — пятьдесят процентов. Половина — ваша, половина — моя. Торг продолжался. Остаток уступил еще. Он, из уважения к личности Воробьянинова, соглашался работать из сорока процентов». Как показывает пример, центральным признаком Мужской верности здесь выступает точность, практичность, как проявление постоянства поведения мужчины. Соответственно, в русских художественных текстах первой половины XX века к разряду центральных признаков концепта Мужская верность можно отнести такие признаки, как: • преданность своим идеям, верность своей профессии, • постоянство в благородном поведении мужчин, практичность, как проявление постоянства поведения мужчины». Таблично-визуальный формат также уместен для работы, именно он позволяет системно объективировать выводы по тексту. Итогом является вывод, что «как в немецких, так и в русских художественных текстах, центральным признаком концепта Мужская верность выступает верность, преданность своей профессии. Считаю необходимым подчеркнуть, что в основном для мужчин любой национальности верность своей профессии является неотъемлемой чертой и играет важную роль в их жизни. Отличительной особенностью немецкой Мужской верности является постоянство в выбранном стиле одежды, что составляет репрезентацию центрального признака концепта Мужская верность в дополнении с указанным выше. Специфика менталитета русского мужчины изучаемого временного периода выражается в преданности своим идеям, постоянстве в благородном поведении мужчин, практичности, как проявлении постоянства стиля поведения мужчины. Эти дополнения и составляют дополнительные центральные признаки изучаемого концепта». Созвучие с основным блоком планомерно,

разночтений в данной части нет. Материал может быть использован в режиме вузовской и школьной практики, а также при дифференциации крайностей изучения немецкого и русского языков. Считаю, что текст формально закончен, тема рассмотрена, исследовательские задачи решены. Список источников полновесен, формальный грейд издания выдержан. Рекомендую рецензируемую статью «Вербальная представленность центральных концептуальных признаков мужской верности в немецких и русских художественных текстах» к открытой публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пищерская Е.Н. — Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы // Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40117
EDN: UOLHEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40117

Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы

Пищерская Елена Николаевна

кандидат филологических наук

доцент, Читинский институт Байкальского государственного университета

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Аножина, 56, ауд. 47

✉ kishana@inbox.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40117

EDN:

UOLHEG

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2023

Аннотация: Анализ рекламных текстов – междисциплинарная проблема, изучаемая на стыке различных областей знания, прагматический анализ рекламы в том числе опирается на ее осмысление в психологии, философии, маркетинге и т.д. Объект исследования – тексты англоязычной наружной рекламы. Предметом исследования являются стратегические особенности текстов наружной рекламы, основные вербальные средства выражения коммуникативных установок в них. Автор подробно рассматривает основные характеристики текста наружной рекламы, который по своей структуре является креолизованным, то есть таким текстом, где вербальный и невербальный компоненты создают единое семантическое целое и способствуют достижению целей рекламного воздействия. Рассмотрены основные теории создания и реализации воздействующего потенциала рекламных текстов. Основным выводом проведенного исследования является обусловленность выбора языковых и невербальных средств коммуникации в рекламном дискурсе, в зависимости от коммуникативных установок, как явных, так и скрытых. Вкладом автора является описание классификации общих и частных коммуникативных стратегий и тактик текста наружной рекламы, среди которых выделены стратегии кооперативного и некооперативного характера. Описание стратегий проведено через анализ основных языковых средств создания воздействующего эффекта в рекламном обращении. Новизна и актуальность исследования обусловлена

включением в семантическую ткань текста невербальных компонентов, а, следовательно, необходимостью применению новых подходов к анализу таких текстов.

Ключевые слова:

наружная реклама, коммуникативные стратегии, прагмалингвистический анализ, креолизованный текст, прагматика, рекламный текст, языковые средства, рекламное воздействие, слоган, английский язык

Реклама, её содержательные характеристики, механизмы воздействия и эффективность изучается с позиций философии, социологии, психологии, маркетинга, экономики и лингвистики. Изучение рекламных текстов представляет научный и практический интерес по нескольким причинам. Во-первых, реклама – это мощный социальный феномен, который оказывает влияние на общественное мнение, ценности, поведение и культуру. Анализируя тексты рекламы, мы можем лучше понять современный мир и нашу роль в нем. Во-вторых, реклама – это интересный объект лингвистического исследования, который демонстрирует разнообразие и творчество языкового выражения. Изучая тексты рекламы, мы можем расширить свои знания о языке и его функционировании в разных ситуациях и контекстах. В-третьих, реклама – это практический инструмент коммуникации, который может быть использован для разных целей и задач. Осваивая тексты рекламы, мы можем развить свои навыки персуазивной речи, критического мышления и медиаграмотности [\[1-4\]](#).

Анализ рекламных текстов с позиции прагматической лингвистики в определенной мере способствует более комплексному осмыслению процессов их создания и механизмов воздействия на адресата, а, следовательно, может стать практическим инструментом повышения эффективности функционирования рекламы. Важность изучения текстов рекламы с позиции прагматики определяется не только теоретическим, но и практическим интересом, поскольку рекламная коммуникация является неотъемлемым компонентом взаимодействия в обществе. В данной работе анализу подвергаются тексты наружной рекламы, как одного из не теряющего популярности видов рекламной коммуникации.

Цель работы – прагмалингвистический анализ текстов наружной рекламы посредством систематизации их коммуникативных стратегий.

Теоретической базой исследования послужили работы в области анализа креолизованного текста Сониной, Бернацкой, Бойко, Дымовой и др. [\[5-11\]](#), а также теории коммуникативных / речевых стратегий ван Дейка, Пироговой, Агеевой, Назарова [\[12-18\]](#). Основой классификации коммуникативных стратегий текста наружной рекламы послужила работа О.С. Иссерс [\[14\]](#).

В качестве методов исследования использованы наблюдение, описание, дискурсивный анализ текстов наружной рекламы. При сборе материала был использован метод сплошной выборки, при создании классификации стратегий применен метод обобщения.

Достижение поставленной цели потребовало рассмотрения научных теорий в области дискурсивного и прагмалингвистического анализа, были собраны и проанализированы аутентичные языковые материалы, а также изучены существующие классификации коммуникативных/речевых стратегий и тактик. Материал для анализа был получен из

источников, специализирующихся на создании и продвижении рекламы, работ по анализу рекламных текстов, а также путем собственноручного сбора образцов англоязычных рекламных текстов на улицах городов России и США.

Наружная реклама является одним из самых распространенных и древних видов рекламы, который до сих пор сохраняет свою актуальность и популярность. Под наружной рекламой понимается любая реклама, размещаемая вне помещений и предназначенная для охвата широкой аудитории. Такая реклама выполняет несколько функций: информационную (сообщает о товаре или услуге), убеждающую (формирует положительное отношение к товару или услуге), стимулирующую (побуждает к действию или покупке), имиджевую (создает образ компании или бренда), социальную (отражает ценности и нормы общества) и эстетическую (украшает городской ландшафт).

Наружная реклама включает в себя уличные щиты (баннеры, билборды), брендмауэры, растяжки, призматроны, электронные табло и экраны, вывески, витрины, штендеры, и т.д. Все виды наружной рекламы объединяет характер рекламного текста – он содержит в себе компоненты разных знаковых систем (вербальной, визуальной, аудиальной и т.д.). При этом невербальные компоненты функционируют как неотъемлемая часть текстов наружной рекламы, часто содержат информацию, не выраженную вербально, и играют ключевую роль в создании эффективного обращения к адресату.

Эти особенности текста наружной рекламы позволяют при её анализе применять термин *креолизированный текст*, т.е. текст, состоящий из вербальной и невербальной частей. В креолизированном тексте «содержание отображено языковыми знаками в письменной форме (графемами) и неязыковыми (иконическими) знаками в виде изображений предметов» [\[19, с. 9\]](#).

Прагмалингвистический анализ текста наружной рекламы позволяет выявить особенности коммуникативного воздействия на потенциальных потребителей, классифицировать коммуникативные стратегии подобных обращений, выявить особенности их функционирования со точки зрения определенных коммуникативных стратегий, а также наиболее частотные вербальные и визуальные средства реализации этих стратегий [\[20\]](#).

Речевые или коммуникативные стратегии исследовались такими учеными, как ван Дейк [\[13\]](#); Янко [\[17\]](#); Пирогова [\[16\]](#); Иссерс [\[14\]](#); Агеева [\[12\]](#); Назаров [\[15\]](#) и др. В данной работе за основу принято понимание коммуникативных стратегий О.С. Иссерс.

Как считает О.С. Иссерс, наиболее эффективным методом прагматического анализа текста, является анализ стратегий. По мнению О.С. Иссерс, речевая стратегия – это «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Понятие стратегии, заимствованное прагматикой из военного искусства, во главу угла ставит не кооперацию, а победу (которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении)» [\[14, с. 53\]](#).

Под коммуникативными стратегиями можно понимать планы и способы общения с целевой аудиторией, которые помогают достичь определенных целей и задач. Коммуникативные стратегии могут различаться в зависимости от контекста и ситуации, но обычно они включают в себя выбор каналов коммуникации, формулирование ключевых сообщений, определение тон и стиль обращения, разработку визуального образа и т.д. Коммуникативные стратегии могут быть направлены на повышение узнаваемости бренда,

формирование лояльности клиентов, стимулирование продаж, решение конфликтов и т.д.

В большинстве случаев определяющим фактором при выборе той или иной стратегии становятся намерения коммуникантов, которые, в свою очередь, определяются их личностными особенностями и социальными ситуациями. «Стратегия связана с поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения, выбор языкового способа представления реального положения дел. Выработка стратегии осуществляется всегда под влиянием требований стилистической нормы» [\[21, с. 164\]](#).

В самом широком понимании принципов функционирования коммуникативных стратегий, выбор коммуникативной стратегии требует планирования процесса общения, а также учёта ситуации общения и особенностей участников при их реализации. В контексте рекламной коммуникации стратегическое планирование играет ключевую роль, поскольку адресат не является активным участником коммуникации, и создатель рекламного обращения не может изменить его, исходя из реакций собеседника. Стратегическое планирование в рекламе основывается в том числе на социально-демографических и психологических характеристиках получателя, канале распространения, контексте восприятия рекламной информации [\[22\]](#).

Существуют различные подходы к систематизации коммуникационных стратегий. Так, Т. А. ван Дейк выделяет речевые стратегии исходя из общих принципов построения дискурса [\[13\]](#); Ю.К. Пирогова [\[16\]](#) определяет позиционирующие и оптимизирующие стратегии, в зависимости от направленности общения; О.С. Иссерс [\[14\]](#) проводит разделение коммуникативных стратегий на общие и частные на основании масштаба целей коммуникации.

Взяв за основу типологию речевых стратегий О.С. Иссерс, можно выделить основные коммуникативные стратегии, реализуемые текстами наружной рекламы (Схема 1).

Схема 1. Классификация коммуникативных стратегий наружной рекламы

Figure 1. Systematics of communicative strategies of outdoor advertising

Данная классификация подробно описана в работе [23] и выделяет два основных типа стратегий в рекламе – стратегии, нацеленные на сотрудничество и сотворчество адресанта и адресата (кооперативные), и стратегии, через которые на адресата, напротив, осуществляется не прямое, скрытое воздействие (некооперативные). Классификация учитывает креолизованный характер текстов наружной рекламы и подразумевает, что каждую из приведенных стратегий могут реализовывать как вербальные, так и невербальные компоненты. В данной статье приведены примеры языковых средств выражения коммуникативных стратегий.

1. Одна из ключевых стратегий в рекламном дискурсе — это стратегия **самопрезентации**. Она направлена на то, чтобы создать хороший образ рекламодателя и показать преимущества рекламируемого товара или услуги. В рамках данной общей стратегии выделяются частные стратегии привлечения внимания, запоминания и создания положительного образа [24].

С целью привлечения внимания к рекламе адресант использует невербальные средства, такие как графика (цвет, шрифт) и изображение (иконика). Кроме того, он старается передать информацию оригинальным и ярким способом с помощью вербальных средств, которые имеют экспрессивное значение на разных языковых уровнях, а также стилистических приемов (тропов и фигур): рифма (1), окказиональные дериваты (2), инверсия (3), игра слов (4):

(1) *7-Eleven: Oh, thank heaven for 7-Eleven* (<https://clck.ru/343dkt>);

(2) *Guinness: Guinnless isn't good for you.* (<https://clck.ru/343e3x>);

(3) *Calvin Klein: Between love and madness lies obsession.* (<https://clck.ru/343dkt>);

(4) *Bartle Bogle Hegarty: When the world zigs, zag!* (<https://clck.ru/343e3x>).

Основной задачей мнемонической стратегии является способствование узнаваемости бренда. Эта стратегия реализуется через рифму, аллитерацию (5), окказиональные дериваты, актуализированные идиомы (6), аллюзию (7):

(5) *Fila: Functional... Fashionable... Formidable...* (<https://clck.ru/343dy6>);

(6) *M&M's: Make you lose your marbles* (<https://clck.ru/343dy6>);

(7) *Brooke Bond: My name is Bond. Brooke Bond.* (<https://clck.ru/343dwJ>).

Цель создания позитивного имиджа – вызвать у аудитории хорошие чувства, связывая их с продвигаемым продуктом и/или с концепцией бренда. Эта стратегия, обычно, осуществляется через применение метафоры (8), местоимений первого лица (9), высшей степени сравнения прилагательных (10):

(8) *Red Bull: Gives you wings* (<https://clck.ru/343dy6>);

(9) *McDonald's: I'm Lovin' It* (<https://clck.ru/343dy6>);

(10) *Red Cross: The greatest tragedy is indifference* (<https://clck.ru/343dkt>).

2. Основой персуазивной стратегии является убеждение. Реклама может иметь разные цели: продать товар, получить голоса, улучшить мир. Для того, чтобы реклама была эффективной, она должна учитывать психологию человека и выбирать подходящие способы воздействия.

Основные методы убеждения в рекламе – аргументация, оптимальная адресация и специфичная для рекламного дискурса форма дискредитации.

Стратегия аргументации основывается на рациональном обосновании информации, которая представлена в рекламном тексте и предполагает высокий уровень внимания адресата к содержанию рекламного текста. Автор посредством аргументов рассуждает об объекте рекламы и дает возможность читателю рассуждать вместе с ним. Можно назвать следующие языковые средства убеждения: числительные (11), предложения с призывом к действию (12), вводные слова и выражения, характеризующие ситуацию; использование различных видов придаточных отношений (13); цитаты (ссылка на авторитетные источники):

(11) *Sprint: 79¢ Sweet Tea. Stay Cool* (<https://clck.ru/343dy6>);

(12) *Skittles: Taste The Rainbow* (<https://clck.ru/343dy6>);

(13) *Pringles: Once You Pop, You Can't Stop* (<https://clck.ru/343dy6>) – условная связь.

Правильная адресация – одно из условий создания эффективной рекламы. Воздействующая сила рекламного сообщения, в котором продумана адресация к получателю, заключается в индивидуализации обращения, его диалогизации, уменьшению барьера между коммуникантами. Главная задача данной стратегии – «имитация прямого межличностного общения через формирование в текстовой структуре образа реципиента» [25]. Оптимальная адресация строится на основе полученных в результате маркетинговых исследований характеристик целевых групп потребителей рекламируемых товаров или услуг. В результате создания образа реципиента осуществляется воздействие на реальных реципиентов.

К языковым средствам оптимального обращения к адресату можно отнести местоимения

второго лица (14), универсальные слова-определители (15), формы обращения (16); словосочетания с предлогом *for* в родительном падеже (17); придаточные предложения (18):

(14) *Oldtimer: All you can eat* (<https://clck.ru/343dse>);

(15) *Papacura: Rain changes everything. Please drive to the conditions.* (<https://clck.ru/343dy6>);

(16) *Hey there, HOT STUFF* (<https://clck.ru/343dse>);

(17) *Nivea Creme: Protective care for your family* (<https://clck.ru/343dse>);

(18) *VRBO: Where Families Travel Better Together* (NY, 2019).

Стратегия дискредитации в рекламном дискурсе имеет свои особенности. В общем смысле дискредитация – это набор намеренных шагов, которые направлены на то, чтобы подорвать авторитет, доверие, положительный образ того или иного объекта. Эта стратегия широко используется в политическом дискурсе, особенно в дискурсе предвыборных дебатов. В рекламе же механизмы дискредитации строго регулируются. «Согласно законодательству большинства стран, рекламное сообщение не может нести отрицательных коннотаций относительно других объектов рекламы. В связи с этим дискредитация в рекламе направлена не на «очернение» конкурентов, а на выявление исключительных характеристик рекламируемого объекта относительно всех остальных. Таким образом, дискредитация в рекламе реализуется в непрямом, обобщенном, неполном виде» [23, с. 129]. Дискредитация в рекламе обычно выражена через сравнения (19), отрицания (20), аллюзию (в большинстве случаев выражена визуальным компонентом) (21, 22):

(19) *Target: Expect More. Pay Less.* (Minneapolis, 2019);

(20) *Google: Don't be evil.* (<https://clck.ru/343dkt>);

(21) *Kangaroo Island: You can escape from the rush of life and become a modern day of Crusoe.* [2];

(22) *Kiss FM: iPod. I'm your father* (<https://clck.ru/343dy6>).

3. **Манипулятивная** стратегия в рекламе – приемы скрытого воздействия на адресата с целью формирования у последнего выгодной рекламоделю модели поведения. Манипуляция в рекламе, особенно в части формирования потребностей приобретает все большую значимость, в связи с тем, что современный потребитель настроен на критичное восприятие рекламных обращений и не склонен доверять воздействию «в лоб» и громким заявлениям рекламоделей [26].

Три главных метода языкового манипулирования в рекламе – это апеллирование к существующим потребностям; суггестивное воздействие, латеральное программирование.

Одна из главных задач рекламы – вызывать у адресата рекламного сообщения эмоциональную реакцию, играя на его мотивах и потребностях. С психологической точки зрения, мотивы и потребности являются стимулом для развития человека, большинство его действий зависят от мотивационной сферы.

В рекламном тексте данная стратегия реализуется метафорами, стилизацией (23), привлечением известных личностей, обыгрыванием их имен в тексте и/или названии товара (24):

(23) *Dentyne: Friend request accepted.* (<https://clck.ru/343dy6>);

(24) *Heinz : Tomato Edchup* (<https://clck.ru/343dse>) – ограниченная серия томатного кетчупа, выпущенная в рамках рекламной кампании с Эдом Шираном.

Суггестия – «психическое внушение, изменение процессов мышления, чувствования и реакций, большей частью не замечаемое тем, кто подвергается внушению со стороны (чужая суггестия) или со стороны самого себя (аутосуггестия, самовнушение)» [ФЭС, с. 613].

Внушение обычно осуществляется языковыми средствами, часто выражается через многократное употребление одних и тех же идей и вербальных установок или многократное показывание одних и тех же образов. Основными языковыми средствами реализации данной стратегии являются: предложения с призывом к действию (25), повторения (26), тривиальные истины (27) и отрицания (28):

(25) *Dentyne : Close browsers . Open arms . Make face time.* (San Francisco, 2019);

(26) *Energizer: It Keeps Going, And Going, And Going* (New Haven, 2008);

(27) *Snickers: You're Not You When You're Hungry* (<https://clck.ru/343dkt>);

(28) *Colorado State Patrol: Tailgating isn't worth it.* (<https://clck.ru/343dy6>).

Еще одна характеристика текстов наружной рекламы состоит в том, что зачастую одно рекламное обращение фокусирует внимание адресата только на определенных характеристиках рекламируемого объекта, остальные представляет имплицитно. Такая манипуляция с информацией, которую передает рекламное обращение, представляет стратегию **латерального программирования**.

Латеральное программирование – один из инструментов скрытого воздействия на мышление, крайне популярный в рекламной деятельности. Люди легче доверяют рекламе, если узнают о преимуществах товара, как им кажется, случайно, через второстепенную информацию, побочно. В таком случае эти качества «уже не подвергаются рациональному анализу или оценке, не ставятся под сомнение – они принимаются как должное. В этом случае потребителю остается просто пойти и купить то, без чего не может существовать нормальный современный человек, или сделать то, что нормальный человек не сделать не может. В таком случае мы можем говорить о том, что наше сознание программируется латерально, то есть опосредованно, косвенно» [\[23, с. 124\]](#).

Основные формы производимых над информацией операций – искажение информации, утаивание, выбор способа подачи информации, а также скрытие персуазивного намерения.

Наиболее эффективные языковые способы скрытого воздействия в текстах наружной рекламы – это риторические вопросы (29), повторы, синтаксический параллелизм (30), превосходная степень прилагательных (31), приемы создания юмористического эффекта (32):

(29) *Clairol: Does she.. or doesn't she?* (<https://clck.ru/343e3x>);

(30) *Playstation: Live in your world. Play in ours.* (<https://clck.ru/343e3x>);

(31) *Disneyland: The happiest place in Earth* (<https://clck.ru/343e3x>);

(32) *Aventura Wellness Testing: We'll test everything but your patience* (<https://clck.ru/343dse>).

Стоит отметить, что в рамках данной работы не были рассмотрены невербальные средства выражения тех или иных коммуникативных стратегии, реализуемых в обращениях наружной рекламы

Итак, анализ языковых единиц текстов англоязычной наружной рекламы позволяет выявить коммуникативные стратегии, оказывающие максимальное воздействия на реципиента. Такие обращения могут быть направлены на кооперацию или манипуляцию над адресатом, могут быть выражены вербально или невербально, могут апеллировать к модному и сиюминутному или к вечному и высокому – общая для них характеристика – неотъемлемый визуальный (иногда и аудиальный) компонент, вшитый в семантическую ткань текста. С этой точки зрения прагматический анализ текстов наружной рекламы требует дальнейшего исследования взаимосвязи вербальных и невербальных кодов в структуре креолизованных рекламных текстов, в том числе в связи с новыми возможностями представления информации и увеличения количества кодов передачи сообщения в наружной рекламе (аудио-, видео-коды, меняющиеся во времени изображения, и т.д.).

Библиография

1. Hosni M. El-Dali The Language of Consumer Advertising: Linguistic and Psychological Perspectives // *Studies in Linguistics and Literature*. 2019. 3(2):95
2. Jingxia L., Thao L. Intertextual Techniques in Advertisements // *International Journal of Innovative Interdisciplinary Research*. 2013. Vol. 2
3. Mamirova D.S. Basic Features of Advertising Language // *JournalINX*. 2020. Vol. 6, Issue 10
4. Xueping L. A Brief Analysis of Linguistic Features of English Advertising Language // *International Journal of Liberal Arts and Social Science*. 2020. 8(3), pp. 12-22.
5. Driga, S. Creolized Text as An Object of Interdisciplinary // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* 2018. vol 39. pp. 543-547.
<https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.77>
6. Dymova A. V. Experimental Research on The Colour Yellow Meanings in British and American Rock-Discourse / A. V. Dymova, V. Yu. Kareva // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences : Conference proceedings*. London: European Publisher, 2020. – pp. 260-270. – DOI 10.15405/epsbs.2020.11.03.28.
7. Makhamadaliyevna Y. D. Creolized Texts: Study Basics Creolized Text Comics // *Modern Journal of Social Sciences and Humanities*. 2022. 5, 334–340.
8. Oprishch N. S. Functioning of English Language Social Advertising Creolized Texts // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2020. – No. 2(22). – pp. 41-44. – DOI 10.18454/RULB.2020.22.2.20.
9. Бернацкая А. А. Лингвистика текста // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет ; Под редакцией А.П. Сковородникова*. – Красноярск :

- Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 273-274.
10. Бойко Б. Л. Тексты воинских уставов и наставлений как креолизованные тексты // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. – 2022. – № 2(18). – С. 57-65.
 11. Сонин А. Г. Текст и контекст: исследование семантики языковых единиц в условиях поликодовой коммуникации / А. Г. Сонин, Д. С. Мичурин // Русский язык в школе. – 2013. – № 9. – С. 57-63.
 12. Агеева Ю. В. Коммуникативные стратегии и тактики в русскоязычном рекрутинговом дискурсе. Казань, 2016.
 13. Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
 14. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
 15. Назаров Н. В. К вопросу о соотношении понятий "коммуникативная стратегия" и "коммуникативная тактика" // Говор: альманах. 2022. № 9.
 16. Пирогова Ю.К. Дискурсивное давление и стратегии обработки маркетинговых сообщений. М., 2007.
 17. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры. М., 1999
 18. Zambrana J.M. Use of Communicative Strategies in L2 Learning: An Intercultural Study // International Journal of English Studies, vol. 20 (3), 2020, pp. 77–107. doi: 10.6018/ijes.399631
 19. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. / Отв. ред. И.В. Вашунина. М., 2020.
 20. Basenko G. V. Pragmalinguistic Analysis of Newspaper Headlines (based on the material of the English newspaper "The Guardian") // Russian Linguistic Bulletin. 2020. No 3(23)
 21. Культура русской речи. М., 2009.
 22. Klemenova E., Ereshchenko M. Communicative Strategies of Social Media Discourse. E3S Web Conf. 210 16001 (2020) DOI: 10.1051/e3sconf/202021016001
 23. Пищерская Е.Н. Стратегический потенциал текста баннерной рекламы: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.
 24. Чайковская С. В. Коммуникативные тактики, реализующие стратегию самопрезентации профессиональной языковой личности артиста (на материале интервью с Н.А. О'шей) // Русская речевая культура и текст : Материалы XI Международной научной конференции / Под общей редакцией Н.С. Болотновой. – Томск: Томский центр научно-технической информации, 2020. – С. 185-191.
 25. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: на примере современной немецкоязычной рекламы. СПб, 2003.
 26. Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 96-111. – DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Вербальные средства реализации

коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения рекламы как социального феномена, который оказывает влияние на общественное мнение.

Целью работы является прагмалингвистический анализ текстов наружной рекламы посредством систематизации их коммуникативных стратегий.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ текстов наружной рекламы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Автор использовал метод сплошной выборки для отбора практического материала исследования, который был получен из источников, специализирующихся на создании и продвижении рекламы, работ по анализу рекламных текстов, а также путем собственноручного сбора образцов англоязычных рекламных текстов на улицах городов России и США. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования.

Библиография статьи насчитывает 26 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Так, работы на русском языке смешаны с иноязычными трудами, традиционно располагающимися в конце списка, алфавитный принцип выстраивания библиографии не соблюден.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The Phenomenon of Reduplication as a Method of Word Formation in Modern French, Spanish, English and Russian Languages

Minova Mariya Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics

117997, Russia, Moscow, lane. Stremyanny, 36

✉ mariaminova543@gmail.com

Kopylova Elena Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages n°3, Plekhanov Russian University of Economics (State University),

117997, Russia, Moscow region, Moscow, lane. Stremyanny, 36

✉ kopylova_ev@mail.ru

Kuznetsova Yuliya Andreevna

PhD in Economics

Associate Professor of the Department of Foreign Languages n°3, Plekhanov Russian University of Economics (State University),

117997, Russia, Moscow region, Moscow, lane. Stremyanny, 36

✉ yulya_success@mail.ru

Nikolaeva Elena Anatol'evna

PhD in Sociology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages n°3, Plekhanov Russian University of Economics (State University),

117997, Russia, Moscow, Moscow, lane. Stremyanny, 36

✉ yoltash82@mail.ru

Zhelamskaya Vera Anatol'evna

PhD in Philology

Lecturer of the Department of Foreign Languages n°3, Plekhanov Russian University of Economics (State University),

117997, Russia, Moscow, Moscow, lane. Stremyanny, 36

✉ zhelamskaya.va@rea.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the implementation of such a method of word formation as reduplication. The analysis of the linguistic material indicates a fairly wide distribution of this phenomenon in modern French, Spanish, English and Russian. The authors study the features of the implementation of various types of reduplication in the studied languages, and also consider in detail the features of their functioning. The material for the study is examples of reduplicative units from the press and from open sources on the Internet. In the course of the study, methods such as the analysis of theoretical literature, the method of comparative analysis, the method of continuous sampling, as well as

observation and generalization, were used. The novelty of the study lies in identifying the dynamics of the functional development of reduplications in the French, Spanish, English and Russian vocabulary in the modern period. The study showed that, although the principles of formation of different types of reduplicative units are comparable in modern French, Spanish, English and Russian, however, there are pronounced differences in the preference for the areas of use of types of reduplication in different languages under study. Of particular interest is the fact that French is characterized by the widespread use of reduplication in the formation of nicknames of famous people from the world of politics and show business, whereas in Spanish, English and Russian it is a rather rare phenomenon.

Keywords: Spanish language, French language, Neologisms, Word Creation, Word Formation, Reduplicative Lexical Units, Reduplicative Words, Reduplication, English Language, Russian language

References (transliterated)

1. Kubryakova E. S. Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti. Izd. stereotip. M.: URSS, 2020. 158 s.
2. Kryuchkova O. Yu. Reduplikatsiya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya: Istoricheskoe razvitie i tipologicheskaya spetsifika: avtoref. dis. ... dokt. filol. n. Saratov, 2000. 40 s.
3. Minova M. V., Mamukina G. I., Kazimirova I. S., Dolgova E. G., Fedorova A. V. Obrazovanie novykh frazeologizmov kak slovtvorchestvo // Filologiya: nauchnye issledovaniya. № 6. 2022. S. 40-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.6.38232. [Elektronnyi resurs]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38232.
4. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. / Pod red. V. N. Yartsevoi. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 683 s.
5. Sepir E. Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi. M.: Yurait, 2019. 211 s.
6. Shlyakhtina E. V. Reduplikatsiya v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenii britanskikh i amerikanskikh pisatelei) // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2020. № 4 (23). S. 142-150. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44465076>.
7. Naugol'nykh E. A. Nekotorye zvukovye osobennosti reduplikatsii Dzh. Dzhoisa v romane «Pominki po Finneganu» i ikh perevodimost' // Filologiya i chelovek. 2021. S. 143-52. DOI 10.14258/filichel(2021)2-13. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-zvukovye-osobennosti-reduplikatsii-dzh-dzhoisa-v-romane-pominki-po-finneganu-i-ih-perevodimost>.
8. Gataullin R. G. K voprosu ob onomatopoeticheskoi reduplikatsii // Nemetskii yazyk v Bashkortostane: problemy i perspektivy. Mat. XV Vserossiisk. nauchno-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem. Ufa, 2022. S. 35-43. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49083393>.
9. Klyushina A. M. Reduplikatsiya leksemy UZhAS kak sredstvo vyrazheniya semantiki krainosti v sovremennom russkom yazyke // Semantika. Funktsionirovanie. Tekst. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Kirov, 2022. S. 10-16. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49699636>.
10. Stepanov D. A., Grigorovich A. M. Reduplikatsiya v angliiskom yazyke // Tezisy dokladov 55-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii. Vitebsk: Izd-vo VGTU, 2022. S. 31-32. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49508491>.

11. Ghomeshi J., Jackendoff R., Rosen N., Russell K. Contrastive focus reduplication in English (the Salad-Salad paper) // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22 (2). P. 307-357. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.jstor.org/stable/4048061>.
12. Butts A. M. Reduplicated Nominal Patterns in Semitic // *Journal of the American Oriental Society*. 2011. Vol. 131 (1), R. 83-108. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.jstor.org/stable/23044728>.
13. Inkelas, S., and Downing, L. J. (2015) What is Reduplication? Typology and Analysis Part 1/2: The Typology of Reduplication. // *Language and Linguistics Compass*, 2015. Vol. 9 (12). R. 502-515. DOI: <https://doi.org/10.1111/lnc3.12166>.
14. Stala E. La reduplicación léxica en español: origen, presencia, interpretación // *Studia Romanica Posnaniensia*. 46/4. (2019). P. 89-99. DOI: 10.14746/strop.2019.464.008. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/288118459.pdf>.
15. Masini F., Mattioli S. Syntactic discontinuous reduplication with antonymic pairs: a case study from Italian // *Linguistics*, vol. 60, no. 1, 2022. P. 315-345. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling-2021-0225>.
16. Mattioli S., Barotto A. Nominal reduplication in cross-linguistic perspective: from plurality to change of referents' specificity // *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language"*. Vol. 47, Issue 1, Jan. 2023. P. 135-189. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.21050.mat>
17. Shteinberg N. M. Reduplikatsiya v sovremennom frantsuzskom yazyke. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1969. 67 s.
18. Diccionario de la lengua española. Madrid © Real Academia Española, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dle.rae.es/>
19. Mekheda M. I. O nekotorykh strukturno-funktsional'nykh osobennostyakh reduplikativov v russkom yazyke // *Vestnik ChGPU*. 10(2). 2009. S. 263-272. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-strukturno-funktsionalnyh-osobennostyah-reduplikativov-v-russkom-yazyke>
20. Zelikov M. V. Ob issledovanii paradigmy rasshireniya v ispanistike v rabotakh 1970-2020 godov // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2021. T. 2. № 3. S. 120-141. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-issledovanii-paradigmy-rasshireniya-v-ispansistike-v-rabotah-1970-2020-godov/viewer>.
21. Dem'yankov V. Z. Semanticheskaya reduplikatsiya v vyskazyvaniyakh o vozmozhnom // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2022. № 4 (51). S. 39-43. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49862529>
22. Gagnière C. Pour tout l'or des mots. Édition réalisée par Monsieur Christian Lacroix, tirage limité. Paris: Robert Laffont; Bouquins, 2019. 1088 p.
23. Collins Advanced Learner's Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
24. Le Petit Larousse illustré. Paris: © Larousse, 2023. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/>

Attributive Valence of the German verb GEHEN and the Russian Verb ИДТИ (Cognitive Aspect)

Tultseva Anastasia Eduardovna

Teacher, Department of German Studies and Linguodidactics, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Maly Kazenny Lane, 5b

✉ atultseva@mail.ru

Popova Larisa Georgievna

Doctor of Philology

Professor, Department of German Studies and Linguodidactics, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow region, Moscow, Maly Kazenny Lane, 5b

✉ larageorg5@gmail.com

Abstract. The aim of the work is to identify similarities and differences in the attributive valence of the German verb of movement "gehen" and the Russian verb "идти" in German and Russian. The subject of the study is the sectors of the manifestation of the attributive valence of the above-mentioned verbs in the cognitive aspect. These verbs are considered only in their direct sense, namely from the point of view of transmitting the expression of a person's movement from one point to another. The attributive valence of verbs of movement was chosen due to its insufficient study in comparative linguistics from the position of cognitive linguistics. In the study, the comparative method was used as the main one; methods of semantic and cognitive analysis were also used. The material of the analyzed examples was German and Russian lexicographic sources. The scientific novelty of this study lies in the fact that it reveals for the first time similar and specific cognitive sectors of the manifestation of the attributive valence of the German verb "gehen" and the Russian verb "идти". As a result of the study, the presence of such sectors of attributive valence as "direction of movement", "type of movement" and "pace of movement" was revealed in the verb "gehen". The analyzed examples of the Russian verb "идти" showed the presence of the following sectors: "time", "direction" and "type of movement", "accomplice of movement", "pace of movement" and mixed cases. As a result of comparative analysis, it was found that in German and Russian there are the following similar sectors of the attributive valence of human movement: "direction", "type" and "pace of movement", and the sectors "direction of movement" and "pace of movement" significantly prevail quantitatively in the analyzed examples. The article also draws conclusions about the peculiarity of the perception of the directional movement of a person in the Russian and German linguistic cultures.

Keywords: similarities and differences, comparative analysis, lexicographic sources, human, verbs of motion, cognitive sector, attribute valence, Russian language, German language, direction

References (transliterated)

1. Biryukova E.V. Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka: uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov / E.V. Biryukova, I.V. Shvedova. – M.: Moskovskii gumanitarnyi ped. in-t, 2011. – 39 s.
2. Bondarenko N.A. Glagoly s atributivnoi valentnost'yu kak sredstvo vyrazheniya otsenki: diss. ... kand. filol. nauk / N.A. Bondarenko. – Vologda, 2011. – 157 s.
3. Ivanova Yu.S. Atributivnaya valentnost' sinsemantichnykh sushchestvitel'nykh: diss. ... kand. filol. nauk / Yu.S. Ivanova. – Vladimir, 2005. – 158 s.
4. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / V.N. Yartseva i dr. – M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1990. – 685 s.
5. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku / V.A. Maslova. – 4 izd. – M.: Flinta, 2008. – 296 s.

6. Muratova S.V. Tesnye eksplikativnye sintagmy s sopryazhennym atributivnym kompleksom v sovremennom nemetskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk / S.V. Muratova. – Nizhnii Novgorod, 2001. – 218 s.
7. Peshekhonova E.S. Semantiko-sintaksicheskie otnosheniya mezhdu komponentami terminologicheskikh slovosochetanii: na materiale terminologii angliiskoi sistemy obrazovaniya: diss. ... kand. filol. nauk / E.S. Peshekhonova. – M., 2003. – 184 s.
8. Romanova L. A. Kognitivnye osnovy opisaniya atributivno-substantivnykh kompleksov v angliiskom yazyke: diakhronicheskii i sinkhronicheskii aspekty: diss. ... kand. filol. nauk / L.A. Romanova. – Tver', 2006. – 156 s.
9. Sutyryna Yu.A. Atributivnaya valentnost' kvantornykh mestoimennykh sushchestvitel'nykh: diss. ... kand. fil. nauk / Yu.A. Sutyryna. – Vladimir, 1999. – 172 s.
10. Ushakov D.N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka / D.N. Ushakov. – M.: «Al'ta-Print», 2005. – VIII, 1239 c.
11. Cherkasova T.V. Funktsional'no-semanticheskoe pole atributivnosti v sovremennom russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk / T.V. Cherkasova. – Taganrog, 1999. – 133 s.
12. Chubarova N.A. Glagoly s atributivnoi valentnost'yu v sovremennom nemetskom yazyke / N.A. Chubarova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Volgograd: FGBOU VO «Volgogradskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet», 2017.-№1 (114).-S. 118-121.
13. Shavkun N.S. Atributivnyi kompozit ili atributivnoe slovosochetanie kak al'ternativnye sredstva nominatsii v nemetskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk / N.S. Shavkun. – Pyatigorsk, 2001. – 246 s.
14. Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / E. Agricola. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1992. – 818 S.
15. Deutsches Universalwörterbuch / G. Drosdowski, W. Müller, W. Scholze-Stubenrecht, M. Wermke. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
16. Helbig G. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben / G. Helbig, W. Schenkel. – Leipzig, VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 458 S.
17. <https://grammis.ids-mannheim.de/verbvalenz>
18. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=947>
19. <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=22266>
20. <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=10906>
21. Langenscheidts Großwörterbuch/D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. – Berlin/München/Wien/Zürich/New York: Langenscheidt KG, 1993. – 1213 S.

Russian and Avar languages Spiritual values/Anti-values in Religious and Paremiological Paintings (using the concept of "Faith/Unbelief" as an example)

Magomedova Patimat Aripovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dagestan State University

367026, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, Mursalova str., 110

✉ p_magomedova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of representation of the value component of the concept "Faith/Unbelief" in religious and paremiological discourses of different structural languages. The main purpose of the study is to establish similarities and differences in the linguistic objectification of spiritual values/anti-values in the Avar and Russian linguistic cultures based on the concept of "Faith/Disbelief", which is one of the basic concepts affecting all the value-behavioral spheres of human existence. In the religious consciousness of a believer (whether he is a Christian or a Muslim), by its very nature, there is a craving for virtue, a desire to ennoble morals, comprehension and nomination of all this occurs through specific linguistic signs and their meanings. The conceptual, value and figurative components of the concept under study are considered. The actualization in lexical systems of various languages, lexemes with religious (Islamic) meaning, the large-scale activity of texts of this subject in various genres, especially in mass media texts, put forward new promising directions of interdisciplinary research for linguists. The novelty of the research consists both in the development of research in the aspect of comparative theolinguistics for the first time on the material of these languages, and in the integral use of linguoconceptual and theoconceptual methods.

The article traces the close connection of cognitive features of the conceptual field under study and spiritual and moral concepts that have their own specifics in each of the compared languages during linguistic verbalization.

Keywords: frames, spiritual texts, theolinguistics, proverbs, iman, religious concept, belief and disbelief, values and disvalues, Avar language, universals

References (transliterated)

1. Avarsko-russkii slovar' (pod red. M. M. Gimbatova). Makhachkala: DNTs RAN, 2006, 2096 s.
2. Alikhanov Z. Avarskie poslovitsy i pogovorki. Makhachkala, 2016. (na avar. yaz.).
3. Al'-Gazali, M. Vozrozhdenie religioznykh nauk / Abu Khamid Mukhammad al'-Gazali at-Tusi. Per. s arab. yaz. knigi "Ikhia' 'ulum ad-din". V desyati tomakh. 1-e izd. Makhachkala: Nurul' irshad, 2011. 460 s.
4. Al'-Chirkavi, S. (2011). Tanbig'u-l'-gIavam ila dagIvati-l'-K''ur'an: Pobuzhdenie vnyat' prizyvu Korana. V chetyrekh tomakh. Tom 4, 1-e izdanie. Makhachkala: Nurul' irshad, 2011. 491 s. (na avar.yaz.)
5. Bairamova L.K. Otrazhenie v bibleiskikh tekstakh tsennostei i antitsennostei i otsutstvie nekotorykh ikh korrelyatsii s epizodami sovremennoi zhizni. Filologiya i kul'tura. 2014. №4(38), s. 25-28
6. Balashova E.Yu. Nominativnaya plotnost' lingvokul'turnogo kontsepta VE-RA/FAITH v russkom i angliiskom yazykakh. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, № 2, 2010, s. 92-98
7. Gibatova G. F. Aksiologiya v yazyke. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, №2 (121). S. 127-132
8. Gogolyuk Yu. E. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie kontsepta «vera». Trudy Belgorodskoi dukhovnoi seminarii, 2018, s. 52-56

9. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. V 2-kh tomakh. M.: «Khudozhestvennaya literatura», 1989. 433 s.
10. Dem'yankov V. Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii. Politicheskaya nauka. Vyp. 3: Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya. Gerasimov V. I., Il'in M. V. (red.). M.: INION RAN, 2002. С. 32–43.
11. Domuschi S. A. Nравstvennyi mir cheloveka v khristianskom bogoslovii i russkikh poslovitsakh. Razvitie lichnosti. № 3, 2017, s. 113–128
12. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok 4-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. yaz., 1991. 534 s.
13. Kaznina E. B. Kontsept vera v dialogicheskom khristianskom diskurse: Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 16 s.
14. Karasik V. I. Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov // Antologiya kontseptov/ pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. Volgograd: Paradigma, 2005. S. 13 – 15
15. Karasik V. I., Milovanova M. S. Osmyslenie zhertvoprinosheniya: diskursivnye vektory otsenki. Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2021. № 1. S. 321–336. DOI 10.17223/18137083/74/24
16. Kozlova E. A., Gremitskaya M. V. Kontsept VERA i religiozniy diskurs: vliyanie media. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023., Tom 16. Vypusk 1. S. 285–290
17. Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov. M.: Eksmo, 2006 [Elektronnyi resurs], <https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com/14924-IMAN>
18. Kukhareva E. V. Lingvostranovedcheskii slovar' arabskikh paremii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: MGIMO «Universitet», 2015. 240 s.
19. Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. SPb.: Norint, 1998 [elektronnyi resurs] <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
20. Kushnir O. N. K voprosu o kontseptosfere religioznogo // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. SPb., 2011. № 130. S. 108–118.
21. Legoida V.R., Shesterina A.M., Malygina L.E., Pavlova E.S. Interpretatsiya kontseptov very i proshcheniya v teleperedache religioznoi napravlenosti «Parsuna» // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2022. № 5. S. 82–102. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2022.82101
22. Magomedova A.N. Avarskie paremiologicheskie edinitsey s religioznym kodom kul'tury // Islamovedenie. Makhachkala, 2019. № 4. S. 76–81.
23. Magomedova P. A., Mikailova A. A. Opyt kontseptual'nogo analiza paremiologicheskoi kartiny mira raznostrukturnykh yazykov: kontseptosfera «PLOKhO». Makhachkala: Izdatel'stvo Alef, 2022, 176 s.
24. Magomedova P. A., Sabulaev Yu. M. Verbalizatsiya ponyatiya blagonravie v religioznom (islamskom) diskurse yazyka. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 4 (89), 2021.
25. Magomedova P.A., Gasanova M.A. — Reprezentatsiya kontseptu VERA/IMAN v russkoyazychnom religioznom (islamskom) diskurse // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2022. – № 12. – S. 63–77. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39474 EDN: MUEWAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39474
26. Magomedkhanov M. M. Avarsko-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Rus. yaz., 1993–409 s.
27. Maslova V. A. Lingvokul'turnoe vvedenie v teoriyu cheloveka. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. № 3. S. 21–28.

28. Maslova V.A. Dukhovnyi kod s pozitsii lingvokul'turologii: edinstvo sakral'no-go i svetskogo // *Metafizika*, 2016, № 4 (22), s. 87-99
29. Mokienko V. M. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok [Tekst] : bolee 40 000 obraz-nykh vyrazhenii / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina ; Mezhdunarodnaya assots. prepo-davatelei russkogo yaz. i lit., Rossiiskoe o-vo prepodavatelei russkogo yaz. i lit., Sankt-Peterburgskii gos. un-t, Mezkhafedral'nyi slovarnyi kab. im. prof. B. A. Larina. M.: OLMA Media Grupp, 2013. 783 s.
30. Musul'manin i ego lichnost' v svete Korana i Sunny / Sost., per. s arab., pererab., prim. E. Sorokoumovoi. M.: Umma, 2012. 576 s.
31. Naidenova N.S. Sovremennaya lingvistika v postsekulyarnoi perspektive. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics. 2018. T. 22. № 4. S. 988—1000.].
32. Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint; M.: RIPOL klassik, 2008
33. Panova L. G. Grekh kak religiozniy kontsept (na primere russkogo slova «GREKh» i ital'yanskogo «RESSATO»). Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki / Otv. red.: N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 167–177
34. Pisar' N.V. Osobennosti verbalizatsii kontsepta «vera» v ostromirovom Evange-lyi 1056-1057 goda // *Kazanskaya nauka*. 2016. № 5. S. 72-74.
35. Postovalova V. I. Religioznye kontsepty v pravoslavnom mirosozertsanii (opyt teolingvisticheskogo analiza) // *Kritika i semiotika*. 2014. № 2. S. 127-148
36. Pushkin A.A., Tenyakova E.A. Tsennostnye kontsepty v sovremennoi paradigme dukhovno-nravstvennogo vospitaniya: lingvopedagogicheskii aspekt. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2-2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22423> (data obrashcheniya: 03.04.2023).
37. Radbil' T. B. Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoi yazyko-voi kartine mira. Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh / Otv. red. N.D. Arutyunova, M.L. Kovshova. M.: Gnozis, 2018. S. 23-35.
38. Russko-avarskii slovar' (sost. S. Z. Alihanov). Makhachkala: DNTs RAN, 2003. 700 s.
39. Sakhikh al'-Bukhari (Kratkoe izlozhenie) / Perevod Vladimira Abdally Nirsha. 1-oe izdanie. V 2-kh t. – M.: Blagotvoritel'nyi fond «Ibragim Bin Abdulaziz Al' Ibragim», 2002. T.1. 472 s.
40. Sibireva M.V. Kontsept «Vera» v russkoi yazykovoi kartine mira: leksikografi-cheskii aspekt // *Kognitivnye aspekty leksikografii*. 2009. S. 150-154.
41. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. M.: «Yazyki russkoi kul'tury», 1997, 992 s.
42. Talapova T. A. Kontsept «Vera/Neverie» v russkoi yazykovoi kartine mira. Avto-referat dis. ... kand. filol. nauk, Abakan, 2009, s. 22.
43. Tafsir Korana 5-oe izd-e. Al'-Ashbal, 2015. 706 s. (na avar. yaz.)
44. Timoshevskaya T. A. Natsional'no-kul'turnye osobennosti funktsionirovaniya kontsepta «Vera»: na materiale russkogo i angliiskogo yazykov: Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2012. 23 s.
45. Khristianstvo // Entsiklopedicheskii slovar'. T. 1. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1993.

Functional features of euphemisms in English-language

political discourse

Pavlova Tatyana Alexandrovna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Sevastopol State University

299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, Russia, Sevastopol, Crimea, Rudneva str., 26/5

✉ tatyana_bokhan@mail.ru

Potovskaya Kseniya Sergeevna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Sevastopol State University

299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, Russia, Sevastopol, Crimea region, Sevastopol, Crimea, Rudneva str., 26/5

✉ xevia25@mail.ru

Abstract. This article is a study of the linguistic phenomenon of euphemization in political discourse. In the research, attention is paid to the main functions of euphemisms, in particular, the communicative function aimed at softening and neutralization of communicative discomfort, as well as the function of the public conscience manipulation. The study material is English-language socio-political newspapers. Applying continuous sampling method, euphemisms in the English-language political discourse were selected and analyzed in order to identify their functional and pragmatic potential and impact on the target audience. The survey results showed that the manipulative function of euphemisms plays a dominant role. Basically, euphemisms not only create a positive communicative atmosphere, but also have an implicit effect on the reader through veiling, disguising and distortion techniques. The present study is of theoretical and practical significance due to the certain contribution it makes to the study of the theory of manipulation of public consciousness by the political authorities. The analysis of the ways of implementing the tactics of emotional influence through euphemisms in political discourse allows us to develop a certain immunity to attempts of manipulation. Undoubtedly, further research in this area will contribute to a deeper understanding of the pragmalinguistic potential of euphemisms in political discourse.

Keywords: implicit effect, communicative atmosphere, English-language socio-political newspapers, communicative discomfort, linguistic phenomenon, political correctness, political discourse, communication, manipulation, euphemism

References (transliterated)

1. Akhmanova, 1969 – Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. – 608 s.
2. Zabotkina, 1989 – Zabotkina V. I. Novaya leksika sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1989. – 128 s.
3. Krysin, 2004 – Krysin L. P. Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi // Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike.- M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. C. 286.
4. Moskvina, 1999 – Moskvina V. P. Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka. Volgograd: Peremena, 1999. – 262 s.
5. Ter-Minasova, – 2000 Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.-M.: Slovo, 2000. – 624 s.
6. Warren, 1997 – Warren B. Euphemisms in Today's English. – NY., 1997. – 232 p.

The specificity of the representation of speech in family communication of the characters in A.P. Chekhov's novels

Si Hongfeng

Postgraduate student, Department of Russian language, South Federal University

344010, Russia, Rostov region, Rostov On Don, Sorge str., 21

✉ jerry_on_don@qq.com

Abstract. This article presents an analysis of the ways of representing inner speech in the stories of Anton Chekhov, depicting the family communication of the characters. The aim of this study is to investigate the introduction of verbs with a common meaning of speech activity, their semantics and functions in depicting speech as a component of family communication in the stories of Chekhov's mature period. The research is based on the principles and main provisions of the structural-semantic and functional approach; theories of conceptualization and language representation; linguistic and cultural theory; theory of artistic text and discourse, as well as theoretical foundations of family communication. During the study, it was found that the main technique used by Chekhov to convey inner speech is improperly direct speech, which serves to unite and interfere with the author's and character's modus in the hero's inner speech. In those Chekhov's texts where the narration is in the first person, in most cases verbs are used that convey external speech in dialogic family communication. Inner speech in these stories is not typical and is rare.

Keywords: text in text, verb of speech, inner speech transmission, linguistic representation theory, stories, family, communication, indirect speech, inner speech, dialogue of the deaf

References (transliterated)

1. Korostova S.V., Sy Khunfen Osobennosti rechevogo povedeniya personazhei rasskaza A.P. Chekhova «Poprygun'ya» // Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rech'. Rechevaya deyatel'nost'. Tekst», posvyashchennoi pamyati professora Galiny Gennadievny Infantovoi / pod red. N.A. Seninoy Taganrog. 2020, s. 142-149
2. Onipenko N.K. Ob'yasnitel'nye vozmozhnosti lingvisticheskogo analiza prozy A.P. Chekhova. / N.K.Onipenko. // Gumanitarnaya paradigma, 2020. №3 (14). S.67-S.85 URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/obyasnitelnye-vozmozhnosti-lingvisticheskogo-analiza-prozy-a-p-chehova> (Data obrashcheniya: 29.03.2022).
3. Popova E.A. Kommunikativnye aspekty traditsionnogo povestvovaniya russkoi klassicheskoi literatury. V 2 chastyakh. Chast' 2. – Lipetsk: Izd-vo LGPU, 2007. – 283 s.
4. Prokhvatilova O.A., Fotina N.E. Spetsifika sredstv vnutrennei dialogichnosti v proze A. P. Chekhova 1888-1894 gg. /O.A. Prokhvatilova, N.E Fokina. // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie. 2016, №2. S120-S128. URL: : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sredstv-vnutrenney-dialogichnosti-v-proze-a-p-chehova-1888-1894-gg> (Data obrashcheniya: 29.03.2022).
5. Stepanov A. D. Problemy kommunikatsii u Chekhova. – M : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. – 400s . – (Studia philologica).
6. Sukhikh I. Dva skandala: Dostoevskii i Chekhov // Semiotika skandala. Sbornik statei.

Redaktor-sostavitel' Nora Buks. Moskva. Izdatel'stvo «Evropa», 2008. S.254-260.

7. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T. 7., M., 1978.
8. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T.8 M., 1978.
9. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T.9, M., 1978.
10. Chekhov A.P. Sobranie sochinenii v 12 tomakh, T.
11. Pis'ma 1877-1892. – M., 1963. 11.Chudakov A. P. Poetika Chekhova. M.: Nauka, 1971 – 291s.

Verbal representation of the central conceptual signs of male fidelity in German and Russian literary texts

Isaeva Leila Farkhadovna

Postgraduate student, Department of Germanistics and Linguodidactics, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow, lane. Small State-owned, 5B

✉ isaley22@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify and establish common and distinctive central features of the concept of Male fidelity based on the material of German and Russian literary texts of the first half of the twentieth century. The object of the study are lexemes representing the value representation of the linguistic and cultural concept of Male fidelity in the Russian and German languages. The subject of the proposed research is the lexical and semantic explication of the conceptual component of the concept of Male fidelity in German and Russian literary texts, the direction of realism in the first half of the twentieth century. The study used such methods as: definitional analysis, component analysis, comparative method, as well as the reception of quantitative calculations. In the work, as a scientific novelty, it is proposed to study for the first time the verbalization of the conceptual component of the concept of Male fidelity on the material of literary texts in a comparative aspect. The analysis allows us to conclude that the conceptual component of the concept can be verbally represented in the form of specific central features of the concept under study. Also, as a result of the conducted research, the presence of one common central feature of the concept of Male fidelity was established, namely: loyalty to the profession. However, there are also distinctive signs. In German art texts – constancy in the chosen style of clothing, and in Russian art texts - devotion to their ideas, constancy in the noble behavior of men, practicality as a manifestation of the constancy of a man's behavior.

Keywords: comparative typology, verbalization, synonym, concept center, literary text, Russian, German language, the concept of loyalty, token, analysis

References (transliterated)

1. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyi kontsept kak element yazykovogo soznaniya // Metodologiya sovremennoi psikholingvistiki: Sbornik statei. — Moskva; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. — 9 s.
2. Rubanova L.M., Chakina E.A. Osnovnye priznaki lingvokul'turnogo kontsepta «lichnost'» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://textarchive.ru/c-2346195-p52.html> (data obrashcheniya: 17.04.2023).
3. Biryukova, E. V. Yazykoznanie: sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov : Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / E. V. Biryukova, O. A. Radchenko,

- L. G. Popova. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo YuRAIT", 2018. – 173 s. – ISBN 978-5-534-08014-8.
4. Chupryna, O. G. sud'ba kak kontsept v yazyke i kul'ture / O. G. Chupryna, K. M. Baranova, M. G. Merkulova // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2018. – № 3(56). – S. 120-125. – DOI 10.20916/1812-3228-2018-3-120-125.
 5. Gerasimova, S. A. Antropotsentricheskii podkhod k yazyku / S. A. Gerasimova // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. – 2011. – № 2(8). – S. 96-100.
 6. Boldyrev H.H. Kognitivnaya semantika Tekst.: Kurs lektsii po angliiskoi filologii / H.H. Boldyrev. Tambov: Izd-vo Tamb. un-ta, 2002-310s
 7. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept Tekst. / S.G. Vorkachev. M.: Gnosis, 2004.-256 s.
 8. Karasik V. I. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. – Kemerovo: Kuzbass VUZ Izd- vo, 2004. – 207 s.
 9. Karasik V.I. Aksiologicheskaya lingvistika: kontsepty i diskurs [Tekst] /V.I. Karasik // Germanistika Rossii: Traditsii i perspektivy: Mat-ly nauch.-metod. seminara. – Novosibirsk: NGU, 2004. – S. 28-32.
 10. Kubryakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika, psikhologiya, kognitivnaya nauka Tekst. / E.S. Kubryakova // Voprosy yazykoznaniya. M.-1994.-S. 34-47.
 11. Parfenenko E.N., Popova L.G., Nifanova T.S. Leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya periferii ponyatiinogo komponenta kontsepta «pomilovanie» v angliiskom i russkom yazykakh // Litera. – 2020. – No 6. – s. 124-131.
 12. Deutsch Duden online [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.duden.de>, (data obrashcheniya: 15.04.2023).
 13. Langenscheidts Großwörterbuch [Elektronnyi resurs]. URL: <https://de.langenscheidt.com>, (data obrashcheniya: 15.05.2023).
 14. Wahrig Deutsches Wörterbuch [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.wahrig.de>, (data obrashcheniya: 15.04.2023).
 15. Mann Heinrich. Der Untertan. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/38126/38126-pdf.pdf>(data obrashcheniya: 15.04.2023).
 16. Mann Thomas. Buddenbrooks. [Elektronnyi resurs]. URL:<https://anylang.net/ru/books/de/buddenbroki> (data obrashcheniya: 15.04.2023).
 17. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoi. – 18-e izd., ster. – M.: Russkii yazyk, 1987. – 797 s. [Elektronnyi resurs]. URL: http://mirslovarei.com/oje_a (data obrashcheniya: 21.04.2023)
 18. Efremova T. F. Sovremennyyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t. – M.: AST: Astrel', 2004. – 3304 s.
 19. Gavrilova A.S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50000 slov. — M.:«Adelant», 2014. – 800 s.
 20. Kaverin R.M. Dva kapitana. [Elektronnyi resurs]. URL: https://librebook.me/dva_kapitana_kaverin_veniamin_aleksandrovich/vol1/1?ysclid=lgznj0w6ud713075440 (data obrashcheniya: 27.04.2023).
 21. Bulgakov M.A. Belaya gvardiya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://onlain-chitat.rf/bulgakov-belaya-gvardiya/> (data obrashcheniya: 27.04.2023)

Verbal Means of Implementing Communication Strategies in English-Language Outdoor Advertising

Pishcherskaia Elena Nikolaevna

PhD in Philology

Associate professor, Foreign Languages department, Chita Institute of Baikal State University

672000, Russia, Zabaikal'skii krai, g. Chita, ul. Anokhina, 56, aud. 47

✉ kishana@inbox.ru

Abstract. The analysis of advertising texts is an interdisciplinary problem studied at the junction of various fields of knowledge, the pragmalinguistic analysis of advertising, among other things, is based on its understanding in psychology, philosophy, marketing, etc. The object of research is the texts of English-language outdoor advertising. The subject of the study is the strategic features of outdoor advertising texts, the main verbal means of expressing communicative attitudes in them. The author examines in detail the main characteristics of the outdoor advertising text, which is creolized in its structure, that is, such a text where verbal and nonverbal components create a single semantic whole and contribute to achieving the goals of advertising impact. The main theories of creation and realization of the influencing potential of advertising texts are considered. The main conclusion of the study is the conditionality of the choice of linguistic and non-verbal means of communication in the advertising discourse, depending on the communicative attitudes, both explicit and hidden. The author's contribution is a description of the classification of general and particular communicative strategies and tactics of the outdoor advertising text, among which strategies of a cooperative and non-cooperative nature are highlighted. The description of strategies is carried out through the analysis of the main linguistic means of creating an influencing effect in an advertising appeal. The novelty and relevance of the study is due to the inclusion of non-verbal components in the semantic fabric of the text, and, consequently, the need to apply new approaches to the analysis of such texts.

Keywords: English, slogan, ads impact, linguistic means, pragmalinguistic analysis, creolized text, pragmatics, advertising text, communication strategies, outdoor advertising

References (transliterated)

1. Hosni M. El-Dali The Language of Consumer Advertising: Linguistic and Psychological Perspectives // Studies in Linguistics and Literature. 2019. 3(2):95
2. Jingxia L., Thao L. Intertextual Techniques in Advertisements // International Journal of Innovative Interdisciplinary Research. 2013. Vol. 2
3. Mamirova D.S. Basic Features of Advertising Language // JournalINX. 2020. Vol. 6, Issue 10
4. Xueping L. A Brief Analysis of Linguistic Features of English Advertising Language // International Journal of Liberal Arts and Social Science. 2020. 8(3), pp. 12-22.
5. Driga, S. Creolized Text as An Object of Interdisciplinary // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences 2018. vol 39. pp. 543-547.
<https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.77>
6. Dymova A. V. Experimental Research on The Colour Yellow Meanings in British and American Rock-Discourse / A. V. Dymova, V. Yu. Kareva // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences : Conference proceedings. London: European Publisher, 2020. – pp. 260-270. – DOI 10.15405/epsbs.2020.11.03.28.

7. Makhamadaliyevna Y. D. Creolized Texts: Study Basics Creolized Text Comics // Modern Journal of Social Sciences and Humanities. 2022. 5, 334–340.
8. Oprishch N. S. Functioning of English Language Social Advertising Creolized Texts // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – No. 2(22). – pp. 41-44. – DOI 10.18454/RULB.2020.22.2.20.
9. Bernatskaya A. A. Lingvistika teksta // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie / Sibirskii federal'nyi universitet ; Pod redaktsiei A.P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk : Sibirskii federal'nyi universitet, 2014. – S. 273-274.
10. Boiko B. L. Teksty voinskikh ustavov i nastavlenii kak kreolizovannye teksty // Nauchno-metodicheskii byulleten' Voenного universiteta MO RF. – 2022. – № 2(18). – S. 57-65.
11. Sonin A. G. Tekst i kontekst: issledovanie semantiki yazykovykh edinit v usloviyakh polikodovoi kommunikatsii / A. G. Sonin, D. S. Michurin // Russkii yazyk v shkole. – 2013. – № 9. – S. 57-63.
12. Ageeva Yu. V. Kommunikativnye strategii i taktiki v russkoyazychnom rekrutirovannom diskurse. Kazan', 2016.
13. Deik van, T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Blagoveshchensk, 2000.
14. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. M., 2003.
15. Nazarov N. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatii "kommunikativnaya strategiya" i "kommunikativnaya taktika" // Govor: al'manakh. 2022. № 9.
16. Pirogova Yu.K. Diskursivnoe davlenie i strategii obrabotki marketingovykh soobshchenii. M., 2007.
17. Yanko T. E. Kommunikativnye strategii i kommunikativnye struktury. M., 1999
18. Zambrana J.M. Use of Communicative Strategies in L2 Learning: An Intercultural Study // International Journal of English Studies, vol. 20 (3), 2020, pp. 77–107. doi: 10.6018/ijes.399631
19. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie. / Otv. red. I.V. Vashunina. M., 2020.
20. Basenko G. V. Pragmalinguistic Analysis of Newspaper Headlines (based on the material of the English newspaper "The Guardian") // Russian Linguistic Bulletin. 2020. No 3(23)
21. Kul'tura russkoi rechi. M., 2009.
22. Klemenova E., Ereshchenko M. Communicative Strategies of Social Media Discourse. E3S Web Conf. 210 16001 (2020) DOI: 10.1051/e3sconf/202021016001
23. Pishcherskaya E.N. Strategicheskii potentsial teksta bannernoі reklamy: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2011.
24. Chaikovskaya S. V. Kommunikativnye taktiki, realizuyushchie strategiyu samoprezentatsii professional'noi yazykovoi lichnosti artista (na materiale interv'yu s N.A. O'shei) // Russkaya rechevaya kul'tura i tekst : Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Pod obshchei redaktsiei N.S. Bolotnovoi. – Tomsk: Tomskii tsentr nauchno-tekhnikheskoi informatsii, 2020. – S. 185-191.
25. Golodnov A.V. Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoi kommunikatsii: na primere sovremennoi nemetskoyazychnoi reklamy. SPb, 2003.
26. Alekseev A. B. Kommunikativnaya strategiya marginalizatsii kak manipulyativnaya strategiya vlasti v politicheskom diskurse // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2022. – T. 20, № 1. – S. 96-111. – DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111.

